ГРОССМЕЙСТЕРЫ ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

ГЕНЕРАЛ АБАКУМОВ:

НАРКОМ СМЕРША

ВИКТОР СТЕПАКОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Виктор Абакумов – министр государственной безопасности сталинской эпохи. Он был одним из самых могущественных и загадочных руководителей того времени. Сегодня существуют два диаметрально противоположных образа Абакумова: одни считают его палачом и инициатором массовых политических репрессий, другие – честным, принципиальным и талантливым представителем отечественных спецслужб.

Автор, специалист по истории спецслужб, опираясь на многочисленные архивные материалы, пытается опровергнуть все мифы и легенды об Абакумове и воссоздать подлинный образ этого поистине незаурядного человека.

- Виктор Степаков
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Приложения
  - Источники
  - Литература
  - Список сокращений
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59

Виктор Степаков
Генерал Абакумов: Нарком СМЕРШа

Глава первая

В апреле 1908 года в семье истопника Семена Абакумова родился очередной ребенок.

Крестили младенца в церкви Николы в Хамовниках, где настоятелем был отец Македон, известный в округе своим пристрастием к непомерному возлиянию и куражу. Этим привычкам священник остался верен и на этот раз.

– Сысоем младенца хотите наречь? – мутно взглянул на родителей отец Македон и объявил: – Неблагозвучно. Не буду крестить.

– Да как же ему без крещения. Он, поди, не мамайка, не бусурман какой-нибудь, – заволновалась мать.

– Имя меняйте, либо не буду крестить, – сказал святой отец и даже притопнул ногой.

– Может, Македон? – пришел на помощь ломовой извозчик Федор Гнутов, знакомец семьи и крестный отец мальчика.

– Молчи. Македон – это я, – ответил священнослужитель. – А младенца нарекаю именем Виктор, сиречь – Победитель. И быть посему! – вынес окончательный вердикт и качнулся, едва не опрокинув купель.

Так начиналась жизнь Виктора Семеновича Абакумова, будущего наркома СМЕРШа.

Детство мальчика, проходившее в рабочем квартале, близ Хамовнических казарм, было трудным. Отец из-за беспросветной нужды нередко бывал пьян, ругался и по любому поводу распускал руки. Мать, работавшая прачкой, случалось, тоже выпивала. Витя, предоставленный сам себе, целыми днями бегал со своими сверстниками по Москве, оборванный, грязный и вечно голодный.

Февральская революция 1917 года не внесла в жизнь мальчика заметных изменений. Правда, воображение девятилетнего ребенка поразили толпы москвичей с красными знаменами и бантами, митинги на перекрестках и площадях, где ораторы произносили зажигательные речи, в которых очень часто звучали непонятные слова о крушении монархии, свободе, равенстве и братстве. Витя вместе со всеми кричал «ура» и подкидывал в воздух свою шапку. Находясь под впечатлением от митинговых страстей, он как-то спросил у отца:

– Что теперь будет?

– Да ничего хорошего, – пьяно промычал родитель и рухнул под стол.

Абакумов-старший как в воду глядел: в октябре 1917 года в

Петрограде произошла пролетарская революция. Временное правительство было низложено, власть в столице захватили большевики.

25 октября в Москве был создан Военно-революционный комитет (ВРК). В состав ВРК вошли верные ленинцы: Ломов, Смирнов, Усиевич, Муралов, а чуть погодя в него были кооптированы и руководители Красной гвардии – Ведерников и Розенгольц. После этого ВРК немедленно приступил к осуществлению мер по захвату власти. Двум партийным товарищам – Ведерникову и Аросеву – поручалось «предпринять необходимые шаги по занятию телеграфа, телефона и почтамта революционными войсками в целях охраны». Другой большевик, Соловьев, получил мандат с приказом «принять меры к недопущению выпуска буржуазной прессы и занятию типографий буржуазных газет».

Однако московские революционеры встретили сопротивление со стороны созданного 27 октября Комитета общественной безопасности (КОБ) под руководством эсера Руднева и командующего Московским военным округом полковника Рябцева, который опирался на юнкеров Александровского училища и студентов.

В городе начались вооруженные стычки, вскоре перешедшие в ожесточенные уличные бои. Первое время военный успех был на стороне Комитета общественной безопасности. Юнкера и учащаяся молодежь дрались решительно и умело. Тогда как воинские формирования ВРК – красногвардейцы и революционные солдаты – напротив, сражались неохотно и бестолково.

В эти тревожные дни на Хамовническом плацу – огромной площади между казармами и лежащими напротив них же конюшнями и разными службами – шел нескончаемый митинг. Агитаторы из Хамовнического ревкома призывали солдат 193-го пехотного запасного полка, квартировавших в казармах, выступить на защиту революции.

– Товарищи, наши враги в смертельной схватке хотят задавить опору народной революции – Военно-революционный комитет, – стоя на перевернутом ящике, охрипшим голосом взывал к солдатской массе очередной ревкомовец. – Они хотят отнять у народа землю, которая после петроградского переворота навсегда потеряна ими. К оружию товарищи! Будем биться, как свободные граждане! Нас можно убить, но нас не заставят опять пойти в рабство и осудить на рабство наших детей и внуков. Вперед, товарищи, опрокинем врага своим революционным напором!

Солдаты слушали агитатора, дымили самокрутками, но опрокидывать врага явно не спешили. Из толпы, под одобрительный гул, раздались выкрики:

– Гладко стелешь!

– Сам воюй, чем языком-то молоть!

– Товарищи, будьте сознательными! – хрипел ревкомовец, но его слова заглушали гогот, свист и матюки.

Недалеко от митингующих красногвардеец с туго забинтованной рукой рассказывал любопытным о недавнем бое:

– Вышли мы, значит, на Зубовский бульвар, идем, а тут юнкера и эти патлатые, со стекляшками на мордах, скубенты, что ли, как по нам из винтовок дадут, как дадут! Наши – кто пал, кто бежать. Они следом, да быстро так. Кого догонят, так штыком или прикладом – крык! – готовец. Ваське Загнеткину, дружку моему, прикладом все мозги из башки вышибли, а мне вот руку насквозь штыком пропороли, насилу убег. Да, наклали нам по шеям, будьте-нате, как наклали…

Целыми днями Витя Абакумов вместе со своими сверстниками пропадал на Замовническом плацу. Происходящие события мальчишек ничуть не пугали. Им было невероятно интересно. Еще бы, ведь они своими глазами видели настоящую войну!

Между тем 29–30 октября к московским большевикам прибыло значительное подкрепление. Из Иваново-Вознесенска – отряд красногвардейцев под командованием Михаила Фрунзе, а из Петрограда – 500 балтийских матросов, направленных по личному распоряжению Ленина.

Бои в центре города вспыхнули с удвоенной силой. 31 октября из Замоскворечья большевики начали артиллерийский обстрел Кремля и городских зданий, в которых закрепился противник.

С Хамовнического плаца вела огонь батарея тяжелых гаубиц.

– Батарея! Прицел… Трубка… Огонь! – командовал артиллерийский командир.

Орудия оглушительно рявкали и распахивали станинами землю, посылая снаряды по цели. Через мгновения до плаца доносились звуки тупых, тяжелых ударов, приглушенные расстоянием. Артиллерийские наблюдатели, расположившиеся на крыше казарм, кричали сверху о результатах стрельбы:

– Есть попадание! Крой дальше!

– Это мы с удовольствием. Это мы завсегда могем! – отвечала, суетясь возле гаубиц, орудийная прислуга, состоящая из кронштадтских братишек.

– Батарея! Прицел… Трубка… Огонь!

В короткие минуты затишья матросов со всех сторон обступал народ. Завязывалась оживленная беседа.

– Товарищ, как там в Петрограде?

– В Питере порядок, наша взяла, гадам – амба. Это вы тут со своими мандалаями волынку развели, справиться не можете, – отвечал веселый братишка в распахнутом бушлате.

– А Ленина, Ленина ты видел? Какой он из себя будет?

– Ленин-то, – задумался матрос и продолжал, не моргнув глазом, – он, товарищ, роста невеликого, но головаст. Голова, как котел, во-о такая. Это чтобы за бедных и босых лучше думать. Очень крепко он нас, моряков, уважает. Люблю, говорит, вас, чертей полосатых, больше жизни. А вот буржуев не любит, так не любит, аж зубами скрипит. Этих, говорит, живьем есть буду.

– Да, дела, – удивлялся народ.

Вместе со всеми слушал рассказчика и Витя Абакумов, с ужасом представляя себе маленького человечка с большой головой, огромными зубами рвущего богатея.

4 ноября сопротивление отрядов Комитета общественной безопасности было сломлено. Большевики заняли Кремль, сильно пострадавший в ходе четырехдневной бомбардировки. По всему городу был расклеен манифест победителей:

«Московская победа закрепляет всемирно-историческую победу петербургского пролетариата и гарнизонов. Под грохот мировой войны в столице России центральная власть перешла в руки Всероссийского съезда Советов. Это – власть самого народа: рабочих, солдат и крестьян. Это – власть мира и свободы. Это – власть, которая уже предложила мир, передала землю крестьянам…

Впервые и человеческой истории трудящиеся классы взяли власть в свои руки, своей кровью завоевав свободу. Эту свободу они не выпустят из своих рук. Вооруженный народ стоит на страже революции».

– Вот жизня пришла, как фон-бароны ныне заживем, – оценил в семейном кругу истопник Абакумов установление Советской власти. – Они, большевики-то, слышь, чего обещают. Землю, мол, отдадим крестьянам, рабочим – фабрики и заводы. А мне что? Топку! Эх, мать вашу, все, с завтрашнего дня моя топка, и точка!

Но в этом случае Абакумов-старший жестоко просчитался. Жить стало еще бедней, голодней и беспросветней. Не сбылась мечта и о топке. На его справедливое требование комендант советского учреждения, появившегося в здании, где трудился истопник, ответил обидными словами:

– Несознательный ты элемент, Абакумов. Серая порция, одно слово. Ты свои частнособственнические замашки брось и

контрреволюцию мне тут не разводи, а то мигом в чеку загремишь.

В новом, 1918 году, в стране разгорелось пламя гражданской войны. В эти дни Москва являла собой фантастическое, порою жуткое зрелище. Знаменитый писатель Иван Бунин по горячим следам оставил зарисовки повседневной жизни в большевистской столице:

«Ходили на Лубянку. Местами “митинги”. Рыжий, в пальто с каракулевым круглым воротником, с рыжими кудрявыми бровями, с свежевыбритым лицом в пудре и с золотыми пломбами во рту, однообразно, точно читая, говорит о несправедливостях старого режима. Ему злобно возражает курносый господин с выпуклыми глазами. Женщины горячо и невпопад вмешиваются, перебивают спор (принципиальный, по выражению рыжего) частностями, торопливыми рассказами из своей личной жизни, долженствующими доказать, что творится черт знает что. Несколько солдат, видимо, ничего не понимают, но, как всегда, в чем-то (вернее, во всем) сомневаются, подозрительно покачивают головами.

Подошел мужик, старик с бледными вздутыми щеками и седой бородой клином, которую он, подойдя, любопытно всунул в толпу, воткнул между рукавов двух каких-то все время молчавших, только слушавших господ: стал внимательно слушать, но тоже, видимо, ничего не понимая, ничему и никому не веря. Подошли высокий синеглазый рабочий и еще два солдата с подсолнухами в кулаках. Солдаты оба коротконоги, жуют и смотрят недоверчиво и мрачно. На лице рабочего играет злая и веселая улыбка, пренебрежение, стал возле толпы боком, делая вид, что он приостановился только на минутку, для забавы: мол, я ранее знаю, что все говорят чепуху.

Дама поспешно жалуется, что она теперь без куска хлеба, имела раньше школу, а теперь всех учениц распустили, так как их нечем кормить.

Кому же от большевиков стало лучше? Всем синю хуже и первым делом нам же, народу!

Перебивая ее, наивно вмешалась какая-то намазанная сучка, стала говорить, что вот-вот немцы придут, и всем придется расплачиваться за то, что натворили.

– Раньше, чем немцы, придут, мы вас всех перережем, – холодно сказал рабочий и пошел прочь.

Солдаты подтвердили: “Вот это верно!” – и тоже отошли…

На Петровке монахи колют лед. Прохожие торжествуют, злорадствуют:

– Ага! Выгнали! Теперь, брат, заставят! …

На Страстной наклеивают афишу о бенефисе Яворской. Толстая розово-рыжая баба, злая и нахальная, сказала:

– Ишь, расклеивают! А кто будет стены мыть? А буржуи будут ходить по театрам! Им запретить надо ходить по театрам. Мы вот не ходим. Все немцами пугают – придут, придут, а вот чтой-то не приходят!

По Тверской идет дама в пенсне, в солдатской бараньей шапке, в рыжей плюшевой жакетке, в изорванной юбке и в совершенно ужасных калошах.

В трамвае ад, тучи солдат с мешками – бегут из Москвы, боясь, что их пошлют защищать Петербург от немцев.

Все уверены, что захват России немцами уже начался. Говорит об этом и народ: “Ну, вот немец придет, наведет порядок”.

Как всегда, страшное количество народа возле кинематографов, жадно рассматривают афиши. По вечерам кинематографы просто ломятся от народа. И так всю зиму.

У Никитских Ворот извозчик столкнулся с автомобилем, помял ему крыло. Извозчик, рыжебородый великан, совершенно растерялся:

– Простите, ради Бога, в ноги поклонюсь!

Шофер, рябой, землистый, строг, но милостив:

– Зачем в ноги? Ты такой же рабочий человек, как и я. Только в другой раз смотри, не попадайся мне!

Чувствует себя начальством, и недаром. Новые господа…

В магазине Белова молодой солдат с пьяной сытой мордой предлагал пятьдесят пудов сливочного масла и громко говорил:

– Нам теперь стесняться нечего. Вон наш теперешний главнокомандующий Муралов [1] такой же солдат, как и я, а на днях пропил двадцать тысяч царскими.

Двадцать тысяч! Вероятно, восторженное создание хамской фантазии. Хотя черт его знает, – может, и правда…

Встретил на Поварской мальчишку-солдата, оборванного, тощего, паскудного и вдребезги пьяного. Ткнул мне мордой в грудь и, отшатнувшись назад, плюнул на меня и сказал:

– Деспот, сукин сын!..

Вечером в Большом театре. Улицы, как всегда теперь, во тьме, но на площади перед театром несколько фонарей, от которых еще гуще мрак неба. Фасад театра темен, погребально-печален, карет, автомобилей, как прежде, перед ним уже нет. Внутри пусто, заняты только некоторые ложи. Еврей, с коричневой лысиной, с седой подстриженной на щеках бородой и в золотых очках, все трепал по заду свою дочку, садившуюся на барьер девочку в синем платье, похожую на черного барана. Сказали, что это

какой-то «эмиссар».

Когда вышли из театра, между колонн черно-синее небо, два-три туманно-голубых пятна звезд и резко дует холодом. Ехать жутко. Никитская без огней, могильно-темна, черные дома высятся в темно-зеленом небе, кажутся очень велики. Выделяются как-то по-новому. Прохожих почти нет, а кто идет, так почти бегом.

На углу Поварской и Мерзляковского два солдата с ружьями. Стража или грабители? И то и другое…

Опять какая-то манифестация, знамена, плакаты, музыка – и кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток:

– Вставай, поднимайся рабочий народ!

Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские.

Римляне ставили на лица своих каторжников клейма “Cave furem” (“Осторожно: вор”). На эти лица ничего не надо ставить, – и без всякого клейма все видно».

Вот в такой атмосфере, где вседозволенность, ярость и испепеляющая ненависть классов стали смыслом существования расколотого на два лагеря российского общества, проходило детство Вити Абакумова. Однако политика мальчика сильно не интересовала, хотя одно он знал твердо: буржуи и белогвардейцы – злейшие враги рабочего класса. Неоднократно Витя вместе со сверстниками отправлялись в центр Москвы, где камнями и палками забрасывали прохожих, внешним видом смахивающих на буржуев. Кстати, находясь в эмиграции, известный ученый-музыковед Михаил Боржомский вспоминал, как однажды на Лубянке его закидала камнями компания малолетних оборванцев. При этом профессор особо отметил, что когда один из камней попал ему в голову, несколько взрослых пролетариев приветствовали удачное попадание злорадными криками: «Правильно, огольцы! Так его, черта очкастого!». Словом, вполне возможно, что гулю на профессорской голове набил камень, запущенный меткой рукой будущего наркома СМЕРШа…

Между тем гражданская война шла своим чередом. Образовывались, вскипая ожесточенными сражениями, и исчезали обширные фронты – Северный, Восточный, Южный, Польский[2]. В тяжелых боях Красная армия превращалась в силу, громившую войска Юденича, Колчака, Деникина, Врангеля[3].

В 1921 году Вите Абакумову исполнилось тринадцать лет. Однако выглядел он гораздо старше, был высок и не по годам силен. Без труда мог избить любого ровесника или даже взрослого парня. Учился мальчик в городском начальном

(низшем) училище и, вероятно, после его окончания пополнил бы армию российских пролетариев, но вмешался случай.

Однажды к Абакумовым заглянул знакомец Федор Гнутов.

Был он в хорошей тужурке, галифе, крепких солдатских ботинках и со своим угощением: парой селедок и бутылкой очищенной водки.

– Ишь ты, кучеряво живешь, – удивился Абакумов-старший.

– А то как же, – самодовольно ответил гость, – нам теперь по-иному никак не возможно.

В ходе застолья выяснилось, что Федор Гнутов служит в частях особого назначения, где числится на хорошем счету.

– Ишь ты, ловко устроился, – вновь удивился Семен Абакумов.

– Происхождение помогло. Туда ведь кого ни попадя не возьмут. А я как потомственный пролетарий, мозолистая рука, по всем статьям подошел. Опять же, политически грамотен и контру всякую за версту сердцем чую, – бахвалился захмелевший Гнутов.

Пришедший с улицы Витя вызвал у него бурю восторга.

– А, крестник явился! Ты гляди, как вымахал, – зашумел крестный отец.

– Вымахал в дылду, а толку что, – недовольно буркнул отец родной. – Шел бы вон на завод в подмастерья, так нет, учится он, штаны протирает…

– Зачем ему на завод, – сказал Федор Гнутов. – Пускай лучше к нам идет, в чоновцы.

– Ага, чтобы убили, – заволновалась мать и дернула стопку.

– Так уж и убьют… Наоборот, ботинки, паек выдадут, и будем мы вместе с ним контру душить, – усмехнулся знакомец, поднимая свой стакан.

– Вот это дело! Дуй, Витька, в чоновцы, – загорелся предложением Абакумов-старший.

– А я что, я согласный, – ответил Витя.

В ноябре 1921 года Виктор Абакумов бросил учебу в городском училище и пошел служить санитаром во 2-ю Московскую бригаду частей особого назначения (ЧОН).

В санитарной роте встретили его хорошо. В пустой казарме сидел скучающий дневальный и от скуки тренькал на балалайке:

Ехали китайцы, потеряли я….
Девки думали – малина.
Откусили половину.

Заметив мальчика, отложил в сторону музыкальный инструмент и позвал:

– Эй, ходи сюда. Кто таков?

– Абакумов Виктор. Буду у вас служить.

– Это о тебе Федька Гнутов хлопотал, – сказал боец и, услышав утвердительный ответ, продолжил: – Значит, вместе служить будем. Вот, держи «краба», – протянул огромную клешню, – познакомимся: Бесфамильный Иван. А чем занимаемся, знаешь?

Так началась служба Виктора Абакумова в частях особого назначения.

Стоит напомнить, что 23 апреля 1919 года в центральной печати было опубликовано решение ЦК РКП(б), в котором указывалось о необходимости принятия срочных мер по «мобилизации всех сил партии для защиты революции и ее завоеваний».

В соответствии с этим решением при заводских партячейках, райкомах, горкомах, укомах и губкомах партии началось формирование частей особого назначения (ЧОН). Вначале части формировались из членов и кандидатов партии, сочувствующих рабочих, членов профсоюзов, а затем и из лучших комсомольцев. Первые ЧОН возникли в Петрограде и Москве, позже в губерниях РСФСР (к сентябрю 1919 года такие части были созданы в 33 губерниях), на Украине, в Белоруссии, Казахстане, республиках Средней Азии и Закавказья.

ЧОН принимали участие в боевых действиях против белогвардейцев вместе с частями Красной армии. Многие чоновцы по поручению партийных организаций оставались в захваченных противником районах для подпольной работы и организации партизанского движения. Однако главным образом ЧОН использовались для охраны важных объектов, подавления контрреволюционных выступлений, участия в операциях войск Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) и войск внутренней охраны Республики (ВОХР).

24 марта 1921 года ЦК РКП(б) на основании решения X съезда партии принял постановление о включении ЧОН в состав милиционных частей Красной армии. Личный состав ЧОН был разделен на кадровый и милиционный (переменный). Военное обучение чоновцев стало проходить в системе военно-учебных заведений и курсов РККА. ЦК РКП(б) писал в одном из специальных циркуляров:

«Борьба с контрреволюцией, требующая от нас большого внимания и военного напряжения, продолжается. На окраинах развивается бандитизм; только что подавлено затянувшееся восстание в Тамбовской губернии…

Голод, охвативший огромную территорию страны, создает

благоприятную почву для усиления контрреволюции. Зарубежные контрреволюционеры делают все, чтобы использовать голод для организации крестьянских и рабочих выступлений. Вместе с тем мы вынуждены провести значительное сокращение армии. Все это выдвигает перед нашей партией задачу особой партийной и государственной важности – задачу неотложно и энергично поднять боевую мощь частей особого назначения».

В сентябре 1921 года были учреждены командование и штаб ЧОН (командующий – А. К. Александров, начальник штаба – В. А. Кангелари). Для политического руководства был образован Совет ЧОН при ЦК РКП(б) во главе с секретарем ЦК В. В. Куйбышевым и заместителем председателя ВЧК И. С. Уншлихтом. В губерниях и уездах появилось командование и штабы ЧОН, Советы ЧОН при губкомах и укомах партии, состоящие из секретарей партийных и комсомольских комитетов, представителей Красной армии, внутренних войск и ЧК. К концу года в ЧОН числились 39 673 человека кадрового состава и 323 372 человека – милицейского. В состав ЧОН входили стрелковые и кавалерийские, артиллерийские и бронечасти.

2-й Московской бригадой ЧОН, где служил Виктор Абакумов, командовал бывший кавалерийский комбриг, герой Чонгара и Ишуни тов. Дука. Был он огромного роста, усат, громогласен и, вероятно, вследствие тяжелой контузии отличался оригинальностью по части воспоминаний. Выстроив личный состав на плацу, комбриг расхаживал, звеня шпорами, вдоль рядов и свирепо басил:

– Вот, помню, наступали мы на Ишунь… Или под Таганашем еще случай был… – предаваясь военным воспоминаниям, тов. Дука дергал контуженой головой и непроизвольно корчил страшные рожи, а заканчивалось каждое из его выступлений неизменным призывом: – Бойцы, смерть врагам революции и рабочего класса! Даешь мировую революцию!

1-я и 2-я Московские бригады частей особого назначения, сформированные в 1919 году, подчиняясь непосредственно Совету ЧОН при ЦК РКП(б), постоянно находились в Москве. Отдельные части бригад, укомплектованные проверенными партийцами и комсомольцами, участвовали в подавлении крупных антисоветских выступлений, в частности, антоновского восстания в Тамбовской Губернии[4]. Но личный состав бригад в основном привлекался к охране важных объектов в столице, операциям по борьбе с уголовным бандитизмом и ликвидации антисоветских волнений в ближайших губерниях.

В мае 1922 года из состава 2-й бригады был сформирован отряд для подавления волнений в Шиловском уезде Рязанской

губернии (крестьяне этого уезда относились к советской власти крайне враждебно и устраивали частые восстания, начиная с 1918 года). Экспедиционный отряд состоял из стрелковой роты и трех взводов: кавалерийского, пулеметного и санитарного, общей численностью около 200 человек. В личный состав отряда приказом по бригаде был зачислен и Виктор Абакумов.

Провожали чоновцев торжественно, с оркестром. С пламенной речью к бойцам обратился представитель Совета ЧОН и комбриг Дука. Последний, как обычно, дергая головой и страшно гримасничая, призвал своих подчиненных безжалостно изничтожить гидру контрреволюции, тем самым приблизив светлый день свершения мировой революции.

Напутствовал своего крестника и Федор Гнутов.

– Ты, Витька, главное, не колготись там. Держись ближе к Ваньке Бесфамильному, с ним не пропадешь, он парень хват, каких поискать, – сказал он, обнимая Виктора.

Операция по подавлению антисоветских волнений в Шиловском уезде прошла успешно и быстро. Экспедиционный отряд совместно с частями особого назначения Рязанского губкома окружили повстанцев на болотистых берегах реки Пара в районе деревни Желудево и после короткого боя вынудили их сложить оружие. Общие потери чоновцев составили один убитый и четверо легко раненных бойцов. Повстанцы потеряли свыше 20 человек убитыми и раненными, остальные – 17 человек – были взяты в плен.

По приказу командира экспедиционного отряда Дудукина Виктор Абакумов вместе с другими санитарами оказывал первую медицинскую помощь раненным повстанцам.

– Дядька Бесфамильный, зачем на них бинты переводить, они же наши враги, – недоумевал юный чоновец.

– Ты не разговаривай, ты приказ выполняй. А товарищу Дуке мы про Дудукина доложим, обязательно доложим. Комбриг разберется, кто такой Дудукин, дурак или контрик недобитый, обязательно разберется, – отвечал санитар Бесфамильный.

После возвращения в Москву весь личный состав отряда за операцию в Шиловском уезде получил благодарность от командования бригады. Виктор Абакумов был этим несказанно горд. Вообще, служба в ЧОН пришлась ему по душе. В одной из своих ранних автобиографий он напишет, что период нахождения в частях особого назначения сделал из него «честного и несгибаемого борца за светлые социалистические идеалы, готового на любые жертвы ради торжества коммунизма».

Однако в 1923 году, в связи с улучшением внутреннего и

международного положения СССР и укрепления Красной армии, началось постепенное расформирование ЧОН.

В начале 1924 года по решению ЦК РКП(б) 2-я Московская бригада частей особого назначения прекратила свое существование. Виктор Абакумов, как и сотни его сослуживцев, пополнил многомиллионную армию советских безработных.

Страна жила в условиях новой экономической политики (НЭП). Процветала частная торговля. Нэпманы, или «совбуры» (советские буржуи), чувствовали себя новыми хозяевами жизни. Рабочие продолжали влачитъ жалкое существование, усугубленное жестокой безработицей.

Очутившись на улице, Виктор Абакумов, однако, бедствовал недолго. Вскоре, благодаря оставшимся связям с сослуживцами по 2-й бригаде ЧОН, он поступил на один из московских заводов, где проработал непродолжительное время простым рабочим. В 1925 году Абакумов устроился упаковщиком в Московский союз промысловой кооперации, затем несколько лет служил стрелком 1-го отряда военно-промышленной охраны ВСНХ СССР. В 1927 году он вновь вернулся к профессии упаковщика, теперь уже на складах Центросоюза, богатейшей конторы, составляющей жесточайшую конкуренцию частным торговцам.

Кстати, в одном из недавних исследований о Викторе Семеновиче Абакумове появилось утверждение, что «в годы НЭПа он всегда находился рядом с материальными ценностями» и, как водится, потихоньку подворовывал. Вот такой штрих к портрету генерала Абакумова. Дескать, он не только совершал тяжкие преступления в зрелые годы, но и по молодости был нечист на руку. Между тем это неправда.

В архивных фондах Центросоюза за 1927 год имеется документ, где говорится, что «упаковщик склада № 6 Центросоюза тов. Абакумов за проявленную бдительность и непримиримую борьбу с расхитителями социалистической собственности награжден ценным подарком». Однофамилец? Едва ли.

В том же исследовании подчеркивалось, что именно в годы НЭПа у Абакумова стала проявляться стремление к красивой жизни и тяга к слабому полу. Это соответствует действительности.

Молодой, высокий, привлекательный парень старался всегда выглядеть модным. Он справил себе картуз, лаковые штиблеты и модный галстук. В Хамовниках Виктор Абакумов слыл перспективным женихом. Слабый пол как магнитом тянуло к обходительному молодому человеку при галстуке и деньгах. Правда, сам Виктор жениться на многочисленных претендентках

не спешил, зато «матросил» их знатно.

В 1927 году в жизни Абакумова случилось одно немаловажное событие. Однажды к нему подошел комсомольский вожак Центросоюза Рудольф Певзнер и строго сказал:

– Товарищ Абакумов, вот ты бывший чоновец, бдительный малый и на работе пользуешься уважением, но при этом проявляешь вопиющую несознательность. Поступаешь как обыватель, как торговец с Сухаревки. Почему ты до сих пор не член ВЛКСМ? Где твоя сознательность, Абакумов?

– А я что, я согласный, – ответил Виктор.

В этот же день он написал заявление о вступлении в ряды Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи.

Став комсомольцем, Абакумов активно включился в общественную жизнь Центросоюза, проявив большие организаторские способности. Его единственным недостатком как члена ВЛКСМ была «хромающая» грамотность, писал он с ошибками.

Впрочем, на все справедливые упреки по этому поводу Виктор невозмутимо отвечал:

– Учебе моей, товарищи, помешала борьба с кулацкими бандами, о чем имею благодарность от командования части. Но это беда поправимая. Даешь рабфак, и точка!

Правда, сведений об учебе Абакумова на рабочем факультете обнаружить не удалось. Зато известно, что его высоко ценил комсомольский лидер Центросоюза Рудольф Певзнер.

– Кто-кто, а Абакумов не подкачает! – шумел на комсомольских собраниях неистовый вожак, выступая в поддержку новой инициативы Виктора, будь то месячник борьбы со сквернословием, хулиганством либо подготовка грандиозного празднества к очередной годовщине Советской власти.

Сохранились свидетельства, что к 12-летию Октябрьской социалистической революции Виктор Абакумов был назначен ответственным за творческую часть мероприятия. Под его руководством самодеятельность Центросоюза подготовила прекрасный концерт. Комсомольцы, комсомолки и кандидаты в члены ВЛКСМ задорно пели, плясали, декламировали революционные стихи и строили гимнастические фигуры. Однако больше всего зрителям понравилась сценка под названием «Смерть мировой буржуазии», где мускулистый рабочий огромным молотом колотил по голове толстого буржуя. И хотя молот был из папье-маше, а под цилиндр «мировой буржуазии» напихали толстый слой ваты, комсомолец Алтуфьев, изображающий рабочего, так вошел в роль, что после каждого удара «буржуй», комсомолец Молодцов, гулко ухал, крякал и

пыхтел. Это вызывало бурную реакцию зала.

Даже парторг Центросоюза тов. Казбечка не удержался от реплики:

– Натурально изображают. Долбани-ка ему еще пару раз!

Газета «Вечерняя Москва» откликнулась на празднество в Центросоюзе короткой заметкой, в которой отмечалась как содержательность официальной части (доклад тов. Казбечки), так и «полная задора, энергии и революционного огонька» неофициальная часть. «Молодцы коммунисты и комсомольцы Центросоюза, так держать!» – резюмировала газета.

В январе 1930 года Виктор Абакумов вступил в ряды ВКП(б). «Хочу быть в передовых рядах борцов за коммунизм и делать все для процветания нашей Социалистической родины, первого в мире государства рабочих и крестьян», – напишет он в своем заявлении. В том же году Абакумов был назначен заместителем начальника административного отдела торгово-посылочной конторы Наркомторга РСФСР, а вскоре возглавил и комсомольскую организацию той же конторы.

На следующий год Абакумова перевели на штамповочный завод «Пресс» освобожденным секретарем ВЛКСМ. Несколько месяцев спустя он получил новое назначение: заведующего военным отделом Замоскворецкого райкома комсомола.

В 1932 году случилось событие, сыгравшее в жизни Виктора Семеновича решающую роль. Его пригласили в кабинет секретаря Замоскворецкого райкома ВЛКСМ, где спросили ясно и просто:

– Товарищ Абакумов, о врагах Советской власти, внутренних и внешних, надеемся, знаешь? А о партийном наборе лучших и наиболее проверенных коммунистов в органы ОГПУ, надеемся, тоже слышал? Так вот, товарищ Абакумов, имеется решение райкома направить тебя на эту почетную и ответственную работу. Надеемся, что ты оправдаешь наше доверие. Ну, что скажешь, товарищ?

– А я что, я согласный, – ответил Виктор Семенович.

Глава вторая

Службу в органах госбезопасности Абакумов начал со скромной должности практиканта Экономического отдела полномочного представительства (ЭКОПП) ОГПУ по Московской области. Его первый наставник, оперуполномоченный Кислюк, отнесся к практиканту душевно.

– Дело наше, братишка, ответственное: выявлять промышленный саботаж и вредительство, – учил Кислюк новичка. – А врагов в нашей промышленности окопалось немало. Но мы на страже, мы бдим. Вот, возьми, к примеру, меня: трюмный с «Гангута», академиев не кончал, но вражину насквозь вижу. Допустим, идет такой шпак по заводу и глаза в землю уткнул. Ага, стоп, машина! Почему взгляд прячет, рабочим людям в глаза не глядит? Подозрительно. Такого сразу бери на заметку и – в оперативную разработку.

Практику Абакумов проходил успешно. Учеником оказался способным, тонкости оперативной работы усваивал без труда. Наставник Кислюк практикантом остался доволен.

В 1933 году Виктор Семенович был назначен на должность уполномоченного Экономического управления (ЭКУ) ОГПУ СССР. Это назначение его обрадовало: впереди была самостоятельная работа. Однако радость Абакумова оказалась преждевременной. Вскоре случилось событие, едва не перечеркнувшее ему всю дальнейшую карьеру.

Вспоминает ветеран органов госбезопасности Михаил Шрейдер:

«В 1933 году, когда я работал начальником 6-го отдела ЭКУ Московской области, мне позвонил первый заместитель полпреда ОГПУ Московской области Дейч[5] и порекомендовал мне “хорошего парня”, который не сработался с начальником 5-го отделения, и хотя он “звезд с неба не хватает”, но за него “очень-очень просят”. Кто именно просит, Дейч не сказал, но, судя по тону, это были очень высокопоставленные лица, а скорее всего, их жены. “Возьмите его к себе и сделайте из него человека… А если не получится, выгоните к чертовой матери”. Затем Дейч добавил, что Абакумов чуть ли не приемный сын одного из руководителей Октябрьского восстания – Подвойского.

Поскольку мне как раз нужны были работники, я принял Абакумова, поручив ему керамическую и силикатную промышленность, и предупредил, что буду требовать полноценную работу и никаких амурных и фокстротных дел у себя в отделении не потерплю. (О слабости к этим делам

Абакумова я предварительно навел справки у начальника 5-го отделения.)

В течение первых двух месяцев Абакумов несколько раз докладывал мне о якобы развиваемой им огромной деятельности…

Через два месяца я решил проверить работу Абакумова. В день, когда он должен был принимать своих агентов, я без предупреждения приехал на конспиративную квартиру, немало смутив Абакумова, поскольку застал его там с какой-то смазливой девицей. Предложив Абакумову посидеть в первой комнате, я, оставшись наедине с этой девицей, стал расспрашивать ее о том, откуда она знает, что такой-то инженер (фамилия которого фигурировала в подписанном ею рапорте) является вредителем. А также что она понимает в технологии производства, являясь канцелярским работником? Она отвечала, что ничего не знает, рапорт составлял Виктор Семенович и просил ее подписать. Далее мне без особого труда удалось установить, что у нее с Абакумовым сложились интимные отношения с самого начала “работы”.

При проверке двух других “завербованных” Абакумовым девиц картина оказалось такой же.

На следующий день я написал руководству ЭКУ рапорт необходимости немедленного увольнения Виктора Абакумова как разложившегося и непригодного к оперативной работе, да и вообще к работе в органах. По моему рапорту Абакумов был из ЭКУ уволен».

Впрочем, другой ветеран госбезопасности уверен, что причиной увольнения Абакумова из 6-го отдела оказались далеко не женщины, завербованные им исключительно сексуальных целях, и использование конспиративных квартир для интимных встреч с такими «информаторами».

Свидетельствует чекист Сергей Федосеев:

«У Абакумова, как у многих других людей, не получивших систематического образования, отсутствовали аналитические способности и прихрамывала память. Собираясь на доклад к начальству, он зазубривал относящиеся к дел цифры, даты и факты и все равно не раз попадал впросак. Зато крепкое телосложение делало его незаменимым при обысках и задержаниях».

Кто же из ветеранов прав? В данном случае – оба неправы.

Воспоминания М. Шрейдера «НКВД изнутри», опубликованные в разгар российского демократического шабаша, крайне тенденциозны и изобилуют множеством неточностей. Войдя в обличительный раж, автор воспоминаний выставляет

многих достойных людей в неприглядном свете, тогда как о своей собственной персоне предпочитает говорить словами Дзержинского – «чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками».

Что же касается свидетельства С. Федосеева, то его опровергают десятки других ветеранов госбезопасности, которые утверждают, что отсутствие систематического образования Абакумову блестяще заменяли природная сметливость и острый ум. При этом они заверяют, что Виктор Семенович обладал достаточно цепкой памятью, чтобы не «зазубривать» данные, относящиеся к делу.

Впрочем, какая бы там причина ни была, остается фактом, что Абакумов был уволен из ЭКУ, но не из органов госбезопасности. Последнему обстоятельству, как полагают, способствовал все тот же первый заместитель полпреда ОГПУ по Московской области Дейч, считавший, что разбрасываться такими сотрудниками, как Абакумов, нецелесообразно.

В 1934 году Виктор Семенович получил назначение на должность простого уполномоченного Главного управления лагерей (ГУЛАГ) НКВД СССР. Принято считать, что в чекистской среде подобная «ссылка» в ГУЛАГ расценивалась как серьезное наказание. В отдельных случаях это было именно так. Однако в случае с Абакумовым этого не скажешь. Его просто убрали подальше от глаз недовольных начальников из Экономического управления ОГПУ, направив в далекое, но довольно перспективное место. Имеются отрывочные сведения о том, что непродолжительное время Абакумов служил в системе Ухто-Печерского исправительно-трудового лагеря (УХТПЕЧЛАГ). В те годы в этом суровом краю, ставшем одной из великих сталинских строек, было возможным сделать успешный рывок в смысле служебного роста.

Следует пояснить, что в конце 1920-х годов Управление северными лагерями особого назначения (УСЕВЛОН) приступило к освоению территории Коми-Зырянской Автономной области. К северо-востоку от Котласа заключенные валили лес по Вычегде, строили автодорогу от Усть-Сысольска до Усть-Выми.

В 1929 году перед УСЕВЛОНом была поставлена ответственная задача – начать освоение бассейна Печоры. В августе этого года на берегу таежной речки Чибью, притока Ухты, высадился этап заключенных, основавший здесь лагпункт УСЕВЛОНа под названием «база Ухтинской экспедиции ОГПУ». В задачу экспедиции входила оценка промышленного значения Ухтинского нефтяного месторождения, разведка нефтегазовых месторождений в Ижевском и Печорском районах, выявление

источников радиоактивных вод и разведка угольных залежей в Воркуте.

19 июля 1930 года специальная коллегия ОГПУ приняла решение подчинить «базу Ухтинской экспедиции» непосредственно ГУЛАГу «ввиду важности работ, производимых экспедицией». В июле 1931 года было принято решение о реорганизации экспедиции в самостоятельный Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь (УХТПЕЧЛАГ, или УПИТЛАГ). Начальником лагеря был назначен Я. М. Мороз, выведенный из положения заключенного и восстановленный в рядах ВКП(б).

В ноябре 1932 года обсуждение перспектив УХТПЕЧЛАГа состоялось на самом высоком уровне, при личном участии И. В. Сталина. Результатом обсуждения стало решение Политбюро ЦК ВКП(б) «Об организации Ухто-Печерского треста». Руководство трестом возлагалось на ОГПУ. Определена была также программа работ на 1933 год по нефти, углю, радию. Намечено завершение строительства узкоколейной железной дороги рудник Воркута – Воркута-Вом, рудник Щугор – р. Печора и трактов Усть – Ухта – Воя, рудник Воркута – Обдорск. Даны распоряжения Наркомтяжпрому, Наркомводу о выделении УХТПЕЧЛАГу необходимого оборудования. И, кроме того, «предложено ОГПУ совместно с Наркомпросом и Наркомтяжпромом организовать в районах Ухты и Печоры два техникума – нефтяной и угольный. Комплектовать их выпускниками местных школ и за счет колонизуемых. Завести на Печору весной 1933 года до трех тысяч семей спецпереселенцев. Из основных нефтяных и угольных районов Союза решено мобилизовать 25 партийных и хозяйственных работников для укрепления лагеря руководящими кадрами и 25 горных мастеров. Рассмотрены также вопросы финансирования лагеря. ГУЛАГ выделил УХТПЕЧЛАГу 26 млн 750 тыс. рублей. Установил план поставки «рабсилы»: увеличить число осужденных в УХТПЕЧЛАГ с 15 тысяч в первом квартале 1933 года до 25 тысяч в четвертом квартале. Намечено колонизировать 1700 заключенных. Предстояло построить 80 тыс. м жилья для колонизированных, 15 тыс. – для специалистов, 30 тыс. – для заключенных».

16 ноября 1932 года было принято, с повторением всего, что было записано в решении Политбюро ЦК ВКП(б), одноименное постановление Совета Труда и Обороны за подписью председателя СТО В. М. Молотова. «Великий сталинский план превращения тайги и тундры Крайнего Севера в цветущий промышленный край СССР стал претворяться в жизнь!» – восторженно откликнулись газеты «Правда Севера» и «Северная коммуна».

В мае 1934 года известный украинский сатирик Остап Вишня, отбывавший в УХТПЕЧЛАГе срок за непомерное зубоскальство в адрес власти, написал о «столице» лагеря очерк «Город Чибью» (очерк впервые опубликован в газете «Ухта» летом 1989 года):

«Пришли на недоступную, на легендарную Ухту большевики… зажгли энтузиазмом массы, воспитали тысячи и десятки тысяч ударников. И все. То же самое, что случилось на Днепре: пришли большевики, и вышел Днепрострой. И в Кузбассе – пришли большевики, и вышел Кузнецкстрой. Таким способом много чего “вышло” в Советском Союзе: и Сталинградский тракторный, и Харьковский тракторный, и еще много гигантов, и “вышла” за четыре года первая пятилетка, и “вышла” коллективизация сельского хозяйства… Пришли и на Ухту большевики, – да еще большевики-чекисты – “вышло” и на Ухте.

В 1934 году Чибью и Промысел № 1 оформляются в настоящий культурный город. Растет лес нефтяных вышек, в 1934 году их построено 48, строится восемь бараков при буровых, появляется новая электростанция, ремонтно-механический завод пополняется литейным и сварочным цехом, строится большая казарма для ВОХРа, четырнадцать больших домов для вольнонаемных и колонизированных, новая кухня-столовая, школа 1-й и 2-й ступени, клуб-театр на 600 мест, с большой оборудованной сценой, вырастает целый большой на 40 отдельных домов рабочий городок, разбивается большой парк культуры и отдыха, с летним театром, эстрадами, беседками. Проводится десять километров водопровода, пять километров канализации, тротуары, на протяжении шести километров асфальтируются улицы, дороги…»

Пребывание Виктора Абакумова в «столице» УХТПЕЧЛАГа оказалось кратковременным (о его деятельности в лагере сведений, к сожалению, обнаружить не удалось). Однако, судя по всему, зарекомендовал он себя здесь довольно неплохо, поскольку уже в августе 1935 года в должности оперуполномоченного был направлен в центральный аппарат ГУЛАГа. Невольно складывается впечатление, что с момента появления Виктора Семеновича в органах госбезопасности ему постоянно сопутствовала удача либо сильные покровители.

В апреле 1937 года Абакумова вновь вернули в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. На этот раз он начал службу в 4-м Секретно-политическом отделе (СПО), занимавшемся политическим сыском. По времени его новое назначение совпало с пиком политических репрессий, так называемой «ежовщиной». О том, какие это были мрачные времена в нашей стране, написано много, повторяться не имеет

смысла. Для примера достаточно привести выдержку из речи прокурора СССР А. Я. Вышинского на известном процессе по делу Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, Н. Н. Крестинского и других:

«Нет слов, чтобы обрисовать чудовищность совершенных подсудимыми преступлений. Да и нужны ли, спрашиваю я, еще какие-нибудь для этого слова? Нет, товарищи судьи, эти слова не нужны. Все слова уже сказаны, все разобрано до мельчайших подробностей. Весь народ теперь видит, что представляют собой эти чудовища.

Народ наш и все честные люди всего мира ждут вашего справедливого приговора. Пусть же наш приговор прогремит по всей нашей великой стране, как набат, зовущий к новым подвигам и к новым победам! Пусть прогремит ваш приговор, как освежающая и всеочищающая гроза справедливого советского наказания!

Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продавших врагу нашу родину, расстрелять, как поганых псов!

Требует наш народ одного: раздавите проклятую гадину!

Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа.

А над нами, над нашей счастливой страной, по-прежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем – великим Сталиным – вперед и вперед, к коммунизму!»

Поэтому отдельные исследователи полагают, что свою дальнейшую карьеру Абакумов делал, выколачивая из подследственных необходимые признания. Как было на самом деле, сказать достаточно сложно. Следственных дел с абсурдными обвинениями честных людей в шпионаже или вредительстве, которые вел лично Абакумов, обнаружить в архивах не удалось. Так что не станем уподобляться малосведущим типам из общества «Мемориал» и утверждать, что Виктор Семенович крушил на допросах скулы и ребра «врагам народа». Вообще, ветераны-чекисты, знавшие Абакумова по службе в ГУ ГБ в 1937–1938 годах, уверяют, что в управлении не было более ревностного поборника соблюдения соцзаконности, нежели он.

Свидетельствует бывший чекист Андрей Ведерников:

«Бывало, допрашиваешь какого-нибудь вредителя, а он врет, изворачивается, сочиняет всякие небылицы. Вот слушаешь, слушаешь, потом не вытерпишь и закатишь ему оплеуху, чтобы

сказки не рассказывал. Бывало в моей практике и такое, чего греха таить, бывало. Молодой был, горячий. А вот Абакумов – тот нет, пальцем подследственного не тронет, даже голоса на допросах не повышал. Помню, один деятель из троцкистов так прямо измывался над ним. Развалится на стуле, как у тещи на блинах, и дерзит, угрожает даже. Мы говорим: что ты, Виктор Семенович, терпишь, дай разок этому хаму, чтобы гонор поубавил. Он на нас глянул так, словно на врагов народа».

В марте 1938 года Абакумова повысили до помощника начальника отделения 4-го отдела 1-го управления НКВД СССР, в сентябре – до помощника начальника отделения 2-го отдела ГУГБ, а в ноябре он уже возглавлял отделение 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР. В этом же году его наградили знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ (XV)». Новые назначения Виктора Семеновича совпали со сменой руководства НКВД СССР и значительными изменениями в работе органов госбезопасности. 9 декабря 1938 года «Правда» и «Известия» опубликовали следующее сообщение: «Тов. Н. И. Ежов[6] освобожден, согласно его просьбе, от обязанностей Наркома внутренних дел с оставлением его Народным комиссаром водного транспорта.

Народным Комиссаром внутренних дел СССР утвержден тов. Л. П. Берия»[7].

Далее процитируем историка В. Ф. Некрасова: «Приход Берии в НКВД СССР совпал со временем, когда Сталин и его окружение предприняли ряд мер для того, чтобы несколько убавить репрессивную волну в стране… О том, что Сталин и его подручные буквально утонули в репрессивных делах, свидетельствует хотя бы перечень постановлений ЦК ВКП(б), принятых по этим вопросам в одном только 1938 году: “Об изменении структуры ГУГБ НКВД СССР” (28 марта), “Об изменении структуры НКВД СССР” (13 сентября), “О структуре НКВД СССР” (23 сентября), “Об учете, проверке и утверждении работников НКВД” (14 ноября), “Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия” (совместно с СНК СССР 17 ноября), “О порядке согласования арестов” (совместно с СНК СССР 1 декабря)…

В двух последних постановлениях была сформулирована новая платформа работы. Так, постановление “Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия” потребовало продолжать и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, но организовать ее при помощи более совершенных и надежных методов. Среди недостатков, которые выявлены в работе органов НКВД и прокуратуры, названы следующие. Работники НКВД совершенно забросили агентурно-

осведомительскую деятельность, предпочитая действовать упрощенным способом, путем массовых арестов, обсуждают вопросы о представлении “лимитов” для производства таких арестов. В постановлении был осужден глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования, при котором следователь ограничивался получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботился о подкреплении этого признания показаниями свидетелей, актами экспертизы, вещественными доказательствами. В постановлении признавалось наличие фактов извращения советских законов, совершения подлогов, фальсификации следственных документов, привлечения к уголовной ответственности невинных людей. Но все это в духе времени приписывалось тем врагам народа, которые пробрались в органы НКВД и прокуратуры. Было запрещено производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению, предписано производить аресты только по постановлению суда или с санкции прокурора. Ликвидировались судебные тройки.

Это, конечно, было потепление, хотя, как показала жизнь, оно было не таким уж и значительным. 26 ноября 1938 года Берия уже как нарком внутренних дел подписывает приказ о порядке осуществления требований этого постановления, из тюрем и лагерей освобождают немало безвинных людей, в том числе военных работников. Повышалась требовательность к лицам, нарушающим законность».

В соответствии с приказом наркома в стране развернулась кампания по привлечению к строгой ответственности сотрудников госбезопасности, виновных в проведении необоснованных арестов и применении незаконных извращенных методов ведения следствия. Так, например, по прямому указанию Л. П. Берии были арестованы и переданы под суд Ревтрибунала 13 сотрудников дорожно-транспортного отдела НКВД Московско-Киевской железной дороги и группа работников особого отдела Краснознаменного Балтийского флота, виновные в производстве необоснованных арестов и неправильных методах ведения следствия. Бериевская «чистка» не обошла стороной и ГУГБ. В частности, был уволен любитель затрещин и оплеух Андрей Ведерников, а также ряд других сотрудников, замеченных в рукоприкладстве (к слову сказать, начальник отделения Виктор Абакумов избежал неприятностей по службе, что, конечно, косвенно, но доказывает его непричастность в этот период к незаконным методам ведения следствия). В одной из своих речей, опубликованной в центральных газетах, Л. П. Берия заявил:

«Окруженные вниманием и заботой партии и народа, беззаветно преданные нашей партии, Сталинскому ЦК ВКП(б),

родному, любимому вождю товарищу Сталину работники НКВД, очистив свои ряды от пробравшихся в них вражеских элементов и укрепив свои ряды проверенными кадрами, обеспечат разоблачение, разгром и искоренение всех врагов народа».

Осенью 1938 года произошло знакомство наркома НКВД с начальником отделения Виктором Абакумовым. По одной из версий, случилось это в клубе работников госбезопасности на торжественном заседании, посвященном очередной годовщине Октябрьской революции. Абакумов, дождавшись момента, когда в зал входил Лаврентий Берия, вдруг вскочил с места с яростным криком:

– Безобразие! Вопиющее разгильдяйство!

Выяснилось, что гнев Виктора Семеновича вызвал портрет наркома НКВД, висящий, по его мнению, слишком далеко от центра сцены.

– Я тебя научу, черта гунявого, как нужно портреты вешать! – бушевал лейтенант Абакумов, накинувшись на сержанта госбезопасности, ответственного за украшение зала. – Совсем жопорукими стали, портрет как следует повесить не можете!

– Э, что там за гвалт? – удивился Лаврентий Павлович, наблюдая за поднявшимся переполохом.

Один из заместителей наркома выяснил причину криков. Берия заинтересовался виновником шума.

– Вах, какой горячий молодой человек, прямо джигит, да, – сказал Лаврентий Павлович, рассматривая смущенного Виктора Семеновича. – Кто такой?

Абакумов представился.

– Хорошо, – кивнул Берия, падкий, как и всякий южный человек, на бурное проявление чинопочитания. – А портрет оставим там, где висит. Надеюсь, что зоркий глаз чекистов сумеет рассмотреть своего руководителя и на таком расстоянии.

С этого происшествия началось стремительное восхождение Виктора Семеновича Абакумова по служебной лестнице.

5 декабря 1938 года он был назначен исполняющим обязанности начальника Управления НКВД по Ростовской области. Кроме того, Абакумов из лейтенантов, минуя звание старшего лейтенанта, стал капитаном госбезопасности. По словам чекиста Сергея Федосеева, свежеиспеченный капитан появился на Лубянке в новой форме с тремя прямоугольниками в петлицах и долгое время бесцельно слонялся по коридорам, приставая с пустопорожними разговорами к сотрудникам и даже уборщицам. «Наверное, хотел, чтобы как можно больше людей увидели его взлет», – пришел к заключению ветеран.

27 апреля 1939 года Абакумова утвердили в должности

начальника УНКВД по Ростовской области. Вступая в должность, Виктор Семенович произнес на общем собрании ростовских сотрудников госбезопасности речь, где, в частности, были такие слова:

«В ходе дальнейшего победоносного движения нашей страны вперед по пути коммунизма на органы НКВД возлагаются весьма ответственные задачи, ибо наша страна живет и развивается в окружении враждебных капиталистических государств, засылающих к нам шпионов, диверсантов и убийц. Подлые враги народа и впредь с еще большей ожесточенностью будут пытаться вредить, пакостить нам, мешать в осуществлении дальнейшей программы строительства коммунизма.

Поэтому буду требовать от чекистов Ростовской области повышения пролетарской бдительности в деле разоблачения и разгрома антисоветского подполья и его пособников. Сорную траву с нашего советского поля – вон! Вон, без всякой жалости и сострадания! Однако при проведении этой ответственной работы ростовским чекистам следует опираться на наши советские законы и действовать так, как учит нас наш дорогой вождь товарищ Сталин и наш любимый нарком товарищ Берия!»

В стенограмме собрания записано, что речь Абакумова неоднократно прерывалась «бурными аплодисментами, переходящими в овацию».

На новой должности Виктор Семенович проявил себя требовательным и энергичным начальником. Впрочем, как вспоминал один из ростовских ветеранов УНКВД, в то время от территориальных управлений ничего особенного не требовалось – выполняй указания Москвы и вовремя отчитывайся о проделанной работе. «Приказывали пересматривать дела на арестованных и осужденных – мы пересматривали, многих освобождали. Приказывали очистить оборонные предприятия от поляков, потенциальных вражеских агентов, – мы очищали», – рассказывал бывший чекист.

В период советско-финляндской войны 1939–1940 годов ростовские чекисты проявили сверхбдительность, ликвидировав на территории области финскую шпионскую организацию. По этому делу было арестовано 16 человек, в большинстве финской или карельской национальности и, как исключение из правил, некий Гореликов, цыган по национальности. Все арестованные обвинялись в шпионаже, подготовке диверсий и распространении враждебных слухов.

Однако у Виктора Абакумова успех своих подчиненных вызвал явное недоверие. Под его личным контролем начался пересмотр дел, в результате которого было выявлено вопиющее

нарушение соцзаконности. Особенно грубо нарушал закон оперуполномоченный по фамилии Чебрак, ведущий дело по обвинению гражданина Пюхавайнена в подготовке диверсий на железнодорожном перегоне Ростов – Батайск. Было установлено, как рьяный оперуполномоченный вел допросы арестованного.

– Ну, давай, гнида, рассказывай, как планировал сбрасывать с насыпи эшелоны с красноармейцами, – цедил Чебрак, тяжело глядя на арестованного.

– Вы не имеете права. Я «красный» финн. Меня лично знает товарищ Антикайнен![8] – возмущался гражданин Пюхавайнен.

– Жопа ты белогвардейская, а не «красный» финн. И не смей трепать своим грязным языком имя славного сына трудового народа, Тойво Антикайнена! – бешено орал оперуполномоченный и пускал в ход здоровенные кулаки и тяжелые сапожищи.

В итоге гражданин Пюхавайнен был вынужден сознаться в том, что «работает на белофинскую разведку с 1921 года», а диверсии на перегоне планировал устраивать посредством «развинчивания стыков рельсов, подкладывания на рельсы железнодорожных костылей и загромождения путей шпалами».

– Сволочь, – ознакомившись с результатом внутриведомственного расследования, пришел к заключению Абакумов и оставил на документе следующую резолюцию: «Бывшего оперуполномоченного Чебрака, опозорившего звание чекиста, арестовать и отдать под суд Ревтрибунала».

Другие дела по финским «шпионам» также были сляпаны по чебраковскому методу. Арестованных освободили. Все сотрудники, виновные в нарушениях закона, понесли заслуженное наказание. Не повезло, правда, цыгану Гореликову: его дело «о распространении злостных слухов и клеветы, порочащих Красную Армию», было направлено в суд, который отмерил чернявому клеветнику 10 лет заключения.

В Москве заметили старания Абакумова, благо кампания по чистке собственных рядов еще по инерции продолжалась, и незамедлительно поощрили. На одном из совещаний Лаврентий Берия поставил в пример действия начальника УНКВД по Ростовской области в деле «выявления вражеских элементов, проникших в ряды славных бойцов-дзержинцев». А весной 1940 года Абакумова наградили орденом Красного Знамени за № 4697 и повысили в чине, присвоив звание старшего майора госбезопасности.

Зимой 1941 года Виктора Семеновича назначили заместителем наркома НКВД, курировавшим Особые отделы (ОО) в армии, на флоте, а также в пограничных и внутренних войсках.

Стоит напомнить, что еще в марте 1937 года было объявлено

временное положение о работе ОО ГУГБ НКВД, на который была возложена контрразведка по Красной армии, ВМФ, пограничным и внутренним войскам. Структура Особого отдела была следующей:

1-е отделение (штабное) обслуживало Генеральный штаб и Академию Генштаба;

2-е отделение (вооружение) обслуживало Главное управление вооружений РККА, Артиллерийское управление, Автобронетанковое управление, Химическое управление, Техническое управление, Управление связи, НИИ вооружений, приемку военных материалов на оборонном производстве;

3-е отделение (полевых войск);

4-е отделение (авиационное);

5-е отделение (морское);

6-е отделение (строительно-хозяйственное) обслуживало оборонительное строительство, инженерные войска, стройбаты;

7-е отделение (вузовское) обслуживало все военные академии и учебные заведения, за исключением Академии Генштаба;

8-е отделение (склады) обслуживало центральные, окружные и полевые склады РККА;

9-е отделение (осоавиахимовское) обслуживало всю систему Осоавиахима и начсостава запаса;

10-е отделение (войска НКВД);

11-е отделение (оргучет);

12-е отделение (мобилизационное).

К началу 1940-х годов структура ОО ГУГБ оставалась без существенных изменений. Однако в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 февраля 1941 года особые органы были переданы в Наркомат обороны (НКО) и Наркомат Военно-морского флота (НК ВМФ), в составе которых создавались три управления. А в Наркомате внутренних дел контрразведка в пограничных и внутренних войсках возлагалась на 3-й отдел. Особый отдел ГУГБ НКВД ликвидировался. Почти одновременно (постановление ЦК ВКП(б) от 3 февраля 1941 года) из НКВД был выделен Наркомат госбезопасности (НКГБ). На новую структуру возлагались задачи по охране руководителей партии и правительства, ведение разведывательной работы за рубежом, борьба с подрывной, шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок внутри Советского Союза, оперативная разработка и ликвидация «остатков всяких антисоветских партий и контрреволюционных формирований среди различных слоев населения СССР».

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР начальники трех управлений НКО и НК ВМФ подчинялись

непосредственно наркомам трех отделов военных округов – начальнику 3-го управления НКО и наркому обороны, начальник 3-го отдела корпуса – начальнику 3-го отдела округа и командующему округом и т. д. Предписывалось также образовать Центральный совет для координации действий вновь образованных органов в составе наркомов внутренних дел и госбезопасности и начальников трех управлений НКО и НК ВМФ. Начальником 3-го управления НКО был назначен дивизионный комиссар (после февраля 1941 года сотрудникам 3-х управлений были присвоены звания политсостава РККА) А. Н. Михеев[9], а 3-го управления НК ВМФ – дивизионный комиссар А. И. Петров[10], бывший заместитель начальника 4-го отдела ГУГБ НКВД.

Курировать работу структуры, находящейся в стадии реорганизации, предстояло заместителю наркома НКВД Виктору Семеновичу Абакумову. Однако просуществовали три управления недолго. Документальных свидетельств об их деятельности до июня 1941 года не обнаружено, по-видимому, они реально не функционировали.

Между тем страна стояла на пороге тяжелых испытаний. Вдоль западных границ СССР сосредоточивались войска фашистской Германии. Из спецсообщения Разведывательного управления РККА № 6604477сс в ЦК ВКП(б), СНК, НКО и НКВД СССР от 5 мая 1941 года:

«Общее количество немецких войск против СССР на 5 мая достигает 103–107 дивизий, включая шесть дивизий, находящихся в районе Данциг и Познань. Из этого количества дивизий в Восточной Пруссии – 32–24 дивизии: против ЗапОВО – 29 дивизий; против КОВО – 31–34 дивизии; в Прикарпатской Украине – 4 дивизии; в Молдавии и Северной Добрудже – 10–11 дивизий. (Ряд поступивших сведений о наличии в одной лишь Молдавии 8 немецких дивизий не имеет должного подтверждения и требует проверки.)

В самом составе сосредоточенных против СССР сил обращает на себя внимание усиление танковых войск с 9 дивизий на 25 апреля до 12 дивизий на 5 мая; моторизованных, включая и мотокавдивизию, – с 7 дивизий на 25 апреля до 8 дивизий на 5 мая.

При подготовке театра военных действий усиленно осуществляется строительство во всех видах войск. Строятся вторые железнодорожные линии стратегических путей в Словакии, протекторате Румынии, особенно ведущие с востока на запад. Ведется усиленное строительство складов огнеприпасов, горючего и других видов военного обеспечения. Расширяется сеть аэродромов и посадочных площадок.

Кроме того, по всей границе, начиная от Балтийского моря до Венгрии, идет выселение с приграничной зоны населения.

Румынское правительство отдало секретное распоряжение об эвакуации из Молдавии учреждений и ценностей, что фактически уже осуществляется. Нефтепромышленные компании получили приказ о сооружении бетонных стен вокруг резервуаров с горючим.

Производятся усиленно учения по ПВО городов, строительство бомбоубежищ и опытные мобилизации.

Производятся усиленные рекогносцировки немецкими офицерами нашей границы».

В преддверии грозных событий неспокойно стало в областях Западной Украины, Белоруссии и в Бессарабии. Здесь активизировалась деятельность немецкой разведки и «пятой колонны», участились провокации и нападения на советский и партийный актив, военнослужащих Красной армии.

В советских республиках Прибалтики ситуация была не менее тревожной. Так, например, весной 1941 года в Латвийской ССР чекисты вскрыли и ликвидировали резидентуру германской разведки и связанную с ней организацию латышских националистов «Тевияс саргас» («Страж отечества»). По делу было арестовано 73 человека – агенты германской разведки, руководители и активисты националистической организации. В числе арестованных был профессиональный разведчик Ганс Шинке[11], германский подданный. При арестах изъято «18 боевых гранат “Мильса”, 7 мелкокалиберных винтовок и немецкий карабин, 620 патронов, 3 револьвера», а также шапирограф, ротатор, типографский шрифт, списки с адресами квартир членов правительства Латвийской ССР, секретные наставления РККА, карты Риги и Вентспилса с нанесенными военными объектами, аэродромами и т. д. В Литовской ССР только за время с июля 1940 года по май 1941 года органами госбезопасности было ликвидировано 75 нелегальных антисоветских организаций и групп, созданных литовскими националистами, которые ставили своей задачей подготовку вооруженных антисоветских выступлений к моменту возникновения войны между Германией и СССР. В мае – начале июня 1941 года в Эстонской ССР чекистам удалось разгромить националистическую организацию «Комитет спасения Эстонии», связанную со шведской, финляндской и германской разведками. Кроме того, были ликвидированы нелегальные националистические организации «Вабс» и «Национальные кадры», которые планировали установить в республике фашистский строй и распространяли идеи так называемой

«Великой Финляндии»[12].

Однако, несмотря на успехи советских чекистов, прибалтийские националисты продолжали готовиться к вооруженному выступлению, шпионить, вредить и устраивать всевозможные провокации.

В городах и поселках подозрительные типы нагнетали обстановку, жужжа, словно большие навозные мухи:

– Скоро Советам конец, Германия цацкаться с ними не будет. Нам немцев бояться не следует. Гитлер не любит большевиков, евреев и цыган, а нас, прибалтов, считает арийцами.

– Это так, это так, – согласно кивали головами прибалтийские парни, слушавшие подстрекателей. – Жиды, большевики и цыгане – наши злейшие враги, а Гитлер – лучший друг.

В мае 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР, исходя из создавшейся обстановки, приняли постановление «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента». Данный документ, принятый накануне большой войны, являл собой образец подлинного гуманизма. Ведь в то непростое время с врагами предпочитали не либеральничать. Могли бы и расстрелять. Однако нет, постановление хоть и было сурово, но позволило избежать напрасных жертв и в значительной мере оздоровить гражданское общество республик. Кстати, в Госархиве РФ хранятся сотни писем, направленных на имя Сталина теми, кого в мае 1941 года депортировали из Литвы, Латвии и Эстонии в качестве «антисоветского, уголовного и социально опасного элемента». В своих посланиях из лагерей и поселений бывший «элемент» горячо благодарил вождя советского народа за предоставленную возможность пересмотреть свою прежнюю жизнь и стать достойным гражданином страны Советов. «При президенте Ульманисе[13] я жил, как свинья, – писал Сталину некий Легздыньш, – но теперь, находясь на поселении, я прозрел и больше не хочу жить свиньей, как жил при президенте Ульманисе. Теперь я буду жить счастливой и красивой жизнью советского человека! Спасибо, товарищ Сталин, за это». Заместитель наркома НКВД Виктор Семенович Абакумов был одним из тех, кому советское государство доверило осуществление этого гуманного акта. Далее процитируем документ:

«В связи с наличием в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР значительного количества бывших членов различных контрреволюционных националистических партий, бывших полицейских, жандармов, помещиков, фабрикантов, крупных

чиновников бывшего государственного аппарата Литвы, Латвии и Эстонии и других лиц, ведущих подрывную антисоветскую работу и используемых иностранными разведками в шпионских целях, ЦК ВКП(б) и СНК СССР

ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1. Разрешить НКГБ и НКВД Литовской, Латвийской и Эстонской ССР арестовать с конфискацией имущества и направить в лагеря на срок от 5 до 8 лет и после отбытия наказания в лагерях сослать на поселение в отдаленные местности Советского Союза сроком на 20 лет следующие категории лиц:

а) активных членов контрреволюционных партий и участников антисоветских националистических белогвардейских организаций;

б) бывших охранников, жандармов, руководящий состав бывших полицейских и тюремщиков, а также рядовых полицейских и тюремщиков, на которых имеются компрометирующие их материалы;

в) бывших крупных помещиков, фабрикантов и крупных чиновников бывшего государственного аппарата Литвы, Латвии и Эстонии;

г) бывших офицеров польской, литовской, латвийской, эстонской и белой армий, на которых имеются компрометирующие материалы;

д) уголовных элементов, продолжающих заниматься преступной деятельностью.

2. Разрешить НКГБ и НКВД Литовской, Латвийской и Эстонской ССР арестовать и направить в ссылку на поселение в отдаленные районы Советского Союза сроком на 20 лет с конфискацией имущества следующие категории лиц:

а) членов семей указанных в п. 1 («а», «б», «в», «г») категорий лиц, совместно с ними проживающих или находящихся на их иждивении к моменту ареста;

б) членов семей участников контрреволюционных националистических организаций, главы которых перешли на нелегальное положение и скрываются от органов власти;

в) членов семей участников контрреволюционных националистических организаций, главы которых осуждены к ВМН;

г) лиц, прибывших из Германии в порядке репатриации, а также немцев, записавшихся на репатриацию в Германию и отказавшихся выехать, в отношении которых имеются материалы об их антисоветской деятельности и подозрительных связях с иноразведками.

3. Разрешить НКВД Литовской, Латвийской и Эстонской ССР выслать в административном порядке в северные районы Казахстана сроком на 5 лет проституток, ранее зарегистрированных в бывших органах полиции Литвы, Латвии, Эстонии и ныне продолжающих заниматься проституцией.

4. Рассмотрение дел на лиц, арестованных и ссылаемых согласно настоящему постановлению, возложить на Особое совещание при НКВД СССР.

5. Обязать НКГБ и НКВД СССР разработать специальную инструкцию о порядке проведения арестов и ссылки указанных в настоящем постановлении лиц, в которой предусмотреть:

а) организацию специального лагеря, куда будут немедленно после ареста направляться из Литвы, Латвии и Эстонии указанные в п. 1 настоящего постановления лица;

б) оформление решений Особого совещания проводить после сосредоточения арестованных в указанном выше лагере;

в) лиц, указанных в п. 2 настоящего постановления, после ареста немедленно направлять к месту поселения с последующим оформлением на Особом совещании при НКВД СССР;

г) местами поселения определить Омскую и Новосибирскую области, Красноярский край, Актюбинскую, Павлодарскую, Северо-Казахстанскую и Кустанайскую области Казахской ССР.

6. Поручить ЦК КП(б) и СНК Литовской, Латвийской и Эстонской ССР взять на себя с НКВД и НКГБ СССР руководство указанными в постановлении мероприятиями.

7. Поручить ЦК КП(б) Литвы, Латвии, Эстонии и Совнаркомам Литовской, Латвийской и Эстонской ССР разработать и немедленно провести в жизнь мероприятия по укреплению низового партийно-советского аппарата, решительному улучшению партийно-советской работы.

8. Обязать НКВД и НКГБ СССР оказать помощь органам НКВД и НКГБ Литовской, Латвийской и Эстонской ССР в проведении указанных в настоящем постановлении мероприятий, для чего:

а) командировать в Литву, Латвию и Эстонию наркома государственной безопасности СССР тов. Меркулова[14], заместителя наркома государственной безопасности СССР тов. Серова[15] и заместителя наркома внутренних дел СССР тов. Абакумова;

б) командировать для исполнения при проведении операций и следствия 208 курсантов Высшей школы НКГБ СССР, литовцев, латвийцев и эстонцев по национальности;

в) временно, на период подготовки и проведения операции, установить на границе Литвы с Белоруссией заградительную зону, выделив для этого до 400 пограничников.

Операцию по арестам и высылке в Литве, Латвии и Эстонии закончить в трехдневный срок».

Однако в силу объективных причин изъятие враждебного элемента, уголовников и проституток в республиках продолжалось несколько недель. Много позже почетный чекист Иван Краузе вспоминал:

«В Прибалтике аресты бывших буржуев, жандармов и других подозрительных личностей начались в мае 1941 года. Недавно по телевизору какой-то осел заявил, что якобы после ареста сотрудники НКВД вбивали в головы арестованных сапожные гвозди. Вранье! Одному, помню, шуруп ввернули, но чтобы гвозди вбивать – такого, извиняюсь, не было. Шутка, конечно.

Операции, во всяком случае, те, в которых участвовал лично я, проходили без осложнений. Рано утром или ночью звонили в квартиру, загибали, кому нужно, “ласты” и увозили. При арестах нам никто сопротивления не оказывал, хотя слышал, что случались и перестрелки. Вообще, хочу сказать, что прибалты по натуре очень трусливы, как бойцы они никакие. Помню, в 46-м мне в одиночку пришлось брать четырех “лесных братьев”, так я за несколько минут скрутил всю эту гоп-компанию, но это, правда, уже другая история…»

17 июня 1941 года в докладной записке НКГБ СССР за № 2288/м были подведены окончательные итоги зачистки Прибалтийских республик. Свидетельствует документ:

«Подведены окончательные итоги операции по аресту и выселению антисоветского, уголовного и социально опасного элемента из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР.

По Литве: арестовано 5664 человека, выселено 10 187 человек, всего репрессировано 15 851 человек.

По Латвии: арестовано 5625 человек, выселено 9546 человек, всего репрессировано 15 171 человек.

По Эстонии: арестовано 3178 человек, выселено 5978 человек, всего репрессировано 9156 человек.

Всего по всем трем республикам: арестовано 14 467 человек, выселено 25 711 человек, всего репрессировано 40 178 человек.

В том числе по трем республикам:

а) активных членов контрреволюционных националистических организаций арестовано – 5420 человек, выселено членов их семей – 11 038 человек;

б) бывших охранников, жандармов, полицейских, тюремщиков арестовано – 1603 человека, выселено членов их семей – 3240 человек;

в) бывших крупных помещиков, фабрикантов и чиновников бывшего госаппарата Литвы, Латвии и Эстонии арестовано – 3236

человек, выселено членов их семей – 7124 человека;

г) бывших офицеров польской, латвийской, литовской, эстонской и белой армий, не служивших в территориальных корпусах и на которых имелись компрометирующие материалы, арестовано – 643 человека, выселено членов их семей – 1649 человек;

д) членов семей участников контрреволюционных организаций, осужденных к ВМН, арестовано – 27 человек, выселено – 465 человек;

е) лиц, прибывших из Германии в порядке репатриации, а также немцев, записавшихся на репатриацию и по различным причинам не уехавших в Германию, в отношении которых имеется компрометирующий материал, арестовано – 56 человек, выселено – 105 человек.

ж) беженцев из бывшей Польши, отказавшихся принять советское гражданство, арестовано – 337 человек, выселено – 1330 человек;

з) уголовного элемента арестовано – 2162 человека;

и) проституток, зарегистрированных в бывших полицейских органах Литвы, Латвии и Эстонии, ныне продолжающих заниматься проституцией, выселено – 760 человек;

к) бывших офицеров литовской, латвийской и эстонской армий, служивших в территориальных корпусах Красной Армии, на которых имелся компрометирующий материал, арестовано – 933 человека, в том числе: по Литве – 285 человек, по Латвии – 424 человека, по Эстонии – 224 человека.

Во время проведения операции имели место несколько случаев вооруженного сопротивления со стороны оперируемых, а также попыток к бегству, в результате которых убито 7 человек, ранено 4 человека.

Наши потери: убито 4 человека, ранено 4 человека, в том числе: убиты командир отдельного разведбатальона 183-й стрелковой дивизии Грабовенко, участковый уполномоченный милиции Бернар, милиционер Думельс, привлеченный на операцию активист рижского завода № 464 Кондратьев; легко ранены курсант Высшей школы НКГБ Сыпин, красноармеец Сирота, красноармеец Бабков, шофер автомашины.

Не изъятые при операции по разным причинам (болезнь, отсутствие в момент операции, перемена места жительства и проч.) будут изъяты дополнительно в порядке текущей оперативной работы органов НКГБ и НКВД».

Нарком внутренних дел деятельностью своего заместителя в Прибалтийских республиках остался доволен.

– С задачей, товарищ Абакумов, считаю, что справились

неплохо, доверие партии, правительства, вождя советского народа товарища Сталина и лично мое вы оправдали, – сказал Лаврентий Павлович Берия. – В телефонном разговоре со мной секретарь ЦК Литовской компартии товарищ Снечкус[16] сказал, что присоединение Литвы и двух других республик к Советскому Союзу было первым светлым днем в их мутной истории, а операция по изъятию врагов и неблагонадежных стала вторым светлым днем. В общем, гордитесь, товарищ Абакумов, и, как говорится, сверлите дырку. Орден Красного Знамени у вас уже есть, думаю, что еще одна награда лишней не будет.

– А я что, я согласный, – ответил польщенный Виктор Семенович.

Глава третья

Нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года застало старшего майора госбезопасности Абакумова на Лубянке. По свидетельству очевидцев, Виктор Семенович выглядел встревоженным, но держался бодро. Выступая на летучем митинге сотрудников, он уверенно заявил, что война продлится недолго, через два-три месяца Красная армия войдет в Берлин. «И у нас впереди, товарищи чекисты, большие дела. Нам вместе с немецким рабочим классом предстоит изъятие оголтелых фашистов и их пособников на территории Германии!» – такими словами закончил свою речь заместитель наркома НКВД Абакумов.

К 7 часам утра, т. е. через 3 часа после начала боевых действий, весь оперативный состав НКГБ и НКВД СССР переводился на казарменное положение, принимались и другие неотложные меры. В частности, был разработан и подписан план мероприятий по обеспечению безопасности советской столицы и Московской области. Один из первых чекистских документов военного времени, в корректировке которого участвовал Абакумов, гласил:

«Сов. секретно

План агентурно-оперативных мероприятий по обеспечению государственной безопасности г. Москвы и Московской области

Для обеспечения государственной безопасности г. Москвы и Московской области в связи с начавшимися военными действиями между СССР и Германией провести по УНКГБ и УНКВД г. Москвы и Московской области следующие оперативные мероприятия:

1. С 7 ч 00 мин 22.06.1941 г. весь оперативный состав управлений перевести на казарменное положение.

2. 22.06.1941 г. по отделам, межрайотделам, горотделам и райотделениям просмотреть все имеющиеся агентурные и следственные материалы на лиц, изобличенных в антисоветской и уголовно-преступной деятельности.

3. С 22.06.1941 г. установить учащенный прием и инструктаж всей агентурно-осведомительной сети, направив ее на:

а) вскрытие контрреволюционного подполья и деятельности иностранных разведок;

б) выявление антисоветской и уголовно-преступной деятельности контрреволюционного элемента: авторов листовок и лиц, проявляющих пораженческие и повстанческие настроения;

в) выявление и изъятие незаконно хранящегося у населения оружия, боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ;

г) освещение политических настроений среди населения.

4. 22.06.1941 г. произвести интернирование всех германских подданных.

5. Через РО УНКВД обеспечить хранение оружия, боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ, бактериологических препаратов и химикатов, устранив всякую возможность хищения и использования их в контрреволюционных целях.

6. Прекратить выдачу разрешений на приобретение всякого оружия для индивидуального пользования. У лиц, уходящих в Красную Армию, произвести изъятие нарезного оружия.

Произвести перепроверку списка лиц, имеющих гладкоствольное охотничье оружие.

7. Взять в агентурно-оперативное обслуживание оборонные заводы и крупные промышленные предприятия, радиостанции, электростанции, источники водоснабжения.

Ко всем особо важным объектам прикрепить квалифицированных оперативных работников, возложив на них ответственность за обеспечение государственной безопасности на объекте.

Всю сторожевую и пожарную охрану с 22.06.1941 г. перевести на усиленный вариант и казарменное положение.

8. По линии Мосгаза, Мосводопровода, Мосочиствода личный состав переведен на казарменное положение.

Выделить 174 специальные аварийные машины с инструментом на случай возможных аварий.

Для чекистского обслуживания прикрепить 3 оперативных работников.

По линии ВВС, Мосэнерго и Мосгорсвета руководящий состав переведен на казарменное положение. Для ликвидации возможных аварий выделена 31 аварийная машина.

Для чекистского обслуживания прикрепить 2 оперативных работников.

9. За банками, предприятиями полиграфической промышленности, штемпельно-граверными мастерскими, организациями, сбывающими и пользующимися множительными аппаратами, а также за объектами ПВО и сильнодействующих ядов и объектами ведомственного оружия усилен надзор.

10. Обеспечить четкий порядок и безопасность движения поездов с вагонами особой нормы и организовать агентурное обслуживание лиц, имеющих отношение к воинским перевозкам.

11. Обеспечить усиленную охрану (войсковой, стрелковой

НКПС и милиции) депо, вагонных парков, железнодорожных мостов, объектов связи и сигнализации. Охрану особо важных шоссейных мостов поставить по усиленному варианту.

12. В целях предупреждения антисоветских проявлений и диверсионных актов на железнодорожном транспорте силами оперативного состава и особо проверенной агентуры организовать обходы главных железнодорожных магистралей и важнейших объектов.

13. Во всех случаях аварий на оборонных, промышленных объектах и на железнодорожном транспорте производить тщательное расследование.

14. Для обеспечения войсковой мобилизации по автотранспорту послать 150 госавтоинспекторов в автохозяйства и сборно-сдаточные пункты.

15. Райотделам НКВД взять контроль за своевременной и качественной поставкой автомашин по нарядам РВК и проверкой постов в сборно-сдаточных пунктах РВК, крупных формирований и погрузочных площадок г. Москвы.

16. Выставить для наружных постов и патрулирования по г. Москве 3500 человек.

Мобилизовать по районам Московской области 15 тыс. сельских исполнителей для несения наружной службы.

17. Комендатуры по охране МК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, СНК РСФСР, ИМЭЛ, ТАСС и ВСХВ переведены на усиленный вариант.

Личный состав переведен на казарменное положение.

По охране МК ВКП(б) выделить дополнительно 20 человек для несения службы. Для прохода в здание введены специальные пропуска.

18. Обо всех проведенных агентурно-оперативных мероприятиях по обеспечению государственной безопасности г. Москвы и Московской области, выявленных происшествиях, отрицательных и положительных настроениях среди населения немедленно информировать специальными докладными записками и донесениями НКГБ и НКВД СССР».

С первых же часов вероломного нападения Советский Союз начал превращаться в единый вооруженный лагерь, готовясь к сокрушительному отпору агрессору. Однако обстановка на фронтах складывалась неблагополучно для нашей страны. Перейдя по всей линии западной границы в наступление, противник, преодолевая отчаянное сопротивление советских войск, продолжал стремительно продвигаться на восток.

Трем управлениям НКО СССР (деятельность которых, напомним, курировал заместитель наркома НКВД В. С. Абакумов) директивой от 27 июня 1941 года о работе в военное время

определялись следующие задачи:

1. Агентурно-оперативная работа:

а) в частях Красной Армии;

б) в тылах, обеспечивающие действующие части на фронте;

в) среди гражданского населения.

2. Борьба с дезертирством.

3. Работа на территории противника.

Кроме того, на основании приказа НКО СССР от 13 июля 1941 года о «военной цензуре воинской корреспонденции» в системе трех управлений НКО и НК ВМФ были образованы Отделы военной цензуры. На укомплектование органов цензуры было направлено 900 контролеров.

17 июля 1941 года постановлением ГКО СССР органы 3-го управления НКО СССР были преобразованы в Особые отделы (ОО) НКВД СССР. В их задачи входила борьба со шпионажем и предательством в Красной Армии и с дезертирством в прифронтовой полосе (с правом ареста и расстрела дезертиров на месте). Вводилось подчинение уполномоченных особых отделов в полках и дивизиях комиссарам этих соединений (после введения в октябре 1942 года в армии и на флоте института единоначалия – соответственно командиру полка или соединения), а также непосредственному начальству в ОО НКВД. Приказом наркома Л. П. Берии для борьбы с дезертирами, шпионами и диверсантами предписывалось сформировать при особых отделах дивизий и корпусов стрелковые взводы, армий – отдельные стрелковые роты, фронтов – отдельные батальоны с укомплектованием из войск НКВД.

19 июля 1941 года начальником Управления особых отделов (УОО) НКВД СССР был назначен заместитель наркома Берии комиссар госбезопасности 3-го ранга Виктор Семенович Абакумов (звание присвоено 9 июля). По постановлению ГКО СССР от 20 июля 1941 года произошло слияние НКВД с НКГБ в новую структуру – Наркомат внутренних дел СССР во главе с Л. П. Берией. Соответственно, первым заместителем Абакумова был назначен начальник Главного транспортного управления НКВД и 3-го (секретно-политического) управления НКГБ комиссар ГБ 3-го ранга С. Р. Мильнштейн[17]. Назначение на должность начальника особого отдела Северного фронта[18] получил начальник УНКГБ по г. Ленинграду и Ленинградской области комиссар ГБ 3-го ранга П. Т. Куприн[19], Северо-Западного фронта[20] – прокурор СССР генерал-майор В. М. Бочков[21] (по совместительству), Западного фронта[22] – нарком НКГБ Белорусской ССР комиссар ГБ 3-го ранга Л. Ф. Цанава[23] (с октября 1941 года – начальник 3-го отдела НКВД комиссар ГБ 3-го ранга А. М. Белянов[24], Юго-

Западного фронта[25] – начальник 3-го управления НКО СССР комиссар 3-го ранга А. Н. Михеев, Южного фронта[26] – нарком НКГБ Молдавской ССР комиссар ГБ 3-го ранга Н. С. Сазыкин[27]. В августе – декабре 1941 года были назначены еще три заместителя В. С. Абакумова – дивизионный комиссар Ф. Я. Тутушкин, Н. А. Осетров и Л. Ф. Цанава. Всего по штатам УОО НКВД числилось 387 человек. К концу 1941 года структура Управления особы отделов имела следующий вид (флотские органы военной контрразведки остались в составе НК ВМФ):

Руководство.

Секретариат.

Оперативное отделение.

Следственная часть.

1-й отдел (Генеральный штаб, штабы фронтов, армий, разведуправление).

2-й отдел (ВВС, ПВО, ВДВ).

3-й отдел (танковые войска, артиллерия).

4-й отдел (по руководству работой особых органов фронтов по родам войск).

5-й отдел (службы тыла).

6-й отдел (войска НКВД).

7-й отдел (оперативный учет).

8-й отдел (шифровальный).

Административно-хозяйственно-финансовое отделение.

В январе 1942 года в состав УОО НКВД вошла контр разведка флота. Был создан 9-й отдел (ВМФ). А в июне того же года к уже существующим девяти отделам добавилось три новых:

10-й отдел (по руководству контрразведывательной работой особых органов фронтов и округов);

11-й отдел (инженерные и химические войска, саперные армии, оборонительного строительства и войска связи);

12-й отдел (Главное управление формирований и комплектования Красной Армии).

На 30 июня 1942 года расстановка начальствующего состава и структура Управления особых отделов выглядела так:

Руководство (В. С. Абакумов, С. Р. Мильштейн, Ф. Я. Тутушкин, Н. А. Осетров, Л. Ф. Цанава).

Секретариат (Я. М. Броверман).

Оперативное отделение (А. В. Миусов).

Следственная часть (Б. С. Павловский) в составе трех отделений:

1-е отделение – по шпионажу;

2-е отделение – по антисоветским формированиям;

3-е отделение – по руководству следственной работой на

периферии.

1-й отдел (И. И. Москаленко) в составе трех отделений:

1-е отделение – по оперативному управлению Генерального штаба, штабам фронтов и армий;

2-е отделение – по всем другим управлениям и отделам Генштаба;

3-е отделение – по Главному разведывательному управлению Генштаба, разведорганам фронтов и армий.

2-й отдел (А. А. Авсеевич) в составе пяти отделений:

1-е отделение – по штабу ВВС;

2-е отделение – по вооружению и тылу ВВС;

3-е отделение – по Академии ВВС и периферийным частям ВВС;

4-е отделение – по ПВО;

5-е отделение – по ВДВ.

3-й отдел (В. П. Рогов) в составе трех отделений:

1-е отделение – по Главному автобронетанковому управлению Красной Армии, управлениям фронтов, армий, танковых армий, корпусов и бригад;

2-е отделение – по артиллерийским управлениям фронтов, артотделов армий, артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования, Управлению Гвардейских минометных частей, гвардейским минометным частям;

3-е отделение – по Главному артиллерийскому управлению Красной Армии.

4-й отдел (Г. С. Балясный-Болотин) в составе четырех отделений:

1-е отделение – по руководству агентурно-оперативной работой особых органов (по родам войск) на Карельском, Ленинградском, Волховском, Северо-Западном, Калининском фронтах, в 7-й отдельной армии[28], резервных армиях;

2-е отделение – по руководству агентурно-оперативной работой особых органов (по родам войск) на Западном, Брянском[29], Юго-Западном, Южном, Северо-Кавказском[30] фронтах;

3-е отделение – по борьбе с изменой, дезертирством, самострелами, организации заградительной службы;

4-е отделение – по редакциям военных газет, органам военной прокуратуры, военным трибуналам, военным академиям, Центральному дому Красной Армии.

5-й отдел (К. П. Прохоренко[31]) в составе двух отделений:

1-е отделение – по Главному интендантскому управлению Красной Армии, управлениям фронтов, интендантским отделам армий, Управлению снабжения горючим;

2-е отделение – по Главному санитарному управлению Красной Армии, Ветеринарному управлению, фронтовым и окружным сан– и ветслужбам, Главному автодорожном управлению, Главвоенстрою, Военпроекту (академии).

6-й отдел (С. П. Юхимович) в составе четырех отделений:

1-е отделение – по пограничным войскам и учебным заведениям войск НКВД;

2-е отделение – по внутренним войскам и войскам ох раны тыла фронтов;

3-е отделение – по железнодорожным, промышленным и конвойным войскам;

4-е отделение – по органам военного снабжения войск НКВД.

7-й отдел (А. Ф. Соловьев) в составе двух отделений:

1-е отделение – по действующему учету управления особых отделов, отчетности фронтовых особорганов, учету изменников, шпионов, диверсантов, террористов, паникеров, дезертиров, самострельщиков и антисоветских элементов, особому учету изменников Родины, агентов разведки и лиц, скомпрометированных по показаниям последних;

2-е отделение – по проверке номенклатуры ЦК ВКП(б), НКО, НКВМФ, шифроработников, допуску к секретно-мобилизационной работе, проверке командируемых за границу и личного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота.

8-й отдел (М. П. Шариков) в составе двух отделений:

1-е отделение – шифровальное;

2-е отделение – по агентурно-оперативному обслуживанию шифроорганов Красной Армии, инспектированию шифроорганов особых отделов, учету и пересылке шифров.

9-й отдел (П. А. Гладков[32]) в составе двух отделений:

1-е отделение – по Главному морскому штабу, Разведуправлению ВМФ, Школе Разведупра, управлениям наркомата, частям и учреждениям НК ВМФ центрального подчинения и их периферийным объектам;

2-е отделение – по управлению, штабу, узлу связи ВВС ВМФ, управлению ПВО ВМФ;

10 отдел (И. И. Горгонов[33]) – по руководству контрразведывательной работой особых органов фронтов и округов;

11 отдел (А. Е. Кочетков) – по инженерным и химическим войскам, саперным армиям, оборонительного строительства и войскам связи;

12 отдел (П. М. Чайковский) – по Главному управлению формирований и комплектованию Красной Армии.

В июне 1942 года штатная численность Управления особых

отделов НКВД СССР составляла 225 человек.

Деятельность УОО НКВД под руководством Виктора Абакумова пришлась на самый суровый и трагический период Великой Отечественной войны – 1941–1942 годы. Враг захватил Прибалтику, Белоруссию и Украину, блокировал Ленинград, оккупировал Карелию и Крым, стоял у ворот Москвы, рвался на берега Дона, Волги и в предгорья Северного Кавказа. Под натиском наглого, самоуверенного противника Красная армия отступала на всех фронтовых направлениях. На полях сражений решалась судьба советского строя, судьба страны. Необходимы были самые жесткие меры, чтобы переломить ситуацию, остановить войска, заставить их сражаться. Такие меры последовали. Управлению особых отделов отводилась одна из главных ролей в их осуществлении.

О постановлении Государственного Комитета Обороны № ГКО-169сс от 16 июля 1941 года и приказе Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа того же года, которые в войсках называли «Ни шагу назад!», сказано и написано немало. Поэтому не имеет смысла подробно на них останавливаться. Следует лишь напомнить, что принимались они в чрезвычайно тяжелый и напряженный момент повсеместного отступления. Их цель бы единственной: любыми средствами остановить отход, нередко – паническое бегство советских частей. Например, в постановлении ГКО говорилось «…отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паническое бегство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником».

Для укрепления дисциплины и повышения стойкости войск помимо активизации политической работы на фронте начали широко практиковаться и репрессивные меры, которые осуществляли заградительные отряды, сформированные при особых отделах в дивизиях, корпусах, армиях, фронтах (кстати, первые заградотряды, создаваемые для борьбы с паникерами, трусами и дезертирами, появились еще в 1920 году на основании приказа № 213 Реввоенсовета Западного фронта. Использовались заградительные отряды и в период войны с Финляндией 1939–1940 годов).

Система заградительной службы особых отделов действовала на линии фронта и в прифронтовой полосе: устанавливались контрольно-пропускные пункты, секреты, выставлялись патрули и дозоры.

По официальным данным, с начала войны по 10 октября 1941 года заградотряды особых отделов задержали более 650 тысяч

отставших от своих частей и оставивших фронт военнослужащих.

В качестве крайней меры укрепления воинской дисциплины особыми отделами применялся внесудебный расстрел паникеров, трусов и дезертиров. К сожалению, в той отчаянной обстановке расстрел, к чему призывал приказ № 27 ˚Ставки Верховного Главнокомандования, зачастую применялся и в отношении просто растерявшихся, поддавшихся общей панике, отбившихся от своих частей солдат и командиров.

Но поставленной цели суровые документы достигли. К сентябрю 1941 года стойкость советских войск значительно возросла. Однако в условиях войны репрессии продолжались и скоро стали приобретать совершенно неоправданный и угрожающий характер. Причем репрессивные меры по отношению к военнослужащим стали исходить уже не от представителей особых отделов, а от совершенно иных лиц, не наделенных подобными полномочиями. И тогда появился приказ НКО СССР № 0391 от 4 октября 1941 года. Этот документ малоизвестен и крайне нелюбим псевдоисториками либерального толка, настырно бубнящими о кровожадности Сталина, поэтому публикуем его полностью:

«Секретно
Экз. №__
Народного комиссара
обороны Союза ССР
№ 0391
4.10.41 г.
г. Москва

Содержание: О фактах подмены воспитательной работы репрессиями.

За последнее время наблюдаются частые случаи незаконных репрессий и грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров по отношению к своим подчиненным. Лейтенант 288[-го] сп Комиссаров без всяких оснований выстрелил из “нагана” и убил красноармейца Кубийцу. Бывший начальник 21[-го] УР полковник Сущенко застрелил младшего сержанта Першикова за то, что он из-за болезни руки медленно слазил с машины. Командир взвода мотострелковой роты 1026[-го] стрелкового полка лейтенант Микрюков застрелил своего помощника млад[шего] командира взвода Бабурина якобы за невыполнение приказания. Военный комиссар 28[-й] танковой дивизии полковой Банквицер избил одного сержанта за то, что тот ночью закурил. Он же избил майора Занознова за невыдержанный с ним разговор. Начальник 529[-го] стрелкового

полка капитан Сакур без всяких оснований ударил два раза пистолетом старшего лейтенанта Сергеева. Подобные нетерпимые в Красной Армии факты извращения дисциплинарной практики – превращение предоставленных прав и власти в самосуды и рукоприкладство – объясняются тем, что:

а) метод убеждения неправильно отодвинут на задний план, а метод репрессий занял первое место;

б) повседневная воспитательная работа в частях в ряде случаев подменяется руганью, репрессиями и рукоприкладством;

в) заброшен метод разъяснений и бесед командиров, комиссаров и политработников с красноармейцами. Разъяснение непонятных для красноармейцев вопросов зачастую подменяются окриком, бранью и грубостью;

г) отдельные командиры и политработники в сложных условиях боя теряются, впадают в панику и собственную растерянность прикрывают применением оружия без всяких на то оснований;

д) забыта истина, что применение репрессий является крайней мерой, допустимой лишь в случаях прямого неповиновения и открытого сопротивления в условиях боевой обстановки или в случаях злостного нарушения дисциплины и порядка лицами, сознательно идущими на срыв приказов командования.

Командиры, комиссары и политработники обязаны помнить, что без правильного сочетания метода убеждения с методом принуждения немыслимо насаждение советской воинской дисциплины и укрепление политико-морального состояния войск. Суровая кара по отношению к злостным нарушителям воинской дисциплины, пособникам врага и явным врагам должна сочетаться с внимательным разбором всех случаев нарушения дисциплины, требующих подробного выяснения обстоятельств дела. Необоснованные репрессии, незаконные расстрелы, самоуправство и рукоприкладство со стороны командиров и комиссаров являются проявлением безволия и безрукости, нередко ведут к обратным результатам, способствуют падению дисциплины и политико-морального состояния войск и могут толкнуть нестойких бойцов к перебежкам на сторону противника.

Приказываю:

1. Восстановить в правах воспитательную работу, широко использовать метод убеждения, не подменять повседневную разъяснительную работу администрированием и репрессиями.

2. Всем командирам, политработникам и начальникам повседневно беседовать с красноармейцами, разъясняя им необходимость железной воинской дисциплины, честного

выполнения своего воинского долга, военной присяги и приказов командира и начальника. В беседах разъяснять также, что над нашей Родиной нависла серьезная угроза, что для разгрома врага нужны величайшее самопожертвование, неколебимая стойкость в бою, презрение к смерти и беспощадная борьба с трусами, дезертирами, членовредителями, провокаторами и изменниками Родины.

3. Широко разъяснять начальствующему составу, что самосуды, рукоприкладство и площадная брань, унижающие звание воина Красной Армии, ведут не к укреплению, а к подрыву дисциплины и авторитета командира и политработника.

4. Самым решительным образом вплоть до предания виновных суду Военного трибунала бороться со всеми проявлениями незаконных репрессий, рукоприкладства и самосудов.

Приказ объявить всему начальствующему составу действующей армии до командира и комиссара полка включительно.

Народный комиссар обороны И. СТАЛИН

Начальник Генерального Штаба Б. ШАПОШНИКОВ».

Отныне на плечи сотрудников особых отделов была возложена еще одна ответственная задача: решительным образом пресекать проявления «незаконных репрессий, рукоприкладства и самосудов». С поставленной задачей особисты справлялись достаточно успешно. По неполным данным с октября по декабрь 1941 года особыми отделами было арестовано 47 лиц начальствующего состава, виновных в самосуде и рукоприкладстве. Приказ НКО СССР № 0391 и решительные действия по пресечению незаконных репрессий в значительной мере способствовали повышению воинской дисциплины и морально-политического состояния советских войск.

Летом 1942 года, когда на фронте сложилась сверхтяжелая обстановка, для укрепления порядка и дисциплины в войсках вновь понадобилось применение жестких репрессивных мер. Основным инструментом для их осуществления, как и в 1941 году, стало Управление особых отделов НКВД. Приказ Наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года гласил:

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на

юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

…Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину…

Из этого следует, что пора кончать отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев – это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину.

Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого

командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков приказ нашей Родины.

Выполнить этот призыв – значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага».

В соответствии с приказом № 227 на всех фронтовых направлениях в пределах армий были сформированы от 3 до 5 заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), которые предписывалось держать в тылу неустойчивых дивизий, чтобы «в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов». Кроме того, в армиях появились штрафные роты (от 150 до 200 человек в каждой), куда следовало направлять военнослужащих, виновных в нарушении дисциплины, «трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной».

Стоит заметить, что о приказе № 227 в обществе сложилось предвзятое мнение. Малосведущие историки, наслушавшись россказней псевдоветеранов, утверждают, что отступающих советских бойцов заградотряды под командованием свирепых особистов встречали пулеметным огнем, обстреливали артиллерией и даже давили танкам! Все это чистая ложь!

А что же было в действительности? Свидетельствует Николай Сухоносенко, бывший боец заградотряда:

«В то время, когда зачитывался приказ № 227, я был курсантом школы младших специалистов топографической службы, которая после эвакуации из Харькова находилась в Ессентуках. Был свидетелем и участником того страшного отступления наших войск (если можно так назвать беспорядочный отход массы людей в военной форме) от Ростова-на-Дону на Кавказ. Тогда, совсем еще юношей, я воспринимал это страшное бегство под натиском вооруженного до зубов фашистского войска как катастрофу. Теперь, по прошествии стольких лет, становится еще страшней от одной мысли: что могло бы произойти, если бы не были приняты суровые, но необходимые меры по организации войск, оборонявших Кавказ? С созданием заградотрядов курсанты школы, в том числе и я, привлекались к их действиям. Мы участвовали в задержании

бегущих с фронта солдат и командиров, а также охраняли находившиеся в Ессентуках винный погреб-склад, консервный завод и элеватор, которые подвергались набегам этой неорганизованной массы военных людей. Двое суток под Ессентуками останавливали мы отступавших. По мере комплектования групп примерно человек по 100 отступающие сопровождались на сборные пункты. Затем ставились в оборону… Оружие было применено один раз, когда легковая машина не остановилась по нашему сигналу. Огонь был открыт по колесам. В результате нами оказались задержаны командиры, сидевшие в машине, старший в чине полковника. Других случаев я не знаю».

Почетный чекист Иван Краузе, бывший командир 1-го заградительного отряда 63-й армии Сталинградского фронта[34], вспоминает следующее:

«Когда летом 1942 года началось отступление, точнее бегство, наших войск, задачей моего отряда было любыми средствами остановить массу бегущих. Действовать приходилось решительно, но без применения оружия на поражение. Стреляли в воздух часто, но больше действовали кулаками. Бежит боец, глаза, как баран, выкатил, от страха ничего не соображает. “Стой!” Ноль внимания. Схватишь его за гимнастерку и по морде, по морде! Глядишь, остановился, взгляд стал осмысленным, бубнит: “Виноват, товарищ командир, растерялся, больше не повторится”. Бойцов собирали в группы, отправляли на сборный пункт, а оттуда на передовую.

В начале “перестройки” в газете какого-то “Демократического союза” прочитал очерк о заградительных отрядах. Полная чушь! Автор дописался до того, что якобы мы вешали отступавших. Звоню в редакцию, представился, говорю, что же ты, чума, пишешь? Я, отвечает, ветеран Южного фронта, пишу о том, чему сам был свидетель. В Ташкенте ты воевал, говорю, а не на Южном фронте. Он в крик: сталинский сатрап, убийца! – и трубку бросил. Ну, тут меня злость взяла. Приехал в редакцию, отыскал этого щелкопера. Он бежать, я за ним. В общем, милицию вызвали, правда, натолкать в морду я ему все же успел. А не ври, сукин сын, не ври! В отделении разобрались, что к чему, меня отпустили».

К вышесказанному нужно добавить, что заградительные отряды были расформированы на основании приказа НКО № 0349 от 29 октября 1944 года. «В связи с изменением общей обстановки на фронтах необходимость в дальнейшем содержании заградительных отрядов отпала», гласил текст приказа.

Подчеркнем также, что заградительные отряды использовались не только для прекращения паники и остановки

отступающих войск. Приведем запись из журнала боевых действий 4-го отдельного заградительного отряда 52-й армии 2-го Украинского фронта[35], которая сделана незадолго до расформирования части. В ней – итог боевых дел заградотряда в течение двенадцати месяцев (август 1943 – июль 1944): «За год отряд задержал 1415 человек, том числе 30 шпионов, 36 старост, 42 полицейских, 10 переводчиков и др. За отличное выполнение заданий командования в отряде награждено 29 человек орденами и 49 медалями. Отряд прошел путь от Дона до реки Прут, покрыв расстояние в 1300 километров… За год прочесано 83 населенных пункта, в том числе 8 городов. Личный состав вел и наступательные, и оборонительные бои в районе Днепра, села Белозерье, города Смола и других. В результате освобождено 7 населенных пунктов. За год отряд потерял убитыми 11 человек, ранеными 40».

Словом, в действиях заградительных отрядов в годы Великой Отечественной войны ничего преступного не было. Кого и от чего загораживали заградотряды? В конечном счете, нас с вами, страну свою загораживали от врагов, трусов и паникеров, которые, впрочем, на фронте тоже враги. К тому же эти жесткие меры диктовала сам война, страшнейшая в истории человечества. Кого и почему это должно шокировать? Тем более что в трагические дни отступлений 1941–1942 годов с трусами и паникерами жесткими мерами боролись не только бойцы заградительных отрядов. Каждый честный человек считал своим долгом сурово пресекать проявления трусости и паникерства. Случалось, что этим приходилось заниматься людям самых мирных профессий – инженерам человеческих душ. Свидетельствует известный писатель Константин Симонов, в первые дни войны находившийся на Западном фронте:

«Я подошел к самой опушке, где лесная дорога выходила на Минское шоссе. Вдруг в пяти шагах от меня на шоссе выскочил боец с винтовкой с сумасшедшими, вылезающими из орбит, глазами и закричал сдавленным, срывающимся голосом:

– Бегите! Немцы окружили! Пропали!

Кто-то из командиров, стоявших рядом со мной, закричал:

– Стреляй в него, в паникера! – и, вытащив револьвер, стал стрелять.

Я тоже вынул наган, который получил час назад, и тоже стал стрелять по бегущему. Сейчас мне кажется, что это был, наверно, сумасшедший человек, с психикой, не выдержавшей страшных испытаний этого дня. Но тогда я об этом не думал, а просто стрелял в него.

Очевидно, мы в него не попали, потому что он побежал

дальше. Какой-то капитан выскочил ему наперерез на дорогу и пытался задержать, схватил за винтовку. После борьбы красноармеец вырвал винтовку. Она выстрелила. Еще больше испугавшись этого выстрела, он, как затравленный, оглянулся и кинулся со штыком на капитана. Тот вытащил наган и уложил его. Три или четыре человека молча стащили тело с дороги».

Следующей задачей, возложенной на УОО НКВД в 1941–1942 годах, была решительная борьба с изменниками Родины, перешедшими на сторону врага. Сотрудникам особых отделов надлежало выявлять подобные факты и незамедлительно сообщать об этом в органы НКВД «по месту жительства семьи предателя для ее репрессирования».

Свидетельствует документ:

«Копия с копии
Сов. секретно
Экз. № 1
Приговор № 946

Именем Союза Советских Социалистических Республик 1941 г. декабря 18 дня, Военный Трибунал войск НКВД Ленинградского [военного] округа, [на] закрытом судебном заседании в г. Ленинграде, в тюрьме № 2, в составе: председательствующего Гусарова, членов: Герасимова и Орлова, при секретаре Томашевском, рассмотрел дело № 1565 по обвинению:

Гр-ки Ивановой Марфы Сергеевны, 1900 г. рождения, уроженки Калининской области, Великолуцкого р-на, д. Черняцово, из крестьян-бедняков, работницы до ареста по настоящему делу [в качестве] дворника домохозяйства № 11 по Астраханской ул., д. 27/12, русской, гр-ки СССР, малограмотной, самоучки, беспартийной, ранее не судимой, замужней; муж – изменник Родины, перешедший на сторону врага, осужден 28/XI.41 г. Военным Трибуналом 23-й армии по ст. 48-1 «б» к высшей мере наказания – расстрелу, по ст. 58-1 «в» ч. 2 УК РСФСР.

Поданным предварительного и судебного следствия ВТ установил: Иванова М. С. является женой изменника Родины – Иванова Василия Николаевича, 12/X1.41 г. перешедшего на сторону врага и осужденного заочно Военным Трибуналом 23-й армии к расстрелу.

Иванова М. С., являясь женой Иванова Василия, до мобилизации последнего 24.6.41 г. проживала совместно с ним с 1932 г. и находилась на его иждивении, поэтому в силу ст. 58-1 «в» ч. 2 УК РСФСР подлежит репрессии в уголовном порядке.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 31 и 320

УПК РСФСР, Военный Трибунал приговорил:

Иванову Марфу Сергеевну подвергнуть лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири сроком на пять лет.

Срок ссылки исчислять с момента заключения под стражу, т. е. с 8.12.41 г.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Кроме того, в 1941–1942 годах УОО НКВД активно вело борьбу с агентами немецкой разведки и диверсионными группами, действующими на фронте и в тылу советских войск.

Напомним, что агенты разведки и бойцы спецподразделений готовились противником преимущественно из антисоветских элементов – выходцев из России (с началом военных действий в них вербовались и попавшие в плен красноармейцы). 15 июня 1941 года германское командование приступило к переброске на территорию СССР разведывательно-диверсионных групп и отдельных разведчиков, переодетых в советскую военную форму, владеющих русским языком и имеющих соответствующие документы. Одни из них имели задание после начала военных действий проводить диверсионные акты – разрушать линии телеграфно-телефонной связи, взрывать мосты и железнодорожные коммуникации, уничтожать воинские склады и другие важные объекты, захватывать в тылу Красной армии мосты и удерживать их до подхода передовых частей вермахта. Другие группами и поодиночке вливались в наши окруженные части и в их составе прорывались через линию фронта, чтобы вести разведывательно-диверсионную деятельность в тыловых районах.

Известно, что уже перед самым началом войны Красная армия столкнулась с «работой» гитлеровских диверсантов. Так, например, к моменту артиллерийской подготовки противника в Бресте и на железнодорожной станции внезапно погас свет и вышел из строя водопровод, в Кобрине произошла авария на электростанции, а проволочная связь войск со штабом Западного Особого военного округа прекратилась, на линии были вырезаны десятки метров провода.

В начальный период войны, когда не было сплошной линии фронта, разведка противника имела возможность забрасывать на нашу территорию значительное количество своей агентуры вместе с прорвавшимися из окружения частями или группами красноармейцев. «Из них нередко формировались сводные части и подразделения, – пишет историк А. В. Меженько, – которые ставились на прикрытие незащищенных участков фронта». Система мер борьбы особых отделов с вражескими разведчиками

и диверсантами, проникшими в войска, включала оперативные, заградительные и профилактические мероприятия. Основная роль в контрразведывательной работе особых отделов отводилась агентурно-осведомительному аппарату и строгой системе проверки военнослужащих, выходивших из окружения. К примеру, с 15 по 18 октября 1941 года на участке Можайского укрепленного района было задержано 23 064 красноармейца, которые поодиночке и группами отходили от линии фронта в тыл и не имели при себе необходимых документов. Все задержанные были направлены на пункты сбора при заградительных отрядах, где проходили проверку сотрудниками особых отделов, а затем следовали в пункты формирования воинских частей или в распоряжение военных комендатур. Правда, трудность проверки заключалась в том, что у красноармейцев и младших командиров на фронте отсутствовали документы, удостоверяющие личность. По этой причине было крайне сложно на месте разоблачить вражескую агентуру.

Следует пояснить, что приказом НКО СССР № 171 1940 года для военнослужащих Красной армии была введена красноармейская книжка. Однако в соответствии с пунктом 7 этого же приказа в действующей армии она не предусматривалась. По мнению историка Меженько, из-за подобного просчета в начальный период войны среди вышедших из окружения наших бойцов находилось немало военнослужащих гитлеровской дивизии специального назначения «Бранденбург-800», один батальон которой «был укомплектован лицами, владеющими русским языком, перед которыми ставилась задача внедрения в подразделения Красной армии».

Исправить ситуацию должен был приказ НКО № 330 от 7 октября 1941 года о введении красноармейских книжек. В соответствии с приказом интендантской службе Красной армии в 15-дневный срок следовало изготовить и обеспечить действующую армию документами, удостоверяющими личность. Однако из-за целого ряда объективных причин до конца 1942 года большинство воинских подразделений так и не было обеспеченно красноармейскими книжками.

Поэтому в конце 1941 года приказом НКО № 0521 для более тщательной проверки военнослужащих Красной армии, находившихся в плену или в окружении противника, были созданы армейские сборно-пересыльные пункты (один на армию) и организованы спецлагеря. «Согласно положению об армейских сборно-пересыльных пунктах на них возлагался сбор, прием и отправка бывших военнослужащих Красной армии в спецлагеря. На пересыльных пунктах военнослужащие находились, как

правило, пять – семь дней. В некоторых случаях организовывались армейские комиссии по выявлению обстоятельств пленения. На прошедших такую комиссию военнослужащих составлялись отдельные списки с ее решением, что облегчало дальнейшую процедуру проверки в спецлагерях, где эти функции выполняли особые отделы НКВД», – пишет А. В. Меженько.

В 1941–1942 годах было создано 27 спецлагерей, но в связи с проверкой и отправкой проверенных военнослужащих на фронт они постепенно ликвидировались (к началу 1943 года функционировало всего 7 спецлагерей). По официальным данным в 1942 году в спецлагеря поступило 177 081 бывших военнопленных и окруженцев. После проверки особыми отделами НКВД в Красную Армию было передано 150 521 человек.

Бывший окруженец Иван Сафонов, проходивший с декабря 1941 года по май 1942 года проверку в Урюпинском спецлагере НКВД № 256, оставил об этих днях в своем дневнике следующие строки:

«…14 декабря. Одна женщина сказала, что из села Погорелого приехала гражданка. По ее словам, неподалеку стоят красные части. В селе нас уже собралось шесть окруженцев. Идем по два, три и одному человеку. Удалось незаметно для фашистов перейти минное поле. Теперь мы у своих… На заставе нас взяли под стражу. Проверка. Дали газету “Красная Армия”, где узнаем, что второе генеральное наступление немцев на Москву приостановлено.

16 декабря. Еду в Старый Оскол. Отдел кадров Политуправления 40-й армии направил в город Урюпинск.

24 декабря. Приехал в город Урюпинск. Обмундировали. Рад, что опять ношу красноармейскую звезду.

5 января 1942 года. Подал документы в парткомиссию.

22 марта. Исключен из членов ВКП(б). Как тяжело, грустно переносить! Не знаю, что делать. Лучше бы смерть, чем исключение из членов ВКП(б), тем более в годы Отечественной войны… Я ни в чем не виноват, а переношу тяжелые минуты. На меня сейчас смотрит тот, кто не был в окружении, с недоверием. Кто бы знал, как тяжко жить, когда человек невинный попадает в группу тех, кому не доверяют… Партия, партия, как тяжко расставаться. Партия – это жизнь, радость моя. Идя по занятой врагом земле, я твердо говорил про себя: “Я – коммунист”. Коммунистическое сердце толкало быстрее идти к Красной армии на восток. И я это выполнил как коммунист. Хоть исключенный я, но осталась душа коммуниста. Не дождусь того дня, когда буду бить фашистов. Я знаю, что партия восстановит меня, и я снова

буду ее членом.

26 апреля. Переживаю сильно. Зачем я попал в этот лагерь, невинно и напрасно!

12 мая. В 1:00 выехали со станции Юдино. Приехали на станцию Суслонгер Марийской АССР. В 14:00 прибыли в лагеря 31-й запасной стрелковой бригады 84-го стрелкового полка. Одна мысль: быстрее попасть на фронт. Там я бы показал свою преданность народу, партии. Фронт для меня дороже всего, ибо фронт решит мою судьбу. Весь день все немило. Как тяжело невинно оказаться вне партии, потерять звание младшего политрука. Назначили временно, до выяснения, заместителем командира взвода.

15 мая. Плохие дела с партийностью. Не могу понять, кто это дело запутал. Если меня пошлют на фронт, то я быстро буду в партии.

31 мая. Переведен в маршевую роту. Готовлюсь для отправки на фронт. Лучше смерть в бою, чем быть в тылу.

6 июня. Утро. День отъезда. Скорее бы, скорее бы! Мой лозунг и клич: “Вперед и только вперед! На запад! На разгром сволочных гитлеровцев, бешеных собак! За Родину!”»

Вскоре после начала победоносного советского наступления под Москвой командование вермахта было вынуждено искать новые методы борьбы с Красной Армией. Германскими спецслужбами была разработана операция «Цеппелин», ставка в которой делалась на массовую заброску за линию фронта разведчиков и диверсантов. Начальник VI управления Главного управления имперской безопасности, бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг[36] писал в своих мемуарах:

«В лагерях для военнопленных отбирались тысячи русских, которых после обучения забрасывали на парашютах в глубь русской территории. Их основной задачей наряду с передачей текущей информации было политическое разложение населения и диверсии. Другие группы предназначались для борьбы с партизанами, для чего их забрасывали в качестве наших агентов к русским партизанам. Чтобы поскорее добиться успеха, мы начали набирать добровольцев из числа русских военнопленных прямо в прифронтовой полосе».

Вербовка агентов проводилась как среди военнопленных, так и среди жителей оккупированных территорий. Качество подготовки свежеиспеченных «разведчиков» и «диверсантов» было крайне низким. Подавляющее большинство агентов добровольно являлось после перехода линии фронта в советские и военные органы. Другие были обезврежены особыми отделами фронтов. О результативности работы военных контрразведчиков

свидетельствует документ:

«Докладная записка
Особого отдела НКВД
Западного фронта № 70991-сч
командующему фронтом Г. К. Жукову
и члену военного совета фронта Н. А. Булгарину
О работе Особого отдела за период
с 22 июня по 28 декабря 1941 года
30 декабря 1941 года

Особым отделом НКВД Западного фронта с начала войны по 28 декабря арестовано и разоблачено 505 агентов немецкой разведки. Из них: завербованных до войны – 4, переброшенных через фронт из числа военнопленных – 380, жителей временно занятых противником районов – 76, жителей прифронтовой полосы – 43, агентуры, внедренной в штабы войсковых соединений, – 2.

По армиям это выражается в следующих цифрах:

[Армии]	[Количество шпионов, человек]
1-я	10
50-я	30
49-я	30
43-я	12
33-я	24
10-я	8
5-я	49
30-я	16
29-я	12
22-я	55
20-я (старая расформированная)	49
20-я (новая действующая)	4
19-я	38
16-я	82
ОО Запфронта	86
Итого:	505

Из проведенных следственных дел видно, что немецкая разведка в условиях военной обстановки делает упор на массовую вербовку, особенно из числа военнопленных и добровольно перешедших на сторону врага.

Германская разведка особенно интересуется московским

направлением, куда забрасывается основная масса завербованной агентуры.

11 декабря О[собым] о[тделом] НКВД 16-й армии в районе линии фронта были задержаны три человека в штатских костюмах, назвавших себя:

1. Стрелец Самуил Львович – майор, бывший командир 395-го артиллерийского полка Резерва Главного командования.

2. Беспалов-Тюков – старший политрук, военком 469-го подвижного полевого госпиталя 19-й армии.

3. Артамонов – старшина 38-го стрелкового полка 31-й дивизии ополчения[37].

На допросах все трое признались, что они в разное время сдались в плен противнику, где были завербованы и в ночь с 10 на 11 декабря переброшены в тыл Красной Армии для шпионской деятельности, получив при этом следующие зада[ния]:

1. Для ведения разведывательной работы осесть в г. Москве.

2. Установить количество действующих советских войск на правом фланге Западного фронта и… структуру вновь появившихся стрелковых бригад.

3. Количество прибывающих английских войск в г. Москву.

4. Выявить настроение рабочих Москвы и состояние продовольственного снабжения.

5. Установить, какие промышленные предприятия оборонного значения действуют в Москве и их мощность.

Стрелец и К° [назвали] ряд лиц, связанных с гестапо, которые нами изымаются.

В декабре О[собым] о[тделом] НКВД 16-й армии вскрыта и ликвидирована шпионско-диверсионная группа, возглавлявшаяся бывшим жителем г. Москвы Форстом Альфредом Алоизовичем[38], 1918 года рождения, уроженцем г. Вены (Австрия), по национальности австрийцем. В СССР проживал с 1935 года.

Первым, кого Форст завербовал, был его личный друг (житель ст. Сходня) Осипов Владимир[39], которому он рассказал, что еще в начале войны между Германией и СССР он как политически неблагонадежный был выслан в Караганду, откуда бежал и сейчас проживает на нелегальном положении.

Тогда же Форст поведал своему другу, что с нетерпением ждет немцев и верит в их победу над Красной Армией. Форст далее заявил, что в целях быстрейшей победы немцев необходимо здесь, в тылу, организовать диверсионные акты, взрывать мосты, в частности, указал на Химкинский мост, продовольственные склады и т. д.

По делу Форста арестовано шесть человек.

Из числа германской агентуры, завербованной до войны, нами арестованы А. И. Можденский[40] и В. А. Дрыго[41].

Следствием по их делу установлено, что Можденский в январе 1940 года, работая в Одесском главном институте, был завербован для шпионской работы в пользу немецкой разведки доктором этого института Шевелевым.

29 июня 1941 года перед уходом в Красную Армию Можденский получил от Шевелева прямое задание – собирать шпионские данные о частях Красной армии и передавать ему, однако выполнить это задание Можденскому не удалось, так как вскоре [он] был арестован.

6 декабря 1941 года Особым отделом НКВД 50-й армии арестован Никифоров С. В., быв[ший] помощник начальника 1-го отдела штаба 53-й дивизии 13-й армии, по званию капитан, 1896 года рождения, бывший член ВКП(б), исключен из партии в 1935 году.

Следствием установлено, что Никифоров со 2 августа по день переброски на нашу сторону, 17 ноября 1941 года, находился в плену у немцев, где использовался немцами как агент по работе среди военнопленных. Никифоров добровольно изъявил свое желание работать на немецкую разведку.

Находясь в лагере военнопленных на ст. Коханово, Никифоров познакомился с Александром Михайловичем Ивакиным, он же Баранов, 1907 года рождения, бывший сотрудник НКВД (арестован О[собым] о[тделом] МВО).

Войдя в доверие к немцам, Никифоров и Ивакин подали на имя командования лагеря рапорт с предложением своих услуг немцам.

24 августа 1941 года в лагерь прибыл представитель разведывательного отдела штаба фронта немецких войск Дмитриенко[42], который, познакомившись с Никифоровым и Ивакиным, повез обоих в г. Борисов, в штаб соединения, где была оформлена вербовка. Оба они были предупреждены, что их используют для переброски в глубокий тыл СССР.

20 октября 1941 года Никифоров был командирован разведкой в Рославльский лагерь военнопленных для сближения с взятым в плен командиром 18-й танковой бригады подполковником Горлашевичем[43] с заданием установить через Горлашевича место формирования бригады, в какое соединение она входит; собрать сведения о Волжской армии: местонахождение этой армии, фамилии командующего армии, командиров корпусов, дивизий и бригад.

По выполнении этого задания 17 ноября 1941 года Никифоров был переброшен на нашу сторону с заданием,

полученным непосредственно от начальника разведотдела штаба фронта немецких войск Фурмана[44], которое сводилось к следующему: пробраться в глубокий тыл СССР, собрать с ведения о расположен и штабов армий, баз снабжения, складов боеприпасов, вооружении частей, местонахождении резервов. По выполнении задания возвратиться в г. Смоленск.

Разоблаченная немецкая агентура в своем большинстве дала показания, что ей предлагалось собрать на нашей территории следующие данные:

укрепленные линии обороны наших частей;

наличие и расположение войск, главным образом резервов;

выяснение состояния путей сообщения (железных и шоссейных дорог, ведущих к линии фронта);

местонахождение аэродромов и их размеры;

места сосредоточения танков, артиллерии и “чертовых пушек” (пушка Костикова);

наличие военных заводов, работающих в Москве и других крупных центрах.

И, наконец, почти вся разоблаченная агентура показала, что она получила задание распространять ложные, провокационные слухи среди военнослужащих и гражданского населения о якобы хорошем обращении немцев с пленными бойцами, командирами Красной армии и оставшимся мирным населением.

20 декабря 1941 года О[собым] о[тделом] НКВД 43-й армии арестованы возвратившиеся из немецкого плена красноармейцы Наливайкин и Кубрик.

Следствием установлено, что оба они после пленения были обработаны и завербованы немецким офицером Гольбергом для шпионской работы в частях Красной армии.

Наливайкин при вербовке получил задание:

влиться в ряды Красной армии и добиться назначения по своей специальности – мотоциклиста;

собрать и доставить немецкой разведке сведения о количестве и расположении тяжелой артиллерии, танков и “чертовых пушек”[45], действующих в районе дер. Каменка;

вести среди бойцов пораженческую агитацию, восхвалять мощь немецкой армии, склонять бойцов к переходу на сторону врага с оружием.

Аналогичные задания получил и Кубрик.

Наряду со шпионскими заданиями по сбору сведений в частях Красной армии немецкая разведка дает ряду своих агентов задания чисто диверсионного характера.

Завербованный в октябре 1941 года житель дер. Каменское Наро-Фоминского района Московской области Иван Николаевич

Грива получил при переброске на нашу сторону следующие задания: пробраться в Москву, где устроиться… на один из военных заводов, где организовать диверсионно-подрывную работу.

При невозможности поступить на военный завод, устроиться чернорабочим жел[езно]дор[ожного] транспорта, где проводить диверсионные акты путем организации крушений воинских эшелонов. Кроме этого, проводить фашистскую агитацию среди населения, склонять красноармейцев к переходу на сторону противника.

Бывший красноармеец 765[-го] сп. 5-й гвардейской стрелковой дивизии Байгузинов Адорахим Абдумкерович[46], 1916 года рождения, исключен из ВКП(б), судим за хулиганство, при вербовке и переброске на нашу сторону получил задание устроиться поваром в одной из воинских частей и отравить красноармейцев ядом, который получил от немцев при вербовке.

Бывший командир отделения 112[-й] сд Переведенцев при переброске на нашу сторону получил задание взорвать склады с боеприпасами. Перед этим он проходил 5-дневную подготовку по подрывному делу.

Материалами следствия установлено, что немецкая разведка широко развернула работу по вербовке для шпионской деятельности антисоветски настроенных элементов, дезертиров из Красной армии и уголовников, проживающих в местностях, оккупированных фашистскими захватчиками.

Завербованные используются немцами как для работ в оккупированной местности, так и для переброски на нашу сторону.

При освобождении Красной армией дер. Ратово Ленинского района Тульской области Особым отделом НКВД 50-й армии вскрыта вооруженная контрреволюционная диверсионная группа, созданная немецким командованием для борьбы с партизанским движением, разведками частей Красной армии и для вылавливания красноармейцев и командиров, выходящих из окружения.

По делу арестованы: Жучков Петр Иванович, 1922 года рождения; Голиков Григорий Иванович, 1922 года рождения; Сарычев Павел Никитович, 1922 года рождения; Жучков Иван Степанович, 1922 года рождения. Все дезертиры Красной Армии. [Арестованы] Лубянский Борис Петрович, 1895 года рождения и еще 9 чел[овек], все уроженцы дер. Ратово.

Указанные лица немцами были вооружены револьверами, винтовками и автоматами.

Из материалов следствия устанавливается, что немцы

применяют следующие виды переброски агентуры на нашу сторону:

– переброска на транспортных самолетах по 9—10 человек. Этот вид переброски использовался главным образом в первые дни войны;

– переброска агентуры в санитарных машинах под видом раненых красноармейцев;

– групповые переброски через линию фронта по 5—10 человек под видом военнослужащих, выходящих из окружения;

– внедрение массовой агентуры (отдельными подразделениями) в наши части, попавшие в окружение, с последующим созданием выхода этих частей из окружения;

– переброска под видом беженцев…».

Справедливости ради надо сказать, что наряду с успешными операциями по обезвреживанию вражеской агентуры сотрудники особых отделов, случалось, занимались прямой фабрикацией шпионских дел. Так, в вышеприведенном документе фигурирует руководитель шпионско-диверсионной группы А. А. Форст, который 11 февраля 1942 года был осужден военным трибуналом Западного фронта к высшей мере наказания. 7 человек, арестованных вместе с ним по этому делу, были приговорены к различным срокам лишения свободы. Прошло несколько десятилетий, прежде чем повторным расследованием было установлено, что объективных фактов для обвинения Форста, Осипова и других в создании шпионско-диверсионной группы нет… 24 декабря 1990 года все осужденные были реабилитированы Московским городским судом.

Другой известный случай фабрикации шпионских дел сотрудниками особых отделов произошел в 7-й Отдельной армии Карельского фронта незадолго до учреждения управления контрразведки «СМЕРШ».

По материалам следствия, проведенного особым отделом армии, одно из дел представлялось следующим образом:

«Резидент немецкой разведки Никулин, снабженный немецкой разведкой оружием (пистолетом и гранатами), получил от немецкой разведки задание вести обширную шпионскую деятельность в Красной армии – вербовать шпионов, взрывать мосты, поджигать воинские склады, советские учреждения и т. д. Никулин имел в своем распоряжении агентов-связистов, которые, переходя линию фронта, передавали немцам шпионские сведения, собранные Никулиным. В числе других шпионов Никулин завербовал командира Красной Армии младшего лейтенанта Шведова».

Проверка этого дела, произведенная по настоятельной просьбе командующего 7-й Отдельной армией генерал-лейтенанта А. Н. Крутикова[47], дала совершенно иной результат. Выяснилось, что И. А. Никулин – совершенно неграмотный мужик. До войны и во время войны работал плотником на Тихвинской лесобирже и полтора месяца прожил на захваченной немцами территории. Со Шведовым познакомился в то время, когда воинская часть, в которой служил Шведов, располагалась по соседству, где проживал Никулин.

В свою очередь, младший лейтенант Шведов после кратковременного знакомства с Никулиным отбыл вместе со своей частью на Волховский фронт, под Синявино, откуда и дезертировал. Вскоре Шведов был задержан особым отделом 7-й Отдельной армии, ему первоначально было предъявлено обвинение в дезертирстве, а затем в шпионаже. Через некоторое время после ареста Шведов сознался в шпионской деятельности и показал, что в шпионы он был завербован Никулиным.

Дальнейшее расследование показало, что обвинение Никулина и Шведова в шпионаже совершенно бездоказательно и необоснованно.

В итоге по приказу И. В. Сталина от 31 мая 1943 года несколько сотрудников особого отдела во главе с заместителем начальника контрразведки 7-й Отдельной армии подполковником Керзоном были приговорены к пяти годам лагерей или направлению в штрафные роты.

Некоторым из особистов, помимо фабрикации дел, приходилось выступать – умышленно или нет, неизвестно, – в роли пособников фашистам. Об одном из таких удивительных фактов свидетельствует приказ № 0098 Ленинградского фронта за подписями командующего фронтом Г. К. Жукова и членов Военного совета А. А. Жданова, А. А. Кузнецова и И. С. Исакова:

«Сов. секретно
экз. № 42
Приказ
Войскам Ленинградского фронта № 0098
гор. Ленинград, 5 октября 1941 г.

20 сентября к линии обороны 289-го отдельного артиллерийско-пулеметного батальона на участке 2-й роты подошли переодетые в солдатскую форму немецкие офицеры и предложили группе красноармейцев сдаться в плен к немцам. Вместо того чтобы употребить власть и поступить, как требует от командиров воинский долг и присяга, т. е. немедленно захватить фашистских лазутчиков в плен или уничтожить их на месте,

командиры взводов – младшие лейтенанты Пономоренко и Яcько и помощник командира взвода Русин, допустили фашистских агитаторов к переднему краю обороны и совместно с некоторыми красноармейцами вступили с ними в переговоры, начали предательское “братание”. В качестве “переводчика” в этих переговорах участвовал заместитель парторга политбоец Барский. После этого пять бойцов перебежали на сторону врага.

Зам[еститель] командира 2-й роты лейтенант Синицын запретил красноармейцам открывать огонь по немецким агитаторам и по изменникам Родины, ведущими с ними переговоры.

Командир 289[-го] ОАПБ старший лейтенант Барышников, комиссар батальона старший политрук Пикоткин, уполномоченный Особого отдела НКВД при 289[-м] ОАПБ старший политрук Подберезный, командир 2-й роты старший лейтенант Павловский и политрук той же роты Бойм проявили преступную бездеятельность, не приняв своевременно необходимых мер к пресечению переговоров с вражескими лазутчиками и недопущению перехода пяти предателей на сторону противника. Никто из перечисленных командиров и политработников не выполнил своего долга и не открыл огонь по фашистским мерзавцам, по их пособникам и предателям Родины.

Этот беспримерный факт несколько дней оставался неизвестным для командования и политаппарата Слуцко-Колпинского укрепрайона и Военного совета 55-й армии[48]. Уполномоченный Особого отдела НКВД 289-го отдельного артпульбата Подберезный ограничился формальным сообщением в Особое отделение НКВД Слуцко-Колпинского укрепрайона, а руководители отделения отнеслись к этому событию не как большевики-чекисты, а как трусливые обыватели, не приняв всех требующихся в подобных случаях мер.

Подобные позорные, бесчестящие воинов Красной армии факты могли иметь место лишь в результате предательского поведения некоторых командиров, комиссаров, политработников и работников Особых отделов и вследствие отсутствия настоящей большевистской политико-воспитательной работы в подразделениях.

Члены Военного Совета 55-й армии тт. Горохов и Смирнов, получив донесение о случившемся, вместо принятия должных и энергичных мер пустили дело по пути бесконечных расследований и “изучений”, утопили его в канцелярщине и не поставили своевременно о случившимся в известность Военный совет фронта.

Приказываю:

1. Вторую роту 289-го отдельного артпульбатальона, как обесчестившую себя, расформировать, а всех пособников предателей из красноармейцев и начсостава роты предать суду Военного трибунала и расстрелять.

2. Комиссара Слуцко-Колпинского сектора бригадного комиссара Степанова и начальника Особого отдела НКВД СКУРа лейтенанта госбезопасности Гусева с работы снять и понизить в должности.

3. Комиссару 168-й сд старшему батальонному комиссару Александрову, начальнику политотдела 168-й сд старшему батальонному комиссару Арсеньеву и начальнику Особого отдела НКВД 168-й сд батальонному комиссару Гусеву объявить строгий выговор.

4. Начальнику политотдела 55-й армии бригадному комиссару Халезову и начальнику Особого отдела НКВД 55-й армии капитану госбезопасности Солоимскому объявить выговор и предупредить их, что они будут сняты с постов и понижены в должности, если впредь в частях 55-й армии будут повторяться подобные позорные случаи “братания”, измены и предательства.

5. Военному Совету 55-й армии поставить на вид непринятие должных мер по происшедшим фактам измены в 289[-м] ОАПБ и предложить Военному Совету армии принять все меры к тому, чтобы исключить повторение подобных фактов в подразделениях 55-й армии в будущем.

6. По всем изменникам Родины, пытающимся совершить предательство, завязать переговоры с противником и перейти на сторону врага, открывать огонь без всякого предупреждения и уничтожать их всеми средствами.

7. Командиров и комиссаров подразделений, в которых будет иметь место предательское “братание” и измена Родине, арестовывать и предавать суду Военного трибунала.

8. Особому отделу НКВД Ленинградского фронта немедленно принимать меры к аресту и преданию суду членов семей изменников Родины в соответствии со ст. 58-1 п. “в” УК РСФСР.

9. Начальнику Политического управления фронта немедленно проверить состояние партийно-политической работы в частях 55-й армии и принять решительные меры к улучшению работы в войсках армии.

10. Комиссарам соединений, частей и подразделений решительно улучшить политико-воспитательную работу в войсках и изучение людей.

11. Предупредить командиров и комиссаров соединений, частей и подразделений, что они лично несут ответственность за каждый случай измены и предательства в части.

12. Начальнику Особого отдела НКВД фронта принять меры к усилению работы Особых отделов армий и их органов в соединениях и подразделениях.

13. Предупредить весь личный состав фронта, что все, кто проявляет бездействие власти и попустительство по отношению к предателям и изменникам, кто проявляет недопустимую трусость и растерянность в таких случаях, будут беспощадно уничтожаться как пособники фашистских мерзавцев…»

Тем не менее деятельность Управления особых отделов НКВД, несмотря на наличие отдельных негативных фактов, оказалась достаточно эффективной.

С начала войны по декабрь 1941 года особыми отделами было арестовано 35 738 человек, в том числе: шпионов – 2343, диверсантов – 669, изменников – 4647, трусов и паникеров – 3325, дезертиров – 13 887, распространителей провокационных слухов – 4295, самострельщиков – 2358, за бандитизм и мародерство – 4214. Расстреляно по приговорам трибуналов – 14 473, из них перед строем – 411. В качестве примера стоит привести следующие факты. В конце 1941 года абвер попытался создать в блокированном Ленинграде постоянно действующую резидентуру, снабженную рацией. Агенты едва успели развернуть свою работу, как их разоблачили военные контрразведчики. Такая же участь постигла и многочисленные диверсионные группы, которые примерно в это же время и позже немцы выбрасывали с самолетов в тыл Волховского фронта с целью вывести из строя единственную железную дорогу, по которой доставлялись грузы для Ленинграда.

С начала войны по апрель 1942 года только в полосе Ленинградского (Северного) фронта было задержано 89 270 человек. Диверсантов и шпионов среди них выявлено – 269, парашютистов – 16, вражеских летчиков – 22, бандитов – 116, военнослужащих, неорганизованно отходивших с фронта или не имеющих документов – 53 137, расхитителей грузов – 3388. Кроме того, в самом Ленинграде чекисты арестовали около 200 лиц, занимавшихся распространением антисоветских писем и листовок. А всего по данным УОО НКВД за 1942 год было обезврежено 11 765 агентов противника. Так, например, была ликвидирована группа бывших военнослужащих Красной армии, заброшенных в наш тыл с заданием физически уничтожить командования Западного и Калининского фронтов, в том числе генералов Г. К. Жукова и И. С. Конева. Другим крупным успехом УОО НКВД в 1942 году стала операция по дезинформации противника, проведенная в тесном контакте с командованием

Волховского фронта. В октябре этого года гитлеровцы забросили на самолете в тыл фронта разведгруппу в составе разведчика и двух радистов, бывших командиров Красной армии. После приземления они добровольно явились в органы контрразведки. После соответствующей проверки, показавшей, что этим людям можно доверять, возникла идея начать так называемую радиоигру: установить связь с псковским радиоцентром абвера и передавать туда ложную информацию. Радиоигра продолжалась три месяца. Особое значение она приобрела в декабре 1942 года – с получением приказа о проведении наступательной операции «Искра»[49] – прорыве вражеской блокады Ленинграда. Все, что передавалось в псковский радиоцентр, направлялось на то, чтобы скрыть от противника подготовку советских войск к наступлению. Правдивость сведений «своей» разведгруппы не вызвала у немцев подозрений, поскольку они были подкреплены демонстрационной передислокацией некоторых наших частей и установкой макетов военной техники. Представитель Ставки на Волховском фронте генерал армии Г. К. Жуков вспоминал: «Никто не мог поручиться, что сведения об “Искре” не просочились каким-то образом к неприятелю». Но когда операция началась, «нам стало ясно, что враг не знает, какими силами мы располагаем, и что время нанесения нашего мощного удара оказалось для него неожиданным».

Добавим также, что только с мая 1942 года по май 1943 года наши контрразведчики захватили 243 немецкие агентурные радиостанции и 80 из них использовали в радиоиграх, дезинформируя противника. Умелая «игра», в частности, не позволила фашистам вовремя усилить свою группировку под Сталинградом и отразить контрнаступление советских войск. На подготовленные засады в Вологодской области, Калмыкии и ряде других мест были вызваны и пленены либо уничтожены тяжелые транспортные самолеты с подразделениями диверсантов для поднятия «восстаний» в тыловых районах СССР, а также сорваны спланированные гитлеровцами террористические акты в Ставке Верховного Главнокомандования.

И при этом отметим, что главная роль в успешных радиоиграх принадлежала руководителю УОО НКВД Виктору Семеновичу Абакумову. Именно он пошел против существовавшего тогда уголовного законодательства, трактовавшего, что согласие советского человека на сотрудничество с иностранной разведкой – уже измена. Абакумов освобождал явившихся с повинной немецких агентов от уголовного наказания, что резко поднимало эффективность борьбы с абвером. Подобные действия Виктора Семеновича

безумно раздражали «сверхбдительных» товарищей, которые неоднократно направляли в ГКО жалобы на начальника УОО НКВД, проявляющего «либерализм к предателям и вражеским агентам». Как верно заметили современные российские исследователи Б. Сыромятников и Н. Поросков: «Абакумов опередил время: только в 1960 году Верховный Совет СССР принял дополнение к статье 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления – не подлежит уголовной ответственности гражданин, завербованный иностранной разведкой, если он во исполнение преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой».

Глава четвертая

В середине апреля 1943 года Виктор Семенович Абакумов был вызван к Лаврентию Павловичу Берии. Проходя по коридорам Лубянки, Абакумов с удовольствием бросил взгляд на стенную газету «Чекист», где был его портрет работы самодеятельного художника и стихотворные строки:

Сквитаться с фашистом задумав,
Будь сердцем крепок, как Абакумов.

Нарком принял своего подчиненного в приподнятом расположении духа.

– Наверху есть мнение, – сказал Лаврентий Павлович, сверкнув пенсне в потолок, – создать на основе управления особых отделов управление контрразведки СМЕРШ.

– Простите, как? – переспросил Абакумов.

– СМЕРШ, расшифровывается как «Смерть шпионам!» – отчеканил Берия. – Звучит, да. Начальником новой структуры предполагается назначить вас.

– А я что, я согласный, – ответил Виктор Семенович.

19 апреля 1943 года постановлением Совета народных комиссаров СССР № 415-138сс Управление Особых отделов НКВД было преобразовано в Главное управление контрразведки (ГУКР) СМЕРШ НКО СССР. Вместо обтекаемой аббревиатуры «особые отделы» военная контрразведка получила в качестве наименования грозный лозунг «Смерть шпионам!». На основе 9-го отдела УОО НКВД было создано Управление контрразведки (УКР) СМЕРШ НКВМФ СССР. На базе 6-го отдела УОО был организован Отдел контрразведки (ОКР) СМЕРШ НКВД, основной задачей которого было обслуживание войск и органов НКВД.

Начальником Главного управления контрразведки был назначен комиссар госбезопасности 2-го ранга (звание присвоено в феврале 1943 года) В. С. Абакумов. СМЕРШ НКВМФ возглавил комиссар ГБ П. А. Гладков, а Отдел контрразведки – бывший начальник 6-го отдела С. П. Юхимович (с июля 1944 года – В. И. Смирнов).

21 апреля 1943 года ГКО утвердил положение о Главном управлении контрразведки СМЕРШ НКО СССР. В первом пункте этого положения значилось, что ГУКР СМЕРШ входит в состав НКО, а начальник ГУКР является заместителем наркома обороны и подчиняется непосредственно И. В. Сталину (31 мая было

утверждено положение об УКР СМЕРШ НКВМФ). 25 мая 1943 года В. С. Абакумов был освобожден от должности заместителя наркома обороны, но как начальник ГУКР СМЕРШ напрямую подчинялся Сталину. Заместителями Абакумова были назначены генерал-лейтенанты Н. Н. Селивановский[50] (по разведывательной работе), И. Я. Бабич[51], П. Я. Мешик[52], помощниками – генерал-лейтенант И. И. Москаленко, генерал-майоры К. П. Прохоренко (умер в октябре 1944 года) и А. П. Мисюрев[53].

Задачи СМЕРШ остались прежними: борьба со шпионажем, диверсиями, террором и другими видами подрывной деятельности противника и его агентуры, выявление антисоветских элементов, дезертиров и членовредителей, проверка военнослужащих, бывших в плену или окружении.

Структура СМЕРШ состояла из 11 отделов:

1-й – агентурно-оперативная работа в центральном аппарате Наркомата обороны;

2-й – работа среди военнопленных, проверка военнослужащих Красной армии, бывших в плену или окружении;

3-й – борьба с немецкой агентурой, забрасываемой в тыл Красной армии;

4-й – работа в тылу противника по выявлению агентов, забрасываемых в части Красной армии;

5-й – руководство работой органов СМЕРШ в военных округах;

6-й – следственный;

7-й – оперативный учет и статистика;

8-й – оперативная техника;

9-й – обыски, аресты, наружное наблюдение;

10-й (отдел «С») – работа по особым заданиям;

11-й – шифровальный.

Кроме того, действовал политотдел во главе с полковником Сиденьковым.

Численность центрального аппарата ГУКР СМЕРШ НКО составляла 646 человек.

В 1943 году противник приступил в районе Курского выступа к подготовке наступательной операции «Цитадель», целью которой было окружение и уничтожение войск Центрального и Воронежского фронтов с последующим ударом в тыл Юго-Западного фронта.

Резко возросла заброска гитлеровской агентуры в расположение войск Центрального, Воронежского, Степного фронтов[54] и их тыловые районы. Снабженные УКВ-радиостанциями агенты противника, завербованные среди

военнопленных и гражданских лиц, имевших родственников в зоне размещения советских войск, забрасывались с заданиями разведывательного, диверсионного и террористического характера.

В противоборство с немецкой разведкой вступили органы военной контрразведки СМЕРШ, сумевшие создать эффективную контрсистему. В короткий срок была осуществлена активизация зафронтовой деятельности. 4-й отдел ГУКР СМЕРШ, под руководством П. Тимофеева (с февраля 1944 года – Г. Утехина[55]), успешно проводил работу по внедрению наших агентов в разведорганы противника. Достаточно сказать, что внедренный в «Абвергруппу-102» разведчик СМЕРШа под псевдонимом «Гальченко» сообщил советской контрразведке данные на 26 сотрудников этого органа и 101 агента, проходившего подготовку в Полтавской разведшколе, а также передал 33 фотографии вражеских агентов. Разведчик «Гальченко» находил в каждой группе, готовящейся к переброске в советский тыл, лояльно настроенного человека, которому поручал после заброски являться в органы контрразведки и сообщать данные на известных ему агентов и оказывать помощь в их задержании.

Благодаря действиям внедренных разведчиков, стройную систему приобретала организация розыска вражеской агентуры. Централизованно обрабатывались данные об агентах противника, оперативному составу сообщались ориентировки на готовящихся к переброске шпионов, характерные элементы их экипировки, типичные «легенды», признаки поддельных документов.

Проводилась тщательная фильтрация лиц, задержанных в прифронтовой полосе и в тылах фронтов. Использовались люди, знающие в лицо разыскиваемых агентов. Был организован регулярный контроль за эфиром, пеленгация и розыск агентурных станций, дешифровка передаваемых сообщений. Это позволяло своевременно блокировать район выброски вражеских парашютистов.

За июнь – август 1943 года контрразведчиками трех фронтов в прифронтовой полосе и тыловых районах было обезврежено 119 участников немецких диверсионных групп. СМЕРШ развернул крупномасштабные радиоигры с немецкой разведкой – для выброски ее агентов на подготовленные для захвата участки, передачи дезинформации о численности, дислокации войск и военной техники, намерениях командования.

Несложно представить, какую ценную информацию получало бы командование группы армий «Центр» и «Юг», если бы десятки немецких агентов в зонах трех советских фронтов передавали

достоверные сведения. Дальнейшие события и документы гитлеровского командования свидетельствуют: дезинформация и обезвреживание вражеской агентуры достигли цели, советское наступление на Курской дуге явилось для немцев полной неожиданностью. Известно, что, когда Гитлеру было доложено о провале операции «Цитадель», он в ярости назвал командующих группы армий «Центр» и «Юг» генерал-фельдмаршалов Клюге и Манштейна «дубовыми головами».

Отметим также, что с апреля 1943 года по февраль 1944 года по заданию СМЕРШа в органы и школы абвера и СД успешно внедрились 75 советских разведчиков. За указанный период 38 зафронтовых агентов после выполнения задания возвратились обратно. Разведчики представили сведения на 359 официальных сотрудников немецкой военной разведки и на 978 выявленных шпионов и диверсантов, подготавливаемых для переброски в советский тыл. Впоследствии 176 вражеских агентов, заброшенных на нашу территорию, были арестованы органами СМЕРШа. Кроме того, 85 немецких лазутчиков после заброски их в расположение частей Красной армии явились с повинной, а пятеро завербованных нашими разведчиками сотрудников немецких спецслужб остались работать в своих подразделениях по заданию советской контрразведки.

С 1 октября 1943 года по 1 мая 1944 года СМЕРШ перебросил в тыл противника 345 зафронтовых агентов, в том числе 50 перевербованных немецких разведчиков. После выполнения задания вернулось 102 агента. Внедрились в разведорганы противника – 57 человек, из них 31 вернулись, а 26 человек остались выполнять задания СМЕРШа.

В ходе операций нашим разведчиками удалось перевербовать 69 вражеских агентов, из них 40 остались действовать в немецких спецшколах, остальные явились в советские органы госбезопасности. По данным разведчиков, возвратившихся из тыла противника, было арестовано 43 вражеских агента. А всего за указанный выше период было выявлено 620 официальных сотрудников и 1103 агента немецких спецорганов, из числа которых 273 агента арестовано органами СМЕРШа.

28 мая 1944 года «Красная звезда», ссылаясь на мнение авторитетного военного, писала, что арест одного вражеского агента равноценен уничтожению по крайней мере роты противника. По подсчетам современных исследователей Б. Сыромятникова и Н. Пороскова, «вклад военных контрразведчиков в победу исчисляется 400 тысячами вражеских солдат и офицеров».

Некоторым из наших разведчиков поручалось с целью

разложения проникнуть в так называемую «Русскую освободительную армию» (РОА), формирование генерала Власова[56], в котором собралось как отъявленное отребье, так и запутавшиеся, сломленные духом бывшие военнопленные Красной армии. Под влиянием агитации из некоторых частей РОА на советскую сторону переходили сотни солдат и командиров. Так, например, в октябре 1943 года группе контрразведчиков под командованием Г. Репина, действующей в Партизанском крае на Псковщине, удалось провести переговоры и убедить перейти на сторону партизан 150 власовцев из состава Первой ударной бригады РОА. А всего в зоне действия Ленинградского фронта с 1943 года по август 1944 года в результате систематической работы контрразведчиков по разложению личного состава «Русской освободительной армии», полицейских подразделений и административно-хозяйственных служб противника на сторону партизан перешло свыше 5 тысяч человек.

В 1943–1944 годах ГУКР СМЕРШ для сбора сведений о разведорганах и спецшколах противника, внедрения в них, а также для захвата кадровых сотрудников, агентов и вражеских пособников стали широко практиковать заброску в немецкий тыл агентурных групп. Так, за январь – октябрь 1943 года во вражеский тыл были направлены 7 агентурных групп (44 человека), подчиненных непосредственно Главному управлению контрразведки. За время пребывания за линией фронта они привлекли к сотрудничеству с советской контрразведкой 68 человек. Потери всех групп составили 4 человека. Наряду с действиями ГУКР СМЕРШ фронтовые управления контрразведки, также активно осуществляли самостоятельные агентурно-разведывательные и диверсионные мероприятия на оккупированной территории. Например, управление ОО НКВД СМЕРШ Ленинградского фронта с января 1942 года и до полного изгнания оккупантов за пределы Ленинградской области (август 1944 года) подготовило и направило в тыл врага: «50 оперативных работников, 168 разведывательно-диверсионных групп в составе 1090 разведчиков и 135 радистов, 726 агентов-разведчиков, агентов-маршрутников, связников, вербовщиков. Оперативными группами, действовавшими при десяти партизанских бригадах (1—8-й, 10-й и 13-й), завербовано 890 агентов из числа местных жителей оккупированных районов. Из этого контингента в количестве 390 человек были организованы 72 резидентуры». Кроме того, действовавшие в тылу врага разведывательно-диверсионные группы и опергруппы при партизанских бригадах взорвали и пустили под откос 71 железнодорожный эшелон с живой силой и техникой противника;

подорвали один вражеский бронепоезд; вывели из строя 30 железнодорожных и шоссейных мостов; уничтожили 101 склад с боеприпасами, горючим и продовольствием.

Генерал армии П. И. Ивашутин[57], в период Великой Отечественной войны – начальник Особого отдела – УКР СМЕРШ Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов, свидетельствует:

«За годы войны управления СМЕРШ фронтов из чисто контрразведывательного органа превратились в мощную разведывательно-контрразведывательную службу, занимавшуюся не только розыском вражеской агентуры, но и агентурной разведкой во фронтовом тылу врага».

В 1944–1945 годах советским военным контрразведчикам удалось не только парализовать разведывательно-диверсионную работу немецких спецслужб по всем ее направлениям, но и полностью перехватить инициативу. В конце войны для этого особенно активно использовались радиоигры с противником, ведущиеся СМЕРШем с помощью захваченных и перевербованных немецких агентов, передававших умело подготовленную и выверенную дезинформацию. В ГУКР СМЕРШ эта работа осуществлялась 3-м отделом под руководством чекиста Барышникова. Так, например, с июня 1944 года по май 1945 года сотрудники СМЕРШ вели на территории Румынии против абвера радиоигру «Приятели». В результате операции было полностью взято под контроль румынское антикоммунистическое подполье, связанное с немецкой разведкой и арестовано около 400 фашистских агентов. Однако принято считать, что наиболее успешной «игрой» радиослужбы СМЕРШа стала переданная немцам дезинформация о том, что зимой 1944–1945 годов советского наступления не будет. В этот период информированные источники советских спецслужб сообщили, что фашисты начали подготовку к мощному наступлению в Арденнах против американцев и англичан. Немецкое наступление открывало крайне выгодные перспективы для Красной армии: вермахт, контратакуя на Западном фронте, растрачивал свои последние резервы. Однако немцев вряд ли обрадовала бы перспектива вести активные бои одновременно на всех фронтах, поэтому их следовало убедить, что наступательный порыв советских войск выдохся. Решение этой задачи И. В. Сталин возложил на начальника Главного разведуправления (ГРУ) Красной армии генерал-полковника Ф. Кузнецова. При этом Сталин сказал: «Надо прекращать мелочиться. Нужно сыграть по-крупному и убедить немцев, что зимнего наступления в этом году не будет». В первых числах декабря 1944 года Кузнецов пригласил к себе, в здание Наркомата обороны на Фрунзенской

набережной, полковника-смершевца Д. Тарасова для разработки деталей предстоящей операции. На подготовку плана дезинформации противника о затяжной «зимней спячке» Красной армии полковнику Тарасову и пяти офицерам ГРУ потребовалось несколько часов. Для проведения этой «радиоигры» было задействовано 24 немецких радиста, захваченных и перевербованных СМЕРШем. Далее процитируем российского исследователя Евгения Жирнова:

«Первая шифровка была отправлена из Куйбышева от имени группы агентов, которых якобы заслали в советский тыл для пропагандистской работы и создания повстанческих отрядов из врагов власти: “В Куйбышев с фронта прибыла крупная авиачасть. Военные рассказывают, что бои в Восточной Пруссии показали недостаточную подготовку наступающих войск Советской армии, в связи с чем началась переподготовка войск. Среди городского и особенно сельского населения распространились слухи о затяжной войне. Зимнего наступления уже не ждут. Возможности нашей работы улучшились. Ускорьте доставку оружия, литературы, материалов”.

Немцы отреагировали очень быстро. Сразу несколько работающих под контролем “разведгрупп” получили одну и ту же шифровку: “На чем основана уверенность партийных и советских кругов в победе? Что говорят про зимнюю кампанию и когда она ожидается? Проходят ли эшелоны через ваш пункт на Запад? Какие части?”.

“Был в гостях у инженера Кировского завода, – сообщали из Ленинграда. – Встретил там его родственника – полковника отдела боевой подготовки штаба Ленинградского фронта. В разговоре с ним выяснил, что в Ленинграде с 1 января открываются курсы усовершенствования командного состава артиллерии Красной Армии. Будут обучаться фронтовики”.

И такие сообщения сыпались на немцев каждый день. Еще 16 радиоточек, которые по заданию нацистов и с помощью контрразведки “специализировались” на наблюдении за железной дорогой и прифронтовой полосой, передавали информацию об уменьшающемся день ото дня перемещении войск к фронту и продолжающемся укреплении рубежей обороны. Параллельно шло дезинформирование противника и через агентуру военной разведки. В результате немцы не только перешли в наступление в Арденнах, растрачивая резервы, но и перебросили с польского участка фронта часть танковых дивизий, чем еще больше облегчили наступление советских войск».

Всего же за годы Великой Отечественной войны органы СМЕРШ осуществили 183 радиоигры с противником.

Еще одним важным направлением в деятельности органов СМЕРШа было участие в фильтрации и проверке «спецконтингента» – военнопленных и репатриантов из числа советских граждан. Организацией всего этого занимался 2-й отдел ГУКР СМЕРШ, возглавляемый полковником Карташовым. По своим масштабам и размаху, как верно отметил современный исследователь Валентин Кодачигов, подобная деятельность не имела аналогов в истории спецслужб мира.

К концу 1943 года в связи с широким наступлением Красной армии и освобождением значительной территории от немецких оккупантов работа органов СМЕРШ по «спецконтингенту» во многом усложнилась. В освобожденных районах, помимо фильтрации и проверки военнопленных, следовало выявить лиц, активно сотрудничавших с гитлеровской администрацией и войсками. Это касалось бургомистров, старост, редакторов профашистских печатных органов, а также тех, кто добровольно служил во вспомогательных силах вермахта. Стоит заметить, что самыми многочисленными из добровольцев были так называемые «хиви» (от немецкого Hilfswillige – добровольные помощники), численность которых в 1943 году составила около 400 тыс. человек. В основном «хиви» использовались в тыловых и прифронтовых частях вермахта для выполнения охранных, обозных и строительных функций. Они же служили на побегушках у немецких солдат и офицеров и делали всю грязную работу – мыли казармы, чистили конюшни, туалеты. Полицейские функции на оккупированной территории выполняли подразделения «оди» (Ordnungsdienst – OD – полицейская служба), численность которых составляла порядка 60–70 тыс. человек. Эту публику, набранную в основном из уголовников, бывших кулаков и белогвардейцев, а также не разоблаченных в свое время вредителей, немцы использовали для поддержания порядка среди местного населения и борьбы с партизанами. Кроме того, во вспомогательных силах вермахта служили так называемые «шума» (Schutzmanschaft – личный состав обороны), отъявленные подонки, негодяи и садисты, которые принимали участие в карательных акциях, где отличались особой жестокостью. Прежде всего, это батальон «Бергман», легион крымских татар, 15-я и 16-я латышские дивизии СС, 20-я эстонская дивизия СС, 1-я и 2-я русские дивизии СС, 14-я дивизия «Галичина». По мнению российских исследователей, общая численность этих формирований за время войны составляла до 250 тыс. человек. А всего в рядах вермахта, по немецким данным, служило порядка 750 тыс. добровольцев.

Известно, кстати, что Виктор Семенович Абакумов испытывал

ко всем этим «хиви», «оди», «шума» и прочим предателям жгучую ненависть. Однажды, присутствуя на оперативном совещании 2-го отдела ГУКР СМЕРШа, он заявил буквально следующее:

– Полицейские и каратели из числа советских граждан хуже немецких фашистов. Этих негодяев следует выявлять и давить, как говно, без всякой жалости, поскольку фактом своего гнусного предательства они поставили себя вне закона!

С ноября 1943 года в некоторые из 20 спецлагерей НКВД стали поступать бывшие старосты, полицейские, каратели. Они как наиболее социально-опасный элемент содержались отдельно от другого «спецконтингента». Всего к марту 1944 года их поступило 9002 человека. До конца войны органы СМЕРШ изобличили десятки тысяч подобных преступников, которые понесли суровое, но справедливое наказание.

Наряду с фашистскими пособниками в спецлагеря продолжали поступать плененные неприятельские солдаты и офицеры, а также бывшие военнослужащие Красной армии, освобожденные из немецкого плена. По официальным данным количество бывших военнопленных в 1943 году составило 127 628 человек, а в 1944 году – 12 885 человек. Органами СМЕРШ было проверено и передано в войска 72 760 военнослужащих.

С выходом Красной армии на государственную границу и переносом во второй половине 1944 года боевых действий на территорию стран Восточной Европы СМЕРШем в целях пресечения террористических актов и диверсий в тылу наступавших советских войск была проведена широкомасштабная операция. В ходе ее были интернированы и помещены в лагеря 208 239 человек, «способных носить оружие», и 61 573 функционера низовых фашистских партийных и административных органов.

Кроме того, органы СМЕРШ начали осуществлять проверку советских граждан, насильственно угнанных на работу в фашистскую Германию. При этом «смершевцам» неоднократно приходилось предотвращать самосуды, которые, случалось, устраивали бывшие «рабы» над своими прежними хозяевами. Так, в январе 1945 года в районе города Крейцбург русские девушки, угнанные фашистами из Смоленской области, избили некоего герра Попельбаума и его жену. И только оперативное вмешательство сотрудника СМЕРШа 5-й гвардейской армии по фамилии Сухопарый спасло их от неминуемой смерти.

Заметим также, что проверка СМЕРШем, прежде всего, советских граждан призывного возраста проходила прямо на месте, минуя спецлагеря НКВД. Тех, кто прошел проверку, направляли в запасные части, откуда после прохождения боевой

подготовки по семидневной программе отправляли на фронт. В дополнение к вышесказанному можно привести выдержки из донесения начальника политуправления 1-го Украинского фронта начальнику Главного политического управления Красной армии о политико-воспитательной работе с новым пополнением от 7 апреля 1945 года:

«На 20 марта было направлено в части более 40 тыс. человек… В боях с немецкими захватчиками подавляющее большинство бойцов нового пополнения ведут себя стойко, мужественно, отважно. Нередко молодые воины идут на самопожертвование во имя советской Родины. Стрелковый батальон… состоящий на 80 процентов из нового пополнения, неоднократно сражался в сложной боевой обстановке. Ему приходилось отбивать контратаки численно превосходящего противника… Испытав на себе все ужасы немецкой неволи, фашистского плена, бойцы пополнения сильно ненавидят немецких оккупантов и выражают нетерпение с оружием в руках скорее отомстить им на поле боя».

После разгрома фашистской Германии и капитуляции вермахта необходимо было организовать прием и проверку освобожденных союзными войсками на территории Западной Германии советских военнопленных и интернированных граждан, которых насчитывалось более 1,5 млн человек. В тыловых районах для их размещения было создано около 100 лагерей.

Всего за годы войны через «сито» проверок особых отделов и подразделений ГУКР СМЕРШ прошло около 5 млн 416 тыс. человек, из них 1 млн 836 тыс. человек военнопленных и около 3 млн 582 тыс. гражданских лиц. В Красную Армию и запасные части было передано около 1 млн 230 тыс. бывших военнопленных. Около 600 тыс. изобличенных военных преступников и фашистских пособников было отправлено в спецлагеря НКВД. Кстати, в период боевых действий в Маньчжурии осенью 1945 года сотрудниками ОКР СМЕРШ 6-й танковой армии Забайкальского фронта были арестованы руководитель Всероссийской фашистской партии К. В. Родзаевский и белогвардейский атаман Г. М. Семенов. Интересно, что Родзаевский, скрываясь какое-то время в Шанхае, отправил оттуда письмо Сталину. В нем он выражал сожаление о допущенных им ошибках и заявлял о готовности «посвятить оставшиеся дни служению родине, партии и ее вождю в Советском Союзе». Более того, оказавшись на Лубянке, «фюрер» принялся утверждать, что на скользкую, кривую дорожку антисоветской деятельности его заставил встать атаман Семенов, «этот жуткий тип, старый пьяница и сластун», а на самом деле он,

Родзаевский, в душе всегда большевиком…

В 1941–1945 годах, выполняя свой воинский долг, гибли тысячи сотрудников военной контрразведки. На фронтах Северо-Западного направления пали смертью храбрых свыше 1200 человек. Под Киевом в июле 1941 погибли начальник особого отдела Юго-Западного фронта, бывший начальник 3-го управления НКО СССР А. Н. Михеев и его заместитель Н. А. Якунчиков. Более половины личного состава особых отделов 10-го стрелкового корпуса пали в боях за Таллин летом 1941 года. Большие потери понесли флотские чекисты, среди погибших заместитель начальника ОКР СМЕРШ Балтийского флота полковник Л. З. Шатуновский, заместитель начальника ОКР Ленинградской военно-морской базы Н. Г. Бычков. Четверым армейским чекистам: лейтенантам Г. М. Кравцову, В. Г. Чеботареву, М. П. Крыгину и старшему лейтенанту П. М. Жидкову посмертно были присвоены звания Героев Советского Союза.

Органы военной контрразведки и их руководители, в числе которых следует назвать начальников Особых отделов – УКР СМЕРШ фронтов генералов И. Я. Бабича, М. И. Белкина, А. А. Вадиса, Н. И. Железникова, П. И. Ивашутина, Н. Н. Селивановского, Н. Г. Ханникова и других, внесли неоценимый вклад в обеспечение успешных операций Красной армии против Германии и ее союзников. Как справедливо отметил исследователь Валентин Кодачигов, «в судьбоносный для государства момент аппарат военной контрразведки, выполнявшей в значительной мере репрессивные функции, был перестроен в эффективную спецслужбу. Она была сориентирована на осуществление не только традиционных контрразведывательных, но и разведывательных и подрывных мероприятий, четко координировала свою деятельность с армейским командованием. Хотя, конечно, оглядываясь назад, можно сказать, что модель СМЕРШа следовало бы внедрить еще в 1941 году».

В военные годы в рядах контрразведки служили достойные люди. Недавно отечественный исследователь С. П. Кононов обнаружил в архивах ФСБ Архангельской области уникальные документы, свидетельствующие, что с апреля 1943 года по октябрь 1945 года в отделе СМЕРШ Архангельского военного округа служил Ф. А. Абрамов, позднее ставший известным российским писателем. Остановимся на этом факте подробнее и, с позволения Сергея Кононова, воспользуемся его материалами. Это необходимо сделать не только из-за неизвестной страницы в биографии писателя, но и потому, что благодаря «стараниям» псевдоисториков и псевдоветеранов у определенной части нашего

общества сложилась искаженное мнение о тех, кто служил в СМЕРШе.

Зимой 1942 года Федор Абрамов после тяжелого ранения на Ленинградском фронте был эвакуирован в госпиталь города Сокол. Затем вновь военная служба: сначала в запасном стрелковом полку в Архангельске, позже – в Архангельском военно-пулеметном училище.

В училище на него обратили внимание сотрудники СМЕРШ. Образованный, с боевым опытом, старший сержант Абрамов не мог не попасть в поле зрения кадровиков органов безопасности, испытывающих дефицит в кадрах. Особо кадровиков привлекло знание Федором Алексеевичем иностранных языков. В «Анкете специального назначения работника НКВД», в графе: «Какие знаете иностранные языки», молодой кандидат на службу написал: «Читаю, пишу, говорю недостаточно свободно по-немецки. Читаю и пишу по-польски».

17 апреля 1943 года Абрамов был зачислен в штат отдела контрразведки Архангельского военного округа на должность помощника уполномоченного резерва. Однако уже в августе он становится следователем, а через год с небольшим – старшим следователем следственного отдела. Правда, вначале служба Федора Александровича началась не слишком гладко. Как-то раз, в одном из разговоров с сослуживцами, он высказал мысль о том, что не видит смысла в конспектировании приказов Сталина, поскольку это отнимает много времени и сил. Кто-то из бдительных сослуживцев усмотрел в этом высказывании крамолу и доложил начальству. Грянуло служебное разбирательство, которое окончилось тем, что вольнодумец написал объяснение, удовлетворившее даже самых бдительных товарищей.

«…приказ тов. Сталина является квинтэссенцией мысли, каждое предложение, каждое слово его заключает в себе столь много смысла, что в силу этого необходимость конспектирования приказа в принятом значении сама собой отпадает.

Я сказал далее, что приказ тов. Сталина представляет собой совокупность тезисов, дающих ключ к пониманию основных моментов текущей политики, и что каждый тезис может быть разработан в авторитетную публицистическую статью. В том же разговоре я обратил внимание на изумительную логику сталинских трудов вообще, что не всегда можно найти в речах Черчилля и Рузвельта, на сталинский язык, обладающий всеми качествами языка народного», – написал в объяснительной Федор Абрамов.

Дело о его политических сомнениях и незрелости дальнейшего развития не получило, и начинающий

контрразведчик спокойно приступил к выполнению своих прямых обязанностей.

Борьба с разведкой и диверсантами противника на территории Архангельского военного округа была главной задачей контрразведчиков, среди которых был и Федор Абрамов. Контрразведывательное обеспечение велось в Архангельской, Вологодской, Мурманской областях, Карельской и Коми автономных республиках, где активность разведок противника была чрезвычайно высока. Так, осенью 1943 года в Вологодской и Архангельских областях на парашютах было выброшено 27 разведывательных и диверсионных групп. Как удалось выяснить С. П. Кононову, следователь СМЕРШ Абрамов из указанного количества разведгрупп противника принимал участие в производстве следствия по восьми группам. С осени 1943 года постоянным местом его командировок становится Вологодская область.

Опыт, накопленный за год работы по разоблачению немецких агентов, образование, полученное в университете, знание психологии, военный опыт, позволяющий разговаривать как фронтовик с фронтовиком, как пишет С. П. Кононов, сделали из Федора Абрамова хорошего специалиста-контрразведчика. Ему поручили участвовать в одной из радиоигр с немецкой разведкой с территории Вологодской области.

Игра получила название «Подрывники» и вошла в золотой фонд операций против немецкой разведки во время Великой Отечественной войны. Органы НКВД Вологодской области совместно со СМЕРШем Архангельского военного округа создали легенду, что на территории Сямженского и Вожегодского районов существует многочисленная группа недовольных советской властью переселенцев с Западной Украины, готовых начать повстанческое движение. Нужна помощь от немцев. Немецкая разведка клюнула на это и осенью 1943 года выбросила группу разведчиков под руководством Григория Аулина у разъезда Ноябрьский. Целью ее выброски было начать организацию этого самого повстанческого движения и проведение диверсий на железных дорогах.

Группа была задержана контрразведкой и включена в радиоигру «Подрывники». Немецкое командование в результате умелой дезинформации советской контрразведки поверило в возможность работы в глубоком тылу русских и 1 ноября 1943 года выбросило десант диверсантов из 14 человек для соединения с Аулиным. Несмотря на трудности, все члены группы были задержаны, старший немецкой группы Мартынов был ранен и застрелился из нагана, так как сдаваться не хотел.

Через десять дней «на Аулина» немцы в Харовском районе выбросили еще троих диверсантов и 14 грузовых парашютов с оружием, взрывчаткой, деньгами и обмундированием. Старший группы Федор Сергеев сразу же согласился работать на нашу контрразведку, и его рацию включили в новую игру. Этой игре дали название «Подголосок» и назначили ее руководителем Федора Абрамова.

Абрамов через рацию Сергеева передал немцам, что группа Аулина не найдена. Немцы приказали Сергееву работать самостоятельно. Долго «водили за нос» немцев работники СМЕРШа. Две рации подтверждали данные, передаваемые немецкой разведке, что делало игру очень правдоподобной, и немцы полностью верили им.

Когда стало ясно, что если группы не объединятся, то немцы могут усомниться в легенде их успешной работы, группы Аулина и Сергеева «объединили», и игра «Подголосок» исчерпала себя.

За участие в радиоиграх и успешную дезинформацию противника лейтенант Федор Абрамов был награжден именными часами. А «Подрывники» еще долго «действовали» на Вологодчине, немцы весной 44-го последний раз сбросили им 28 грузовых парашютов и двух агентов, а потом фронт откатился далеко, но «дезу» контрразведка СМЕРШ передавала чуть ли не до конца войны.

После победы в Великой Отечественной войне ректор Ленинградского государственного университета профессор А. А. Вознесенский выступил с ходатайством перед командованием СМЕРШ Архангельского военного округа о демобилизации Федора Абрамова:

«Генерал-майору Головлеву.

Прошу демобилизовать и направить в мое распоряжение для завершения высшего образования бывшего студента 3-го курса филологического факультета Ленинградского Университета, ныне военнослужащего, находящегося в Вашем подчинении тов. Абрамова Федора Александровича.

Тов. Абрамов за время своего пребывания в Университете зарекомендовал себя как способный и дельный студент, и есть все основания полагать, что из него выработается полноценный специалист-филолог, в которых так нуждается наша страна.

Ректор Лен[инградского] Гос[ударственного]
ордена Ленина Университета
профессор *А. А. Вознесенский».*

22 октября 1945 года служба Федора Абрамова в рядах СМЕРШ завершилась.

Отдельно следует сказать о Викторе Семеновиче Абакумове как руководителе УОО НКВД – ГУКР СМЕРШ в годы Великой Отечественной войны, тем более что на эту тему написано изрядное количество глупостей. Некоторые деятели пишут, что Абакумов был непомерно чванлив, разводил бестолковщину, был груб с подчиненными военачальниками, причем чаще всего от него доставалось почему-то авиаторам. Другие утверждают, будто бы Абакумов всю войну только и занимался тем, что фабриковал дела на боевых генералов, а на территории Германии в поисках ценных трофеев он даже не гнушался перетряхивать солдатские сидоры и офицерские чемоданы. А третьи уверяют, что «тонких многоходовых комбинаций продумывать и организовывать он не любил и не умел. Подход был кавалерийский: руби – и делу конец. Он считал, что чем проще операция, тем лучше». Все это бездоказательная ложь, которую насочиняла об Абакумове «публика на тонких ножках, с жидкой кровью», как в свое время выразился относительно таких щелкоперов писатель Всеволод Вишневский.

О руководстве Виктором Абакумовым контрразведкой в годы войны сохранилось немало положительных отзывов.

Свидетельствует начальник секретариата СМЕРШ полковник И. А. Чернов:

«Виктор Семенович хоть и был молодой, а пользовался большим авторитетом, в ГУКР СМЕРШ его очень уважали. Основное внимание он уделял розыскной работе, знал ее хорошо, и велась она активно. Начальников управлений в центре и на фронтах жестко держал в руках, послаблений никому не давал. Резковат – это да, бывало по-всякому, а вот чванства за ним не замечалось. Наоборот, если случалось ему обидеть кого-то, он потом вызывал к себе в кабинет и отрабатывал назад. По себе знаю: начнет иногда ругать при посторонних, чтобы те почувствовали ответственность, а ночью выберет минуту и скажет – не обращай внимания, это нужно было в воспитательных целях».

Свидетельства полковника Чернова дополняет генерал армии П. И. Ивашутин:

«Выступая перед начальниками фронтовых управлений СМЕРШ, Абакумов не пользовался шпаргалками, четко излагал свои мысли и говорил со знанием дела. Он постоянно предостерегал нас от скоропалительных решений, основанных на одной бдительности и не подкрепленных доказательствами… Принижать заслуги Абакумова в успешной работе ГУКР СМЕРШ несерьезно, думаю, что этого не позволит себе ни один контрразведчик военного времени».

Ветеран-«смершевец» А. И. Нестеров вспоминал:

«Он пришел к нам уже сложившимся чекистом. Опыта у него хватало – все-таки почти десять лет в органах. На основе мельчайших деталей не всегда, но довольно часто он делал правильные выводы и принимал верные решения. В чем ему нужно было отдать должное – хватка у него была крепкая. Он требовал беспрекословного исполнения своих указаний и уж о данных поручениях никогда не забывал, и если что-то решал, от своего решения не отступал никогда, жестко настаивал на своем. Работать с ним было нелегко, но всегда была уверенность в том, что назавтра он не скажет: “Я ничего подобного вам не поручал”. Чекисты высоко ценили Абакумова, хотя многие и побаивались его».

Память ветеранов военной контрразведки сохранила и другие достойные черты Виктора Семеновича Абакумова.

Известно, что он достаточно часто выезжал на фронты, где проверял работу своих подчиненных. При этом Абакумов несколько раз попадал под обстрел… На Калининском фронте в районе Великих Лук его машину атаковал «мессершмит». Шофер вовремя заметил опасность, все успели выскочить и спрятаться в кювет. Осколки от сброшенных бомб изрешетили машину, но никто из пассажиров не пострадал. В другой раз, по словам ветерана Ивана Краузе, машину начальника ГУКР СМЕРШ обстреляли бандеровцы, действующие в тылах 13-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта. Ранение получил адъютант Абакумова. Виктор Семенович устроил грандиозный разнос армейским контрразведчикам. В тот же день началась операция по зачистке тылов 13-й гвардейской армии, в результате которой было ликвидировано несколько банд украинских националистов.

Немало времени и сил Абакумов тратил на заботу о своих подчиненных. В тяжелую минуту любой контрразведчик мог обратиться к нему за помощью и незамедлительно ее получить.

Из воспоминаний генерала армии П. И. Ивашутина:

«В военной контрразведке я работал с финской войны, был тогда начальником особого отдела 23 стрелкового корпуса. В то время Абакумова лично не знал, познакомился с ним только в 1942 году, когда меня неожиданно вызвали в Москву с Северного Кавказа, где сражалась 47 армия, в которой я служил. Являюсь к Абакумову, как положено у военнослужащих, докладываю о прибытии и жду, что он скажет. Абакумов начал неторопливо расспрашивать о положении на нашем фронте, о работе особого отдела армии и мельком поинтересовался, большая ли у меня семья. Не знаю, ответил я, мои близкие пропали без вести при эвакуации. Абакумов пообещал навести справки, а сутки спустя вызвал в кабинет, чтобы сообщить, что моя семья в Ташкенте. Я

обрадовался, а он сухо, без лишних слов, дал мне 72 часа на устройство личных дел и посоветовал не рассусоливать – на Центральном аэродроме приготовлен самолет.

Разыскал я жену, детей и родителей в глинобитной халупе без окон и отопления – и то и другое заменял мангал, на котором готовили пищу. Товарищи из особого отдела Среднеазиатского военного округа помогли, выделили моей семье комнату, так что вернулся я из Ташкента по-настоящему счастливым. Поблагодарил Абакумова и попросил разрешения отбыть к месту службы. Абакумов сперва послал меня в ЦК ВКП(б) на беседу, а затем объявил, что я назначен начальником особого отдела Юго-Западного фронта».

Если одним он выделял самолет, чтобы слетать в глубокий тыл к семье, то для голодающих семей других хлопотал об усиленном пайке. Заметим также, что эта черта в характере Абакумова сохранилась и после войны, о чем свидетельствует история с чекистом подполковником А. Малышевым из Грозного. Малышев пошел против начальника своего управления, который брюзжание отдельных граждан на послевоенные трудности рассматривал как злостную антисоветскую агитацию. Подполковник отказался арестовывать одного из таких брюзг, сославшись при этом на требование директивы Абакумова «перенести центр тяжести на профилактическую работу». В результате козней начальства Малышева вызвали на разборку в Москву. Больше двух месяцев он жил в гостинице, ожидая решения своей судьбы. Наличные деньги кончились, содержания не выплачивали. Отчаявшись, он записался на прием к Абакумову, был скоро принят, получил новое назначение и задержанные деньги. Чуть позже Виктор Семенович, будучи в Ярославле на новом месте службы Малышева, интересовался, как тот устроился.

В годы войны Абакумов был горячим сторонником оснащения контрразведчиков различными техническими новшествами. Так, в начале 1944 года ему продемонстрировали пряжку-пистолет германского конструктора Л. Маркуса, добытую советскими разведчиками. Поясним, что в 1942 году в Германии гражданский конструктор Луис Маркус разработал «стреляющую пряжку». Эта «пряжка» крепилась на штатный офицерский ремень. Ее стальной корпус был покрыт синим воронением, собирался на винтах и закрывался крышкой на внутреннем шарнире. На гладкую крышку снаружи накладывался серебристый нацистский орел со свастикой, а внутри корпуса находилось два ствола, выполненные под патрон пистолета «Вальтер». При нажатии на головки специальных защелок с левой стороны пряжки (движение,

аналогичное расстегиванию обычной пряжки) одновременно отпускались крышка и стволы. Две горизонтальные винтовые пружины с помощью специального механизма поднимали блок стволов, а тот, поднимаясь, отбрасывал вниз крышку. Когда стволы вставали перпендикулярно корпусу, капсюли патронов оказывались напротив утопленных в корпус ударников. Роль курка играли две небольшие кнопки (клавиши) с левой стороны. Владелец пряжки-пистолета мог выстрелить сразу из обоих стволов или произвести два выстрела подряд. Конечно, ожидать стопроцентной меткости стрельбы не приходилось, но выстрел производился в упор и рассчитывался прежде всего на внезапность. Свое устройство Маркус предложил вниманию службы СС и даже удостоился аудиенции у рейхсфюрера Генриха Гиммлера, который остался доволен «стреляющей пряжкой». Было решено выпустить опытную партию «пряжек» для определения их пригодности. В начале 1944 года заказ на изготовление опытных образцов поступил на велосипедный завод братьев Ассманн в Лейбнице, где было выпущено более сотни стреляющих устройств.

Вскоре трофейная пряжка-пистолет оказалась в распоряжении начальника ГУКР СМЕРШ. После детального ознакомления с ней Виктор Семенович счел целесообразным иметь в арсенале контрразведчика оружие скрытого монтажа. 8-й отдел управления, занимавшейся оперативной техникой, получил распоряжение об усовершенствовании и изготовлении пробной партии «пряжек». К сожалению, других документов о дальнейшей судьбе советского стреляющего устройства обнаружить в архивах не удалось. Правда, ветеран Иван Краузе вспоминал, что ему приходилось слышать об использовании нашими контрразведчиками пряжек-пистолетов на Западной Украине в конце 1945 года.

Партия и правительство достойно оценили личный вклад Виктора Семеновича Абакумова в победу над фашистской Германией. В 1944 году он был награжден орденами Суворова 1-й и 2-й степеней (№ 216, 540), в 1945 году – орденом Кутузова 1-й степени (№ 385), а также орденами Красного Знамени, Красной Звезды и 6 медалями. В августе 1945 года Абакумову было присвоено звание генерал-полковника, и, кроме того, его назначили членом Комиссии по руководству подготовкой обвинительных материалов и работой советских представителей в Международном военном трибунале по делу главных немецких военных преступников.

Глава пятая

Весной 1946 года на уровне партийно-государственного руководства страны был поднят вопрос об объединении органов государственной безопасности. К этому времени в рамках преобразования Совета народных комиссаров в Совет министров СССР Наркомат государственной безопасности был переименован в Министерство государственной безопасности (МГБ) СССР.

По указанию И. В. Сталина министр МГБ В. Н. Меркулов, его заместитель С. И. Огольцов и начальник ГУКР СМЕРШ В. С. Абакумов подготовили записку с проектом реорганизации Министерства государственной безопасности СССР и представили ее главе государства. Проект предусматривал ряд серьезных структурных изменений в МГБ, главным из которых было включение в состав министерства военной контрразведки СМЕРШ.

4 мая 1946 года представленный проект был рассмотрен и утвержден на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). ГУКР СМЕРШ вошел в состав МГБ и получил название 3-го Главного управления (ГУ).

По прошествии нескольких месяцев Верховный Совет СССР рассмотрел и утвердил указ о назначении министром МГБ генерал-полковника В. С. Абакумова.

– А я что, я согласный, – сказал Виктор Семенович, сменив на посту бывшего министра – В. Н. Меркулова.

Заместителем Абакумова и одновременно начальником 3-го ГУ был назначен генерал-лейтенант Н. Н. Селивановский (исполнял обязанности до ноября 1947 года).

Стремительный карьерный взлет Абакумова современники и исследователи объясняют по-разному. По мнению генерала армии П. И. Ивашутина, выбор кандидатуры министра определился тем обстоятельством, что в годы войны «практические результаты деятельности СМЕРШ оказались выше, чем у НКГБ». Тогда как исследователь Б. В. Соколов полагает, что Сталину «нравилось время от времени тасовать руководителей, чтобы не засиживались подолгу на одном месте, не обрастали связями и не создавали сплоченного клана своих сторонников. К руководителям органов госбезопасности это относилось в особенности. Сталин счел, что… три года во главе НКГБ для Меркулова вполне достаточно, и решил попробовать Абакумова, отвергнув кандидатуру Рясного, поддержанную Маленковым и Берией».

В данном случае, по нашему мнению, прав генерал армии

Ивашутин, тогда как версия Соколова выглядит менее убедительной.

В 1946 году структура МГБ выглядела следующим образом:

1-е управление – разведывательная и контрразведывательная работа за границей;

2-е управление – разведывательная и контрразведывательная работа внутри СССР (среди гражданского населения и иностранцев);

3-е управление – контрразведывательная работа в частях Вооруженных Сил СССР;

4-е управление – розыскное;

5-е управление – оперативное (наружное наблюдение, предварительная разработка);

6-е управление – шифровально-дешифровальное;

управления охраны № 1 и 2 (охрана правительства);

следственная часть по особо важным делам.

В структуру центрального аппарата МГБ также входило несколько самостоятельных отделов: отдел «А» (оперучеты, статистика, архив), отдел «В» (цензура и перлюстрация корреспонденции), отделы оперативной техники, финансовый и тюремный.

Кроме того, для борьбы с агентурой иностранных разведок и «антисоветским подпольем» на железнодорожном транспорте, морском и речном флотах в МГБ СССР создавалось специальное управление и его органы на местах, а непосредственно при министре образовывалось свое ведомственное особое совещание.

В начале 1947 года были произведены очередные структурно-кадровые преобразования в системе органов МГБ, связанные с необходимостью усиления борьбы с националистическим подпольем в западных регионах страны. В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 20 января 1947 года из МВД Литовской, Латвийской, Эстонской ССР и МВД западных областей Украины и Белоруссии в соответствующие министерства и управления МГБ республик и областей передавался личный состав отделов по борьбе с бандитизмом. На базе этих отделов были сформированы управления-отделы МГБ-УМГБ Украины, Белоруссии и Прибалтийских республик по борьбе с националистическим подпольем. Этим же постановлением Совета министров СССР был оформлен переход из МВД в МГБ внутренних войск.

Однако реформирование системы МГБ продолжалось. В октябре 1949 года Политбюро ВКП(б) и правительство приняли решение о передаче в министерство госбезопасности органов милиции и пограничных войск, тем самым фактически

воспроизведя ситуацию начала 1930-х годов, когда органы внутренних дел и погранвойска входили в состав ОГПУ СССР.

«Некоторые исследователи истории правоохранительных органов СССР, – пишет по этому поводу историк Владимир Лазарев, – связывают реформу 1949 года с начавшейся в этот период в стране новой “чисткой”. Представляется, однако, что в данном случае основной причиной явилось осложнение внешнеполитической и оперативной обстановки. Именно в апреле 1949 года был создан военно-политический блок НАТО, а во второй его половине спецслужбы США и Великобритании приступили к активной заброске на территорию СССР своих агентов по нелегальным каналам. Розыск последних являлся исключительно сложным делом и требовал целенаправленного, скоординированного использования органов госбезопасности, внутренних дел, пограничных и внутренних войск. Решение о передаче органов внутренних дел в состав МГБ СССР заслуживает неоднозначной оценки. Наряду с положительными моментами, оно, безусловно, вело к разбуханию управленческого аппарата и размыванию компетенции министерства, отвлекало руководство МГБ СССР от решения задач, относящихся к сфере обеспечения государственной безопасности. В то же время относительно целесообразности передачи в МГБ СССР пограничных войск таких сомнений нет. Вхождение пограничных войск в состав МГБ СССР позволило улучшить координацию местных органов госбезопасности и пограничников по вопросам повышения эффективности охраны госграницы, розыска нарушителей».

Последним организационным мероприятием в МГБ при Абакумове стало создание двух спецструктур. На основании постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 сентября 1950 года приказом по МГБ № 00532 на базе службы «ДР» (диверсия и террор, организована в 1946 году) было создано Бюро № 1 (начальник П. А. Судоплатов), а приказом № 0053 – Бюро № 2 (начальник В. А. Дроздов). Обе структуры действовали на правах управлений и подчинялись непосредственно министру.

В задачу Бюро № 1 входила организация специальной агентурно-разведывательной работы за рубежом и внутри страны против врагов советского государства.

На Бюро № 2 возлагалось выполнение специальных мероприятий внутри Советского Союза, «наблюдение и подвод агентуры к отдельным лицам, ведущим вражескую работу, пресечение которой в нужных случаях и по специальному разрешению МГБ СССР может производиться особыми способами». К способам по недопущению деятельности враждебных элементов относились: компрометация, секретное

изъятие, физическое воздействие и устранение.

Заметным достижением Виктора Семеновича Абакумова на посту руководителя МГБ стала достаточно результативная борьба против политического бандитизма в западных областях Украины, Белоруссии и Прибалтийских республиках.

Так, например, в 1946 году в Станиславской области Западной Украины органами госбезопасности были полностью разгромлены 184 подпольные организации и 96 бандгрупп, входивших в «Организацию украинских националистов» (ОУН); убито и обезврежено более 10 тыс. бандитов, среди которых 571 человек – из числа руководящего состава ОУН и «Украинской повстанческой армии» (УПА). В течение того же года в Львовской области были вскрыты и ликвидированы 198 бандитских групп и подпольных организаций, убито 1728 бандитов, захвачено 5319, арестовано 1119, явилось с повинной – 595 бандитов.

В 1946 году на территории Латвии в ходе чекистских операций было убито 338 бандитов, захвачено 3642, добровольно сдались властям – 2569 человек. С 1 октября 1945 года по 1 марта 1947 года в Литве были вскрыты и ликвидированы 136 подпольных организаций и групп, убито 776 бандитов и арестовано свыше 3 тыс. человек из числа бандпособников и антисоветских элементов, сложили оружие – 584 человека. В Эстонии чекистам удалось разгромить несколько крупных банд и ликвидировать подпольную группу во главе с резидентом американской разведки Р. Салисте.

А всего, по данным историка В. Ф. Некрасова, в 1946–1951 годах в западных областях Украины, Белоруссии и Прибалтийских республиках в результате операций органов госбезопасности было убито и ранено 26 226 и захвачено в плен 69 834 человека. Изъято оружия: пулеметов – 3053, автоматов – 12 998, винтовок – 24 169, пистолетов – 16 995 и гранат – 26 200 единиц, а также 4 727 661 штук патронов.

В итоге, как пишет тот же Некрасов «…националисты и их вооруженные банды в начале 50-х годов были повсеместно разгромлены. Ликвидация бандитизма в западных областях Украины, Белоруссии и в республиках Прибалтики способствовала укреплению советской власти в этих районах, вовлечению в активную созидательную деятельность еще более широких масс трудящихся».

Однако следует признать, что наряду с успешной борьбой против политического бандитизма, сотрудниками госбезопасности допускались и факты вопиющего нарушения социалистической законности. К примеру, в одном из документов ЦК компартии Литвы за 1947 год отмечалось:

«В республике все еще имеют место многочисленные факты нарушений советской законности со стороны отдельных работников низовых советских и даже партийных органов и в особенности со стороны работников МВД и МГБ, выражающиеся в избиении граждан, присвоении их имущества, имеются даже случаи убийства».

Заметим также, что по всем подобным фактам проводилось строгое дознание и виновные лица сурово наказывались, вплоть до предания суду. Так, в начале 1948 года в Вильнюсе состоялось открытое судебное разбирательство по делу офицера МГБ, который обвинялся в рукоприкладстве по отношению к арестованным бандпособникам. Офицер был признан судом виновным и приговорен к 10 годам заключения. И подобных случаев сурового, но справедливого наказания рукосуев и иных нарушителей законности из органов МГБ возможно привести немало. Министр госбезопасности Абакумов не боялся, как говорится, «выносить сор из избы».

Из многих спецмероприятий МГБ в период с 1946 по 1947 годы назовем четыре операции, которые провела служба «ДР»: в Ужгороде (по другим данным – в Мукачево) был ликвидирован Ромжа – глава украинской греко-католической церкви; в Ульяновске – польский гражданин Самет, работавший на секретных военных заводах и собиравшийся выехать из СССР; в Москве – американский гражданин И. Оггинс; в Саратове – украинский националист Шумский. Во всех случаях убийства совершались при помощи сильнодействующих ядов и проводились по прямому указанию И. В. Сталина, В. М. Молотова, Н. С. Хрущева и В. С. Абакумова.

Из всех операций службы «ДР» стоит остановиться на одной, а именно – на ликвидации И. Оггинса.

Исаак Оггинс, американский коммунист, был давним агентом Коминтерна и НКВД. В 1930-х годах ему поручалось выполнение секретных заданий в Китае, на Дальнем Востоке и в США. Его жена Нора также являлась коммунисткой и агентом советских спецслужб. В 1938 году Оггинс въехал в Советский Союз по подложным документам, а зимой следующего года был арестован по подозрению в двойной игре. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР его приговорили к 8 годам лагерей. Через некоторое время Нора, находившаяся в США, поняла, что ее муж арестован. Женщина решилась на отчаянный шаг: вступила в контакт с американскими спецслужбами, надеясь таким путем вызволить мужа. Американцы пошли ей навстречу, поскольку освобождение Оггинса давало им возможность использовать его в своих неблаговидных целях. Однако подобный расклад не

устраивал советскую сторону. О дальнейших событиях свидетельствует документ:

«Совершенно секретно
Совет Министров СССР.
21 мая 1947 года
товарищу Сталину И. В.
товарищу Молотову В. М.
Докладываю Вам о следующем:

В апреле 1942 года американское посольство в СССР нотой в адрес Министерства Иностранных Дел СССР сообщило о том, что по имеющимся у посольства сведениям американский гражданин Оггинс Исай находится в заключении в лагере в Норильске. Посольство по поручению Государственного департамента просило сообщить причину его ареста, срок, на какой осужден Оггинс, и состояние его здоровья.

В связи с настояниями американского посольства, по указанию товарища Молотова 8 декабря 1942 года и 9 января 1943 года состоялось два свидания представителей посольства с осужденным Оггинс. Во время этих свиданий Оггинс сообщил, что он арестован как троцкист, нелегально въехавший в Советский Союз по чужому паспорту для связи с троцкистским подпольем в СССР.

Несмотря на такое заявление, американское посольство в Москве неоднократно возбуждало вопрос перед МИД СССР о пересмотре дела и досрочном освобождении Оггинс, пересылало письма и телеграммы Оггинс его жене, проживающей в США, а также сообщало МИД СССР, что признает Оггинс американским гражданином и готово репатриировать его на родину.

9 мая 1943 года американскому посольству было сообщено, что “соответствующие советские органы не считают возможным пересматривать дело Оггинс”.

20 февраля 1939 года Оггинс был действительно арестован по обвинению в шпионаже и предательстве. В процессе следствия эти подозрения не нашли своего подтверждения, и Оггинс виновным себя не признал. Однако Особое Совещание при НКВД СССР приговорило Оггинс к 8 годам ИТЛ, считая срок заключения с 20 февраля 1939 года. …Появление Оггинс в США может быть использовано враждебными Советскому Союзу лицами для пропаганды против СССР.

Исходя из этого, МГБ СССР считает необходимым Оггинс Исая ликвидировать, сообщив американцам, что Оггинс после свидания с представителями американского посольства в июне 1943 года был возвращен к месту отбытия срока наказания в

Норильск и там в 1946 году умер в больнице в результате обострения туберкулеза позвоночника.

В архивах Норильского лагеря нами будет отражен процесс заболевания Оггинс, оказанной ему медицинской и другой помощи. Смерть Оггинс будет оформлена историей болезни, актом вскрытия трупа и актом погребения. Ввиду того, что жена Оггинс находится в Нью-Йорке, неоднократно обращалась в наше консульство за справками о муже, знает, что он арестован, считаем, полезным вызвать ее в консульство и сообщить о смерти мужа.

Прошу ваших указаний.

Абакумов».

Ознакомившись с докладной, руководители государства приняли решение о ликвидации Исаака Оггинса.

– Дура-баба, – произнес, давая согласие на проведение этой акции, Иосиф Виссарионович Сталин, очевидно, имея в виду Нору Оггинс, необдуманно связавшуюся с американскими спецслужбами и поднявшую ненужную суету вокруг своего мужа.

Несчастного американского коммуниста спешно доставили в секретную токсикологическую лабораторию, где благообразный персонаж Г. М. Майрановский, подвижник в деле разработок отравляющих веществ и их оперативного применения, сделал ему смертельную инъекцию.

Кроме того, начиная, с 1946 года служба «ДР» под руководством генерал-лейтенанта П. А. Судоплатова вела разработку боевых операций во Франции, Турции, Иране, Австрии, Норвегии и ряде других зарубежных стран. Однако в силу разного рода причин эти операции так и не были осуществлены. По свидетельству заместителя Судоплатова Н. Эйтингона, министр МГБ Абакумов «выдумывал самые различные предлоги, чтобы не разрешить активные чекистские мероприятия за границей». Случалось, что, помимо Виктора Семеновича, проведение операций запрещал лично Сталин. П. А. Судоплатов вспоминал:

«В 1946 году мы приняли решение о развертывании разведывательно-диверсионной базы в Турции, в Анкаре. Руководил этим делом наш резидент Рыбкин.

Развертывание осуществлялось под прикрытием чешских эмигрантов. А сам Рыбкин с этой целью даже открыл какую-то компанию по производству и продаже бижутерии. Примерно в 1948 году, если мне не изменяет память, мы стали с помощью Рыбкина и его резидентуры готовить операцию по устранению иракского премьера Нури Саида. Почему именно его? С одной

стороны, это был бы в известной степени наш ответ американцам, которым двумя годами раньше удалось вытеснить нас из Ирана. С другой стороны, Нури Саид был одним из самых активных участников подготовки Багдадского пакта, направленного против СССР. На эту операцию мы специально нацелили полуторатысячную бригаду курдов под командованием Мустафы Барзани, которую вооружали, обучали и готовили.

Тем не менее буквально в последний момент операцию отменил лично Сталин. Слишком велико было тогда напряжение по всей линии советско-американского противостояния. Судите сами: в Греции шла гражданская война, шла война в Китае. Устранение же Нури Саида в условиях, когда влияние англичан на Ближнем и Среднем Востоке падало, а американцев – возрастало, создавало опасный вакуум и могло привести к мощному взрыву. К тому же в Чехословакии при невыясненных обстоятельствах погиб наш резидент Рыбкин, который отвечал за эту операцию».

Руководителей службы «ДР» Судоплатова и Эйтингона угнетало отсутствие размаха боевой работы за рубежом, и им «приходилось придумывать, чем бы занять подчиненных… чтобы создать хотя бы видимость работы».

Еще одной громкой акцией руководителя МГБ стало так называемое «Дело авиаторов». Точнее, это дело началось еще в июне 1945 года во время Потсдамской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании. В один из коротких перерывов между совещаниями Сталин встретился со своим сыном Василием, командующим авиадивизией в Германии. Иосиф Виссарионович поинтересовался мнением сына о достоинствах немецких самолетов. Василий, страстный авиатор, будучи в нетрезвом состоянии, ответил просто, но доходчиво:

– Немецкие самолеты что надо, а вот наши – полное говно.

Сталина покоробило от грубого ответа, он закончил аудиенцию, но нелицеприятную оценку сына запомнил.

А чуть погодя, Василий Сталин, видимо, осознав, что не все успел сказать о качестве советских самолетов, направил отцу обстоятельный доклад о значительных недостатках мотора, установленного на новом истребителе Як-9, что влечет многочисленные аварии и катастрофы.

В связи с этим была создана специальная комиссия но проверке поступившего сигнала. 24 августа 1945 года Государственный Комитет Обороны принял постановление «О самолете Як-9 с мотором ВК-107А». Один из пунктов документа гласил: «За невнимательное отношение к поступающим из строевых частей ВВС сигналам о серьезных дефектах самолета

Як-9 с мотором 107А и отсутствие настойчивости в требованиях об устранении этих дефектов – командующему ВВС Красной Армии т. Новикову объявить выговор».

Дальнейшие события, по мнению Б. В. Соколова, развивались следующим образом. В августе 1945 года Сталин решил ограничиться выговором А. А. Новикову и другим авиационным генералам. Однако весной 1946 года пришел к заключению, что это дело можно удачно использовать в политических целях, Тем более что Новиков был дружен с маршалом Жуковым, которого, на взгляд Иосифа Виссарионовича, следовало приструнить.

16 марта 1946 года А. А. Новикова сняли с поста главкома, а в конце апреля арестовали. Вместе с ним были арестованы нарком авиапромышленности А. И. Шахурин, член Военного совета ВВС Н. С. Шиманов, начальник Главного управления заказов ВВС Н. П. Селезнев и другие работники авиационной промышленности и военные авиаторы. Аресты отразились и на секретаре ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкове, который являлся также членом ГКО и отвечал за авиационную промышленность. Георгий Максимилианович был освобожден от работы в аппарате ЦК и направлен в Среднюю Азию (через какое-то время ему удалось вернуть расположение Сталина и вернуться в Москву на прежний партийный пост).

В ходе следствия вскрылись вопиющие факты преступной халатности со стороны начальства ВВС и руководства авиационной промышленности. Процитируем Б. В. Соколова:

«Ведь одних злосчастных Як-9 с недоработанным, прошедшим только заводские, а не государственные испытания мотором ВК-107А поступило в войска почти 4 тысячи. Из них 2267 сразу поставили на прикол. Всего же, как показал на следствии арестованный вместе с Новиковым бывший член Военного совета ВВС Н. С. Шиманов, за годы войны ВВС принял не менее 5 тысяч бракованных самолетов. В результате из-за конструктивного и заводского брака, по данным СМЕРШа, в период с 1942 по февраль 1946 года произошло 756 аварий и 305 катастроф. А примерно в 45 тысячах случаев самолеты не смогли вылетать на боевые задания из-за поломок, случившихся на земле. Шиманов на следствии показал, что бывший нарком авиапромышленности Шахурин “создавал видимость, что авиационная промышленность выполняет производственную программу, и получил за это награды. Вместо того чтобы доложить народному комиссару обороны, что самолеты разваливаются в воздухе, мы сидели на совещаниях и писали графики устранения дефектов на самолетах. Новиков и Репин (главный инженер ВВС) преследовали лиц, которые сигнализировали о том, что в армию поступают негодные

самолеты. Так, например, пострадал полковник Кац (начальник штаба одного из истребительных авиационных корпусов)".

В мае 1946 года состоялось заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР. Политических обвинений против подсудимых не выдвигали, поэтому и наказание оказалось достаточно мягким. Новиков получил шесть лет, Шахурин – семь, остальные подсудимые были также приговорены к различным срокам тюремного заключения. Вот такой, между прочим, образец гуманности «кровавого» сталинского режима. А ведь, по большому счету, всех виновных следовало наказать гораздо строже и жестче. Хотя бы за 305 авиационных катастроф, где по их вине бессмысленно и страшно гибли наши славные летчики. Добавим также, что А. А. Новикова Сталин освободил из заключения в феврале 1952 года. При реабилитации маршала ВВС в мае 1953 года прием заведомого брака «расценили как ошибки, неизбежные во всяком большом и сложном деле»…

Кстати, несколько позже многие деятели, проходившие по «Делу авиаторов» в качестве подсудимых, напишут заявления и оставят устные предания, в которых будут живописать об ужасах, пережитых в застенках Абакумова. Якобы одного из них, требуя нужных показаний, день и ночь избивали. Другому, дескать, давали закурить папироску с наркотиком, под воздействием которого он и «подмахивал» любые бумаги. Маршал Новиков А. А. тоже составил заявление, где, в частности, утверждал:

«Допрашивали с 22-го по 30 апреля ежедневно, потом с 4-го по 8 мая …Морально надломленный, доведенный до отчаяния несправедливостью обвинения, бессонные ночи… Не уснешь, постоянный свет в глаза… Не только по причине допросов и нервного напряжения, чрезмерная усталость, апатия, безразличие и равнодушие ко всему – лишь бы отвязались – потому и подписал – малодушие, надломленная воля. Довели до самоуничижения. Были минуты, когда я ничего не понимал, я как в бреду наговорил бы, что такой-то хотел убить такого-то».

В свою очередь, исследователь Б. В. Соколов по этому поводу пишет следующее:

«Из объяснений Новикова видно: его в тюрьме не только не били, но даже не устраивали столь распространенной у чекистов пытки бессонницей. Александр Александрович не мог заснуть от нервного возбуждения, да еще непривычки спать при круглосуточном освещении в камере. Тем не менее маршал сломался всего за неделю… Думаю, на самом деле "сталинского сокола", дважды Героя Советского Союза, следователям на Лубянке и ломать-то как следует не пришлось. Александр Александрович прекрасно знал, что виноват. Бракованные

самолеты с заводов принимал, в результате случались аварии и гибли люди. В 1953-м и 1954-м, оправдываясь, маршал утверждал: да, мол, принимал истребители с неисправным бензопроводом, но делал это исключительно с целью приблизить победу над Германией, дать в войска больше боевых машин. Как будто с неисправным бензопроводом далеко улетишь!»

К вышеизложенному добавим, что другие обвиняемые по этому делу, чувствуя за собой вину, сломались столь же скоро, как и маршал Новиков. Так что относиться ко всем запискам и воспоминаниям авиаторов, которые кочуют из статьи в статью о «зверствах» МГБ, следует крайне осторожно. Сомнительный материал, что и говорить…

В 1948 году министерство Абакумова, в соответствии с постановлением Бюро Совета министров, приступило к ликвидации советских еврейских организаций, прежде всего Еврейского антифашистского комитета (ЕАК).

Дело в том, что ранее СССР поддерживал создание государства Израиль в Палестине, рассчитывая посредством ЕАК оказывать заметное политическое влияние на местную элиту, среди которой были популярны социалистические взгляды. Однако когда стало ясно, что новое государство ориентируется на США, а не на Советский Союз, деятельность ЕАК, по мнению Сталина, утратила всякий смысл. Членам комитета инкриминировали предложение, сделанное еще в феврале 1944 года, о создании в Крыму Еврейской социалистической республики как некой альтернативы палестинскому Израилю. Тогда советское правительство в идее «Калифорния в Крыму» видело средство привлечения еврейских капиталов для восстановления советской экономики. С началом же «холодной войны» Сталин усмотрел в сионистском движении канал влияния буржуазной идеологии и распорядился свернуть деятельность еврейских организаций в СССР.

20 ноября 1948 года появилось пресловутое постановление Бюро Совмина, одобренное Политбюро, которым МГБ предписывалось немедленно приступить к ликвидации Еврейского антифашистского комитета. В документе, в частности, говорилось: «как показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки». На аресты членов комитета пока был наложен запрет.

Правда, незадолго до этого ЕАК был уже обезглавлен. 13 января 1948 года было совершено убийство председателя комитета, режиссера и актера С. Михоэлса[58]. Многие исследователи считают, что это убийство по приказу Сталина

организовал Абакумов, причем непосредственным исполнителем преступления был его заместитель генерал-лейтенант С. И. Огольцов[59].

Однако существуют и противоположные точки зрения. Так, по версии израильского исследователя С. Хейфица убийство Михоэлса было непреднамеренным. Председателя комитета планировали припугнуть, но на скользкой зимней дороге грузовик сразу остановить не удалось, и режиссер погиб под колесами. В доказательство своей версии Хейфиц приводит ряд выдержек из объяснительной Огольцова по данному поводу, якобы приобретенной им у некоего вороватого персонажа из российского архива…

Аресты членов ЕАК начались в январе 1949 года. Был арестован начальник Совинформбюро С. А. Лозовский, поэт И. Фефер, писатель П. Маркиш и многие другие члены комитета. Но дело о «сионистском заговоре» Абакумов до суда довести не успел, поскольку незадолго до начала процесса был арестован сам.

Занимая пост министра МГБ, пользуясь близостью и благосклонностью вождя, Виктор Семенович, по одной из версий, резко изменил свое отношение к другим руководителям СССР. Очевидно, в этом также сказалась прямолинейность и простота абакумовского характера: есть только вождь и его преданный последователь, а с остальными можно не считаться. И очень скоро министр Абакумов приобрел себе много могущественных врагов.

Первым был секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков, потерявший свои высокие посты в связи с «Делом авиаторов» и высланный на хозяйственную работу в далекий Узбекистан.

Вернувшись, в 1948 году из ссылки и вновь заняв пост секретаря ЦК, мстительный Георгий Максимилианович принялся осторожно настраивать против Абакумова партийно-государственных деятелей. Его поддержал член Политбюро ЦК ВКП(б) Н. С. Хрущев.

– Абакумов страшный человек, недостойный поста министра госбезопасности. Отправить меня к этим, пфуй, узбекам, ведь это же настоящая пытка, – вещал Маленков.

– Да, несколько лет среди узбеков – это вам не фунт изюма, – соглашался с ним хитрый Никита Сергеевич.

Своего следующего врага Абакумов приобрел в лице прежнего покровителя Лаврентия Павловича Берии. Случилось это после окончания Великой Отечественной войны, когда Виктор Семенович перестал прислушиваться к советам Лаврентия Павловича и даже однажды позволил себе разговаривать с ним на повышенных тонах. Подобная дерзость привела Берию в

изумление.

– Смелый стал, да, – только и смог сказать Лаврентий Павлович.

Заняв пост министра, Абакумов в кратчайший срок выдавил из МГБ большую часть выдвиженцев Берии, оставив лишь тех, кто беспрекословно подчинялся ему. По Лубянке какое-то время даже циркулировал диковинный слух о том, что якобы последних, дабы убедиться в их преданности, Виктор Семенович заставлял целовать свой сапог и приносить клятву верности. Вероятно, этот слух распространяли изгнанные из МГБ выдвиженцы Берии.

Однако вскоре министр МГБ сделал новый беспрецедентный ход: его подчиненные фактически завербовали начальника охраны Берии полковника Саркисова, который начал регулярно докладывать им о любовных похождениях Лаврентия Павловича.

Бывший заместитель Абакумова М. М. Зарубин вспоминал:

«Время от времени Виктор Семенович звонил мне по бериевским делам: “Что-нибудь есть там от Саркисова?”. Брал с удовольствием. Через какое-то время интерес к этим материалам у него пропал. Говорит: “Ты больше не бери у Саркисова это дерьмо”. К тому времени сообщений о похождениях Лаврентия Павловича у него накопилось более чем достаточно. Он и пресытился, и увидел, что на этом дерьме легко поскользнуться. В сводках шла речь о женах такого количества высокопоставленных людей, что малейшая утечка этих материалов смогла сделать Абакумова врагом не только Берии, но и половины руководителей партии и страны».

Вскоре Виктор Семенович нажил себе еще одного высокопоставленного врага. На этот раз им оказался министр иностранных дел СССР Вячеслав Михайлович Молотов.

После того как в конце 1946 года доверие Сталина к министру иностранных дел значительно пошатнулось, и даже внешний вид Вячеслава Михайловича начал раздражать Иосифа Виссарионовича, генсек приказал МГБ возбудить дело против жены Молотова, Полины Жемчужиной, чтобы через нее основательно прищучить супруга.

Рассказывает М. М. Зарубин:

«Как-то меня вызвал Абакумов и поинтересовался, нет ли чего интересного по Молотову. Вести оперативную работу против членов Политбюро мы не имели ни малейшего права, но приказ министра есть приказ. Я аккуратно, не произнося прямо фамилий, проинструктировал ребят. Они вспомнили об агентурной информации, положенной в свое время под сукно: кто-то из ближайшего окружения жены Молотова сообщал о ее, мягко говоря, не вполне скромном образе жизни.

Полина Семеновна Жемчужина (фамилия у нее была от первого мужа, Арона Жемчужина) была начальником текстильно-галантерейного главка Министерства легкой промышленности. Пока ее супруг надрывался в Совете министров, Министерстве иностранных дел и Комитете информации, Полина Семеновна переживала третью молодость – уделяла много времени своей внешности, принимала молочные ванны. Довольно свободно вела себя с мужчинами – на улицах, конечно, никого не ловила, но грань дозволенного перешла уже давно.

Абакумов, выслушав эту информацию, поморщился: “Слухи нам ни к чему, но направление интересное. Попробуй вместе с охраной что-нибудь организовать такое…” (его рука изобразила что-то напоминающее вращение катушек от магнитофона). Мы залегендировали свой интерес к Жемчужиной и вскоре получили то, что ждал министр. Жемчужина для какого-то небольшого ремонта вызвала к себе электрика. Сделать этот молодой и симпатичный парень ничего не успел – почтенная дама почти насильно уложила его в постель. Виктор Семенович остался доволен».

На приеме у Сталина Абакумов доложил о полученном компромате. Иосиф Виссарионович внимательно выслушал, пыхнул трубкой, окутавшись клубом ароматного дыма.

– Хорошо, что б… Продолжайте работать, – сказал негромко и усмехнулся.

Работа продолжалась и, в конце концов, дала свои результаты. В ноябре 1948 года, на приеме в МИДе, после установления дипломатических отношений между СССР и Израилем, Полина Жемчужина вела неосторожные разговоры с израильским послом в Москве Голдой Меир. При этом она с гордостью заявила, что по национальности является еврейкой, и в доказательство этого сказала на идиш: «Их бин а идише тохтер (я – дочь еврейского народа)», причем сказала так громко, что окружающие посмотрели на нее с удивлением.

Много позже Голда Меир вспоминала:

«Мы беседовали довольно долго… Коснулись вопроса о Негеве, обсуждавшегося тогда в Объединенных Нациях. Я заметила, что не могу отдать его, потому что там живет моя дочь, и добавила, что Сарра находится со мной в Москве. “Я должна с ней познакомиться”, – сказала госпожа Молотова. Тогда я представила ей Сарру и Яэль Намир. Она стала говорить с ними об Израиле и задала Сарре множество вопросах о кибуцах: кто там живет, как они управляются. Она говорила с ними на идиш и пришла в восторг, когда Сарра ответила ей на том же языке. Когда Сарра объяснила, что в Ревивим все общее и что частной

собственности нет, госпожа Молотова заметно смутилась. “Это неправильно, – сказала она. – Люди не любят делиться всем. Даже Сталин против этого”. Прежде чем вернуться к другим гостям, она обняла Сарру и сказала со слезами на глазах: “Всего вам хорошего. Если у вас все будет хорошо, все будет хорошо у всех евреев в мире”.

Больше я никогда не видела госпожу Молотову и ничего о ней не слышала. Много позже Генри Шапиро, старый корреспондент Юнайтед Пресс в Москве, рассказал мне, что после разговора с нами Полина Молотова была арестована».

В самом деле, дословное содержание этого разговора стало быстро известно как министру МГБ, так и руководителю государства. В результате Сталин получил весомые доказательства для обвинения жены Молотова в «космополитических взглядах и еврейском национализме».

28 января 1949 года Полину Жемчужину арестовали. На встрече со Сталиным Молотов попытался вступиться за жену.

– Посмотри, кого ты защищаешь, – сказал Иосиф Виссарионович и передал своему старому соратнику протоколы с показаниями о пикантных похождениях его супруги.

Показания слесаря и еще двух человек, с которыми Полина имела интимные отношения незадолго до своего ареста, Вячеслав Михайлович читал, вытаращив глаза, багровый от гнева.

Сталин, выждав паузу, обронил:

– Если это огласить на Политбюро, не думаю, чтобы товарищи поняли товарища Молотова. Большевик и половая распущенность – понятия несовместимые. Товарищ Ленин говорил, что в этом вопросе большевик должен быть тверже кремня и того же требовать от окружающих.

Из кабинета вождя Вячеслав Михайлович вышел постаревшим лет на десять.

Однако Сталин по каким-то причинам не стал окончательно прищучивать Молотова, а ограничился тем, что в марте 1949 года снял его с поста министра иностранных дел и из первых заместителей перевел в просто заместители председателя Совета министров.

Полину Жемчужину, кстати, судить по обвинению в «космополитических взглядах и еврейском национализме» не стали, ограничились тем, что по решению Особого совещания при МГБ отправили в пятилетнюю ссылку в Кустанайскую область.

Бывший ссыльный Маленков не упустил подходящего случая.

– Как можно такую женщину отправлять к этим, пфу-й, казахам, прямо ужас какой-то, честное слово. Это все Абакумов, его штучки, – посочувствовал Георгий Максимилианович убитому

горем Вячеславу Михайловичу.

С этого момента Молотов, легко догадавшийся, кто приложил руку к сбору компромата, возненавидел Абакумова.

Врагов меньшего масштаба Виктор Семенович приобретал десятками. Наиболее жестокая вражда возникла между ним и руководителями МВД – министром С. Н. Кругловым и его первым заместителем И. А. Серовым. Основным поводом к ней послужило то, что Абакумов как глава более важного ведомства добивался передачи в свое распоряжения одного подразделения МВД за другим: правительственной связи, внутренних войск, общей картотеки агентуры и т. д.

«Телеги» на Абакумова министр и его первый зам рассылали по всем инстанциям пачками. Особенно преуспел в этом деле Иван Александрович Серов, известный своим склочным характером. Одна из его «телег» – о том, чем занимался Абакумов в период войны и после, уже возглавляя МГБ, – стоит того, чтобы ее процитировать подробно. Так, 8 февраля 1948 года Серов, в связи с попытками МГБ завести против него дело о незаконном присвоении средств в Германии и аресте офицеров МВД, работавших в Берлине, писал Сталину:

«Я извиняюсь, товарищ Сталин, что еще раз вынужден беспокоить Вас, но сейчас сложилась такая обстановка вокруг меня…

Абакумов арестовал до 10 человек из числа сотрудников, работавших со мной, и в том числе двух адъютантов. Сотрудники МГБ И МВД СССР знают об этих арестах, “показаниях” и открыто говорят, что Абакумов подбирается ко мне…

Считаю необходимым доложить Вам об этом, товарищ Сталин, так как уверен, что Абакумов докладывает неправду.

Этой запиской я хочу рассказать несколько подробнее, что из себя представляет Абакумов.

Насколько мне известно, в ЦК ВКП(б) делались заявления о том, что Абакумов в целях карьеры готов уничтожить любого, кто встанет на его пути. Эта истина известна очень многим честным людям.

Несомненно, что Абакумов будет стараться свести личные счеты не только со мной, а также с остальными своими врагами – это с тт. Федотовым, Кругловым, Мешиком, Рапава, Мильштейном и другими.

Мне Абакумов в 1943 году заявил, что он все равно когда-нибудь застрелит Мешика. Ну, а теперь на должности Министра имеется полная возможность найти другой способ мести. Мешик это знает и остерегается.

Сейчас для того, чтобы очернить меня, Абакумов всеми

силами старается приплести меня к Жукову. Я этих стараний не боюсь, так как кроме Абакумова есть ЦК, который может объективно разобраться. Однако Абакумов о себе молчит, как он расхваливал Жукова и выслуживался перед ним как мальчик.

Когда немцы подошли к Ленинграду и там создалось тяжелое положение, то ведь не кто иной, как всезнающий Абакумов, распространял слухи, что "Жданов в Ленинграде растерялся, боится там оставаться, что Ворошилов не сумел организовать оборону, а вот приехал Жуков и все дело повернул, теперь Ленинград не сдадут".

Теперь Абакумов, несомненно, откажется от своих слов, но я ему сумею напомнить.

Второй факт. В Германии ко мне обратился из ЦК Компартии Ульбрихт и рассказал, что в трех районах Берлина англичане и американцы назначили районных судей из немцев, которые выявляют и арестовывают функционеров ЦК Компартии Германии, поэтому там невозможно организовать партийную работу. В конце беседы попросил помочь ЦК в этом деле. Я дал указание негласно посадить трех судей в лагерь.

Когда англичане и американцы узнали о пропаже трех судей в их секторах Берлина, то на Контрольном Совете сделали заявление с просьбой расследовать, кто арестовал судей.

Жуков позвонил мне и в резкой форме потребовал их освобождения. Я не считал нужным их освобождать и ответил ему, что мы их не арестовывали. Он возмущался и всем говорил, что Серов неправильно работает. Затем Межсоюзная Комиссия расследовала, не подтвердила факта, что судьи арестованы нами, и на этом дело прекратилось. ЦК Компартии развернул свою работу в этих районах.

Абакумов, узнав, что Жуков ругает меня, решил выслужиться перед ним. В этих целях он поручил своему верному приятелю аферисту Зеленину, который в тот период был начальником Управления СМЕРШ (ныне находится под следствием), подтвердить, что судьи мной арестованы. Зеленин узнал об аресте судей и доложил Абакумову.

Когда была Первая Сессия верховного Совета СССР, то Абакумов, сидя рядом с Жуковым (имеется фотография в газетах), разболтал ему об аресте мной судей.

По окончании заседания Абакумов подошел ко мне и предложил идти вместе в Министерство. По дороге Абакумов начал мне говорить, что он установил точно, что немецкие судьи мной арестованы, и знает, где они содержатся. Я подтвердил это, так как перед чекистом не считал нужным скрывать. Тогда Абакумов спросил меня, а почему я скрыл это от Жукова, я

ответил, что не все нужно Жукову говорить. Абакумов было попытался прочесть мне лекцию, что “Жукову надо все рассказывать”, что “Жуков первый заместитель Верховного” и т. д. Я оборвал его вопросом, почему он так усердно выслуживается перед Жуковым. На это мне Абакумов заявил, что он Жукову рассказал об аресте судей и что мне будет неприятность. Я за это Абакумова обозвал дураком, и мы разошлись. А сейчас позволительно спросить Абакумова, чем вызвано такое желание выслужиться перед Жуковым.

Мне неприятно, товарищ Сталин, вспоминать многочисленные факты самоснабжения Абакумова во время войны за счет трофеев, но о некоторых из них считаю нужным доложить.

Наверное, Абакумов уже забыл, когда в Крыму еще лилась кровь солдат и офицеров Советской армии, освобождавших Севастополь, а его адъютант Кузнецов (ныне “охраняет” Абакумова) прилетел к начальнику Управления контрразведки СМЕРШ и нагрузил полный самолет трофейного имущества. Командование фронтовой авиацией не стало заправлять бензином самолет Абакумова на обратный путь, так как горючего не хватало для боевых самолетов, ведущих бой с немцами. Тогда адъютант Абакумова не растерялся, обманным путем заправил и улетел. Мне об этом жаловался командир авиационного корпуса и показывал расписку адъютанта Абакумова. Вот какие подлости выделывал Абакумов во время войны, расходуя моторесурсы самолета СИ-47 и горючее. Эти безобразия и поныне покрываются фразой: “Самолет летал за арестованными”. Сейчас Абакумов свои самолеты, прилетающие из-за границы, на контрольных пунктах в Москве не дает проверять, выставляя солдат МГБ, несмотря на постановление Правительства о досмотре всех без исключения самолетов.

Пусть Абакумов расскажет в ЦК про свое трусливое поведение в тяжелое время войны, когда немцы находились под Москвой. Он ходил, как мокрая курица, охал и вздыхал, что с ним будет, а делом не занимался. Его трусость была воспринята и подчиненными аппарата. Своего подхалима Иванова, ведавшего хозяйственными вопросами, Абакумов посылал к нам снимать мерку с ног для пошивки болотных сапог, чтобы удрать из Москвы. Ведь оставшиеся в Москве в тот период генералы видели поведение Абакумова.

Пусть Абакумов откажется, как он в тяжелые дни войны ходил по городу, выбирал девушек легкого поведения и водил их гостиницу “Москва”.

А сейчас он забыл это и посадил в тюрьму подполковника

Тужлова, который в первые дни войны был начальником пограничной заставы, в течение семи часов вел бой с немцами до последнего патрона, был ранен и получил орден Красного Знамени.

Конечно, сейчас Абакумов, вероятно, “забыл” о разговоре, который у нас с ним происходил в октябре месяце 1941 года о положении под Москвой, и какую он дал тогда оценку. Абакумов по секрету сообщил мне, что “прибыли войска из Сибири, кажется, дело под Москвой должно пойти лучше”. На это я ответил ему: “Товарищ Сталин под Москвой повернул ход войны, его за спасение Москвы народ на руках будет носить”. И при этом рассказал лично слышанные от Вас, товарищ Сталин, слова, когда вам покойный Щербаков доложил, что у него перехвачен приказ Гитлера, в котором он указывает, что 7 ноября будет проводить парад войск на Красной площади.

Когда вы на это спокойно и уверенно сказали: “Дурак этот Гитлер! Он и не представляет себе, как побежит без оглядки из России”.

Эти Ваши слова я рассказал Абакумову, он не смеет отказываться, если хоть осталась капля совести. Эти Ваши слова я рассказывал многим.

После разгрома немцев под Сталинградом Абакумов начал мне рассказывать, что “там хорошо организовали операции по разгрому немцев маршалы Рокоссовский, Воронов и другие”. Я ему на это прямо сказал, что организовали разгром немцев под Сталинградом не маршалы, а товарищ Сталин, и добавил: “Не будь товарища Сталина, мы бы погибли бы с твоими маршалами. Товарищу Сталину обязан весь русский народ”. Абакумов на это не нашелся ничего сказать, как “да”. Да оно и понятно, ведь Абакумов не способен на политическую оценку событий.

Мне во время войны приходилось по службе и реже в быту встречаться с Абакумовым. Я наблюдал и изучал его… Для того чтобы создать о себе славу, он идет на любую подлость, даже в ущерб делу.

Сейчас под руководством Абакумова созданы невыносимые условия совместной работы органов МГБ и МВД. Как и в центре, так и на периферии работники МГБ стараются как можно больше скомпрометировать органы МВД. Ведь Абакумов на официальных совещаниях выступает и презрительно заявляет, что “теперь мы очистились от этой милиции. МВД больше не болтается под ногами” и т. д.

Ведь между органами МГБ и МВД никаких служебных отношений, необходимых для пользы дела, не существует. Такого враждебного периода в истории органов никогда не было.

Партийные организации МГБ и МВД не захотели совместным заседанием почтить память Ленина, а проводили раздельно, и при этом парторганизация МГБ не нашла нужным пригласить хотя бы руководство МВД на траурное заседание.

Ведь Абакумов навел такой террор в министерстве, что чекисты, прослужившие вместе 20–25 лет, а сейчас работающие одни в МВД, а другие в МГБ, при встречах боятся здороваться, не говоря уже о том, чтобы поговорить. Если кому-либо из работников МГБ требуется по делу прийти ко мне, то нужно брать особое разрешение от Абакумова. Об этом мне официально сообщали начальник отдела МГБ Грибов и другие.

Ведь в МГБ можно только хвалить руководство, говорить о достижениях в работе и ругать прежние методы работы.

Во внутренних войсках, переданных из МВД в МГБ, офицерам запрещено вспоминать о проведенных операциях во время войны (по переселению немцев, карачаевцев, чечено-ингушей, калмыков и др.). Можно только ругать эти операции.

А ведь осенняя операция МГБ по украинским националистам была известна националистам за десять дней до начала, и многие из них скрылись. Это ведь факт. А Абакумов за операцию представил сотни сотрудников к наградам [60].

Не так давно Абакумов вызвал одного из начальников Управления и ругал за то, что тот не резко выступал на партсобрании против старых методов работы МГБ,

Везде на руководящие должности назначены работники СМЕРШ, малоопытные в работе территориальных органов МГБ. Сотрудники МГБ запуганы увольнениями с работы и расследованиями.

Всем известно, что Абакумов не проверил работу ни одного органа СМЕРШ и боится это сделать, так как найдет там много безобразий.

Приезжающие с периферии сотрудники МГБ рассказывают, что там у многих районных отделов МГБ в течение года не было ни одного арестованного. Спрашивается, что делают 3–4 сотрудника РО МГБ в течение года.

Ведь Абакумов обманул ЦК и провел в штаты МГБ Управление Судоплатова, которое в течение полутора лет ничем не занимается в ожидании работы [61].

В Управлении кадров МГБ десятки генералов и полковников ходят безработными по году и получают жалование по 5–6 тысяч. Секрет заключается в том, что эти генералы на работе осрамились, а вместе с тем для Абакумова нужные, вот и выжидается момент, куда их можно потом “выдвинуть”.

Ради личного престижа Абакумов готов идти на

антигосударственные дела.

Я расскажу Вам, товарищ Сталин, историю передачи московской милицией в МГБ регулировщиков уличного движения.

В МВД СССР стали поступать заявления от трудящихся и от приезжих граждан, что милиционеры на главных улицах Москвы грубят и не желают разговаривать с населением. При этом указывали номера постов, где эти милиционеры стоят. Когда мы занялись проверкой, то оказалось, во всех случаях это были сотрудники охраны МГБ, стоявшие в форме милиции. Мы вынуждены были написать об этом Абакумову. Вместо принятия мер Абакумов попросил меня зайти и вместе с Власиком начал оскорблять меня и тов. Круглова, заявляя при этом, что если они захотят, то заберут всех регулировщиков к себе.

Действительно, через двое суток поступило распоряжение о передаче регулировщиков в МГБ.

Сейчас работники МГБ сами говорят, что регулировщики им не нужны, да и практически получается нелепо. На парном посту теперь стоят по 4 человека. Вдоль улицы Горького в 1000 метрах друг от друга стоят сотрудники МГБ.

Зачем, спрашивается, тратить вдвойне государственные средства. А ведь это делается, товарищ Сталин, под видом усиления охраны членов Правительства.

Абакумов чувствует, что рано или поздно вскроются все его дела, поэтому он сейчас и старается убрать лиц, знающих об этих и других фактах.

Товарищ Сталин! Прошу Вас, поручите проверить факты, приведенные в этой записке, и все они подтвердятся. Я уверен, что в ходе проверки вскроется очень много других фактов, отрицательно влияющих на работу Министерства Государственной Безопасности.

Вместе с этим я очень прошу Вас, дорогой товарищ Сталин, поручите комиссии ЦК ВКП(б) разобраться с делом, которое создал Абакумов против меня для того, чтобы свести со мной личные счеты».

Правда, пока министр МГБ Виктор Семенович Абакумов, несмотря на могущество и обилие врагов, чувствовал к себе расположение Сталина, опасаться ему было некого и нечего. Известно, например, что Иосифу Виссарионовичу нравилось получать «телеги» Серова, которые его забавляли. При этом отдельные выдержки из них Сталин любил зачитывать Абакумову, наблюдая, как злится министр.

Неуязвимость Виктора Семеновича продолжалась шесть лет.

Гром над его головой грянул неожиданно и страшно.

Глава шестая

4 июля 1951 года Абакумова отстранили от работы, а спустя восемь дней вызвали в Прокуратуру СССР, чтобы ознакомить с двумя постановлениями – о возбуждении уголовного дела по признакам статьи 58-1 «б» УК РСФСР (измена Родине, совершенная военнослужащим) и об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей в Сокольнической тюрьме МВД.

Вспоминает бывший начальник секретариата МГБ полковник И. А. Чернов:

«Арест Абакумова был для меня точно гром среди ясного неба. За что, почему? – об этом нам, аппаратным работникам, ни слова не сказали. И спросить не у кого – обстановка не располагает. Меня сразу же отстранили от должности начальника секретариата и временно зачислили в резерв. Положение, сами понимаете, поганое. Как-то раз прихожу за зарплатой в управление кадров, а там говорят: “Езжай, Иван Александрович, в Казахстан, будешь начальником управления лагерей в Караганде”. Надо было соглашаться, а я отказался – хотелось на север, чтобы забронировать московскую квартиру. Жалко было ее терять: только-только обжил, она первая была в моей жизни, раньше ютился в коммуналке».

Вскоре были арестованы начальник Следственной части по особо важным делам МГБ генерал-майор А. Леонов, три его заместителя – полковники М. Лихачев, В. Комаров и Л. Шварцман, а также начальник секретариата министерства полковник И. Чернов и его заместитель полковник Я. Броверман.

Аресту Абакумова и других сотрудников министерства предшествовали следующие события. Незадолго до этого старший следователь по особо важным делам подполковник М. Д. Рюмин получил от подследственного, профессора 2-го Московского мединститута Я. Г. Этингера признание: лечение видного деятеля партии А. С. Щербакова велось преднамеренно неправильно – с целью сократить ему жизнь.

Как позднее вспоминал помощник начальника Следственной части по особо важным делам А. Романов, Абакумов в его присутствии запретил принимать подобные показания.

– Этингер – провокатор, он заведет нас в дебри. Учитывая особую чувствительность Верховного к таким проблемам, мы придем к повторению 37-го года. Пока я нахожусь на этом посту, повторения я не допущу, – заявил Виктор Семенович.

Однако Михаил Дмитриевич Рюмин попытался игнорировать запрет министра и был посажен на офицерскую гауптвахту.

Отсидев положенный срок и выйдя с гауптвахты, он воспользовался оставленной без присмотра «кремлевкой» и позвонил в ЦК партии. Видимо, судьбе был угодно, чтобы его связали лично с Г. М. Маленковым. Рюмин представился и доложил секретарю ЦК о том, как МГБ покрывают «еврейских националистов» и «затирают» честных сотрудников. Маленков слушал внимательно, задавал наводящие вопросы, а в конце разговора веселым голосом вдруг произнес непонятную фразу:

– А вот мы отправим его к узбекам, обязательно – к узбекам!

– Какие узбеки… Что вы сказали? – переспросил удивленный Михаил Дмитриевич, но в трубке уже слышались короткие гудки.

Затем Рюмин был срочно вызван к Д. Н. Суханову, помощнику Маленкова, где изложил все ранее сказанное на бумаге. Он, в частности, написал, что по вине Абакумова не расследуются террористические замыслы вражеской агентуры. При этом грубо игнорируется постановление ЦК от 17 ноября 1938 года, требующее в обязательном порядке протоколировать все допросы свидетелей и подследственных. Вместо этого следователи делают лишь черновые наброски по ходу беседы, а потом уже составляют обобщающие протоколы, что, естественно, облегчает фальсификацию дел. Именно поэтому люди Абакумова не способны эффективно разоблачать многочисленные происки империалистических разведок. Кроме того, Рюмин поведал о том, что Абакумов присвоил огромное количество трофейного имущества и проявляет комчванство и нескромность в быту.

– Ну, все написали? – нетерпеливо спросил Суханов, заметив, что Рюмин оторвался от исписанных листов. – Ничего упомянуть не забыли?

– Может, добавить, что Абакумов вовсе и не Абакумов, а, к примеру, Абакман? – сказал Михаил Дмитриевич.

– Это еще зачем? – вскинул брови Суханов.

– Ну, как же, скрытый еврей, понимаете… – ответил Рюмин.

– А вот этого писать не следует. Не надо писать о том, о чем писать не просят! – строго сказал помощник Маленкова.

– Я же как лучше хотел. Для усиления текста, так сказать, – испуганно промямлил доносчик.

Буквально на следующий день в Следственную часть по особо важным делам МГБ прибыла комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) под председательством Г. М. Маленкова, в которую входили также Л. П. Берия, С. Д. Игнатьев, М. Ф. Шкирятов. Выводы комиссии были изложены в записке, где показания «еврейского националиста» Этингера были признаны «заслуживающими серьезного внимания».

И. В. Сталин ознакомился с тревожным сигналом и после

зрелых раздумий, как пишет историк К. А. Столяров, отдал приказ арестовать Виктора Семеновича Абакумова.

Директивным основанием для ареста послужило постановление ЦК ВКП(б) от 11 июля 1951 года «О неблагополучном положении в Министерстве государственной безопасности СССР», в котором приводились разоблачения Рюмина, подкрепленные выводами комиссии Маленкова:

«В ноябре 1950 года был арестован еврейский националист, проявлявший резко враждебное отношение к советской власти, – врач Этингер. При допросе старшим следователем МГБ т. Рюминым арестованный Этингер, без какого-либо нажима, признал, что при лечении т. Щербакова А. С. имел террористические намерения в отношении его и практически принял все меры к тому, чтобы сократить его жизнь. ЦК ВКП(б) считает это показание Этингера заслуживающим серьезного внимания. Среди врачей, несомненно, существует законспирированная группа лиц, стремящихся при лечении сократить жизнь руководителей партии и правительства. Нельзя забывать преступления таких известных врачей, совершенные в недавнем прошлом, как преступления врача Плетнева и врача Левина, которые по заданию иностранной разведки отравили В. В. Куйбышева и Максима Горького. Эти злодеи признались в своих преступлениях на открытом судебном процессе, и Левин был расстрелян, а Плетнев осужден к 25 годам тюремного заключения. Однако министр государственной безопасности Абакумов, получив показания Этингера о его террористической деятельности… признал показания Этингера надуманными и прекратил дальнейшее следствие по этому делу… Таким образом, Абакумов помешал ЦК выявить, безусловно, существующую законспирированную группу врачей, выполняющих задания иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и правительства».

Несколько дней спустя это постановление было разослано центральным комитетам компартий союзных республик, крайкомам и обкомам партии, министерствам государственной безопасности союзных и автономных республик и областным управлениям МГБ.

Тем временем в Сокольнической тюрьме МВД, больше известной в народе как «Матросская тишина», первый заместитель Генерального прокурора СССР К. Мокичев приступил к допросам Абакумова.

На одном из первых допросов Виктор Семенович заявил:

«У меня были ошибки, недостатки и неудачи в работе. Это все, в чем я виноват. Утверждаю, что никаких преступлений

против партии и Советского правительства я не совершал. Я был весь на глазах у ЦК ВКП(б). Там повседневно знали, что делается в МГБ».

Следователь Мокичев задавал вопросы:

«Почему вы долго не арестовывали Этингера, а после ареста запретили допрашивать о терроре, сказав Рюмину, что Этингер “заведет в дебри”?»

Подследственный Абакумов отвечал:

«Руководство 2-го управления доложило мне, что Этингер является враждебно настроенным. Я поручил подготовить записку в ЦК. В записке были изложены данные, которые убедительно доказывали, что Этингер – большая сволочь. Это было в первой половине 1950 года, месяца не помню. Но санкции на арест мы не получили. А после того как сверху спустили санкцию, я попросил доставить Этингера ко мне, так как знал, что он активный еврейский националист, резко антисоветски настроенный человек. “Говорите правду, не кривите душой”, – предложил я Этингеру. На поставленные мною вопросы он сразу же ответил, что его арестовали напрасно, что евреев у нас притесняют. Когда я стал нажимать на него, Этингер сказал, что он честный человек, лечил ответственных людей. Назвал фамилию Селивановского, моего заместителя, а затем Щербакова. Тогда я заявил, что ему придется рассказать, как он залечил Щербакова. Тут он стал обстоятельно доказывать, что Щербаков был очень больным, обреченным человеком.

В процессе допроса я понял, что ничего, совершенно ничего связанного с террором здесь нет. А дальше мне докладывали, что чего-то нового, заслуживающего внимания, Этингер не дает».

Абакумов также категорически отверг обвинения в попустительстве «террористическим намерениям» хирурга академика С. С. Юдина, якобы примкнувшего к заговору, которым руководил Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, пообещавший передать власть в стране маршалу Г. К. Жукову.

Не признал Виктор Семенович за террористов и оболтусов из так называемой подпольной группы «СДР». В отношении них он заявил:

«Слуцкий, Гуревич и остальные члены группы “СДР” являлись учащимися 9—10-х классов или же студентами-первокурсниками, им было по 15–17 лет, они в основном дети репрессированных, способные только на болтовню. Однажды кто-то кому-то сказал, что хорошо бы убить Маленкова, раз он такой ярый антисемит, вот и все. Серьезных террористических намерений у них не было и быть не могло. А про Гаврилова с Лаврентьевым вообще не о чем толковать: арестованные были п…стами, американцы, с

которыми они якшались, – тоже п. сты, и вся связь у них была главным образом на этой почве. Достаточно поглядеть на них – больные люди».

Вскоре после ареста Абакумов обратился с первым и последним письмом к Сталину:

«…Теперь по поводу заявления тов. Рюмина о том, что я якобы намекнул Этингеру, чтобы он отказался от показаний по террору. Этого не было и быть не могло. Это неправда. При наличии каких-либо конкретных фактов, которые дали бы возможность зацепиться, мы бы с Этингера шкуру содрали, но этого дела не упустили бы…

Должен прямо сказать Вам, товарищ Сталин, что я сам не являюсь таким человеком, у которого не было бы недостатков. Недостатки имеются и лично у меня, и в моей работе. В то же время с открытой душой заверяю Вас, товарищ Сталин, что отдаю все силы, чтобы послушно и четко проводить в жизнь те задачи, которые Вы ставите перед органами ЧК. Я живу и работаю, руководствуясь вашими мыслями и указаниями, товарищ Сталин, стараюсь твердо и настойчиво решать вопросы, которые ставятся передо мной. Я дорожу тем большим доверием, которое вы мне оказывали и оказываете за все время моей работы как в период Отечественной войны – в органах Особых отделов и СМЕРШ, так и теперь в МГБ СССР.

Я понимаю, какое большое дело Вы, товарищ Сталин, мне доверили, и горжусь этим, работаю честно и отдаю всего себя, как подобает большевику. Чтобы оправдать Ваше доверие. Заверяю Вас, товарищ Сталин, что какое бы задание Вы мне ни дали, я всегда готов выполнить его в любых условиях. У меня не может быть другой жизни, как бороться за дело товарища Сталина».

Историк К. А. Столяров, первым опубликовавшей этот документ в своем исследовании «Игры в правосудие», верно заметил, что Абакумов в письме Сталину, всячески избегая слов «арест» и «тюрьма», тонко намекает на незыблемость их взаимоотношений и упоминает лишь о досадных недоразумениях, возникших по злой воле или близорукости третьих лиц.

Виктор Семенович жестоко просчитался. После получения адресатом его письма следствие день ото дня стало набирать обороты, вовлекая в свою орбиту множество новых фигурантов. Были арестованы заместители Абакумова Селивановский и Питовранов, ряд ответственных сотрудников центрального аппарата МГБ – Шубняков, Райхман, Белкин, Шварцман, Эйтингон и другие. Всех подследственных перевели в Лефортово.

22 февраля 1952 года подполковник М. Д. Рюмин при поддержке заместителя министра МГБ С. А. Гоглидзе добился

санкции Сталина взять следствие в свои руки и был возведен в ранг замминистра, курирующего следствие.

Начались допросы с применением пыток и избиений сотрудников из ближайшего окружения Абакумова – от них требовали подтверждения намерений бывшего министра М ГБ ликвидировать Сталина и возглавить группу «еврейских националистов» по захвату власти в стране. Подследственные Лихачев и Броверман нужные показания дали.

Однако Абакумов решительно отрицал все эти обвинения. Терпение куратора Рюмина лопнуло, и следователи всерьез взялись за Виктора Семеновича.

Письмо Абакумова, отправленное им в порыве отчаяния на имя Берии и Маленкова, свидетельствует об этом:

«Товарищам Берия и Маленкову

Дорогие Л. П. и Г. М.! Два месяца, находясь в Лефортовской тюрьме, я все время настоятельно просил следователей и нач. тюрьмы дать мне бумагу написать письма вам и тов. Игнатьеву…

Со мной проделали что-то невероятное. Первые восемь дней держали в почти темной, холодной камере. Далее в течение месяца допросы организовывали таким образом, что я спал всего лишь час-полтора в сутки, и кормили отвратительно. На всех допросах стоит сплошной мат, издевательство, оскорбления, насмешки и прочие зверские выходки. Бросали меня со стула на пол. Ночью 16 марта меня схватили и привели в так называемый карцер, а на деле, как потом оказалось, это была холодильная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером 2 метра. В этом страшилище, без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день), я провел восемь суток. Установка включалась, холод все время усиливался. Я много раз впадал в беспамятство. Такого зверства я никогда не видел и о наличии в Лефортово таких холодильников не знал – был обманут. Этот каменный мешок может дать смерть, увечье и страшный недуг.

22 марта это чуть не кончилось смертью – меня чудом отходили и положили в санчасть, впрыснув сердечные препараты и положив под ноги резиновые пузыри с горячей водой. Я все время спрашивал, кто разрешил проделать со мной такую штуку. Мне ответили: “Руководство МГБ”. Путем расспросов я узнал, что это Рюмин, который делает все и как хочет.

Прошу Вас, Л. П. и Г. М.:

1) Закончить все и вернуть меня к работе… мне нужно лечение.

2) Если какое-то время будет продолжаться эта история, то

заберите меня из Лефортово и избавьте от Рюмина и его друзей.

Может быть, можно вернуть жену и ребенка домой, я Вам вечно буду за это благодарен. Она человек очень честный и хороший.

Уважающий Вас – *В. Абакумов.*

18 апреля 1952 г.».

Дополняет картину лефортовских ужасов и медицинская справка из санчасти тюрьмы, датированная 24 марта 1952 года:

«Заключенный № 15 (Абакумов. – *В. С.*) еле стоит на ногах, передвигается с посторонней помощью, жалуется на боли в сердце, слабость, головокружение. Бледен, губы и слизистые с цианотичным оттенком. При пальпации спины болезненность мышц в области межреберных промежутков. Стопы гипермированы, пастозны. По состоянию здоровья нуждается в переводе из карцера в камеру».

3 ноября 1952 года М. Д. Рюмин утвердил постановление о предъявлении дополнительного обвинения:

«Принимая во внимание, что следствием по делу Абакумова собраны доказательства, изобличающие его в том, что он:

а) вынашивал изменнические замыслы и, стремясь к высшей власти в стране, сколотил в МГБ СССР преступную группу из еврейских националистов, с помощью которых обманывал и игнорировал ЦК ВКП(б), собирал материалы, порочащие отдельных руководителей Советского правительства, а также отгораживал чекистский аппарат от руководящих партийных органов;

б) опираясь на своих сообщников, проводил вредительскую подрывную работу в области контрразведывательной деятельности…

— дополнительно предъявить Абакумову Виктору Семеновичу обвинение в совершении преступлений предусмотренных ст. ст. 58-7, 17-58-8 и 58–11 УК РСФСР».

А затем свершилось маленькое чудо. Очевидно, письмо Абакумова, отправленное им на имя «дорогих Л. П. и Г. М.», сыграло в этом определенную роль. 14 ноября 1952 года Рюмина отстранили от должности заместителя министра государственной безопасности и, приняв во внимание довоенный стаж работы бухгалтером, назначили старшим контролером Министерства госконтроля СССР. Затем Абакумова из Лефортова перевели в камеру № 77 Бутырской тюрьмы, где в марте 1953 года оставили в покое, прекратив всякие допросы. Далее процитируем Столярова:

«Надежно изолированный от внешнего мира, лишенный даже

имени и фамилии, он и не подозревает, что умер Сталин и что Министерства государственной безопасности больше нет – вместо него создано объединенное Министерство внутренних дел СССР во главе с Берией, запретившим 13 марта впредь до особого указания допрашивать Абакумова».

Вскоре «особое указание» было получено. Начались новые допросы, но уже без пыток и издевательств. Однако после ареста Берии в деле Абакумова наступила очередная пауза, которая, впрочем, продолжалась не слишком долго.

На новом витке следствия у следователей появилась мысль объединить в одну группу заговорщиков Виктора Семеновича и Лаврентия Павловича, что выглядело весьма фантастичным, поскольку было хорошо известно: Берия и Абакумов после войны друг друга терпеть не могли.

Пребывание Абакумова в заключении явно затягивалось, поскольку он продолжал упорно отрицать все обвинения. К тому же теперь в его освобождении не были заинтересованы Н. С. Хрущев и Г. М. Маленков – через МГБ прошли сотни дел на людей, незаконно репрессированных с их санкции. Но всему бывает конец. Наступила развязка и в деле Абакумова.

14 декабря 1954 года в Ленинградском Доме офицеров началось «открытое» судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР в составе: председательствующего – генерал-лейтенанта юстиции Е. Л. Зейдина, членов – генерал-майора юстиции В. В. Сюльдига и полковника юстиции В. В. Борисоглебского, при секретарях–капитанах юстиции М. В. Афанасьеве, Л. М. Горбунове и Н. М. Полякове, с участием государственного обвинителя – Генерального прокурора СССР, действительного государственного советника юстиции В. В. Руденко и защиты – членов Московской городской коллегии адвокатов Л. И. Гринева, М. В. Степанова, М. И. Рогова и Л. В. Павлова.

На скамье подсудимых находились Абакумов, Леонов, Лихачев, Комаров, Чернов и Броверман. Шварцман на этом процессе выступал в качестве свидетеля (его дело было выделено в отдельное производство).

В своей речи государственный обвинитель Руденко говорил:

«Суд слушает необычное дело, сидящим на скамье подсудимых в свое время было доверено вести борьбу с врагами советского народа, а они использовали это доверие в преступных целях – пытались повернуть острое оружие диктатуры пролетариата – органы государственной безопасности – против Советского государства».

Когда суд предоставил слово Абакумову, отказавшемуся от

адвоката, он заявил:

«Виновным себя не признаю. Это дело провокационное, оно сфабриковано Берией, Кобуловым и Рюминым».

В своей защитительной речи Виктор Семенович вновь отрицал свою вину: «Я заявляю, что настоящее дело против меня сфабриковано. Я заключен под стражу в результате происков Берии и ложного доноса Рюмина. Все недостатки в органах ЧК, скопившееся за длительный период, вменяются мне как преступления… я ничего не делал сам. В ЦК Сталиным давались указания, а я их выполнял. Государственный обвинитель ругает меня, с одной стороны, за допущенные перегибы, а с другой – за промахи, смазывания. Где же тут логика? Дело “СДР” расследовано правильно. Мне же в течение трех с половиной лет и пытались доказать, что я “смазал” террористические намерения у 15—16-летних юношей и девушек.

Недостатки у меня были, я их не скрывал. Утверждать, что я использовал такой орган, как Особое совещание, для расправы, – значит забывать о том, что я никогда не председательствовал в Особом совещании. Я считаю, что суд должен справедливо разобраться в моем деле».

Много позже бывший подсудимый И. А. Чернов скажет, что на суде «Абакумов держался с большим достоинством».

Выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР установила:

«Подсудимый Абакумов, будучи выдвинутым Берией на пост министра Госбезопасности СССР, являлся прямым соучастником преступной заговорщицкой группы, выполнял вражеские задания Берии. Совершая такие тяжкие преступления, как и Берия, Абакумов стал на путь авантюр и политических провокаций. Абакумов фабриковал дела на отдельных работников партийного, советского аппарата и представителей советской интеллигенции, затем арестовывал этих лиц и, применяя запрещенные советским законом преступные методы следствия, вместе со своими сообщниками Леоновым, Комаровым, Лихачевым, добивался от арестованных вымышленных показаний с признанием вины в тяжелых государственных преступлениях».

19 декабря 1954 года суд приговорил В. С. Абакумова, А. Г. Леонова, В. И. Комарова и М. Т. Лихачева к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией лично принадлежавшего им имущества. Я. М. Броверман был приговорен к 25 годам, а И. А. Чернов – к 15 годам лишения свободы с последующим поражением в правах на 5 лет каждого и с конфискацией лично принадлежащего им имущества.

Расстреляли Виктора Семеновича Абакумова 19 декабря в 12

часов 15 минут, через час с четвертью после вынесения приговора. Начальник Внутренней тюрьмы КГБ подполковник Таланов, лично казнивший осужденного, рассказывал, что последними словами Абакумова были: «Я все, все напишу в Политбюро…» Выстрел из пистолета, оборвал слово «Политбюро» на половине…

* * *

Летом 1994 года родной брат Я. М. Бровермана, осужденного по делу Абакумова, обратился в Прокуратуру России с заявлением о реабилитации.

28 июля Военная коллегия Российской Федерации в составе председательствующего – генерал-лейтенанта юстиции А. Уколова и членов – генерал-майоров юстиции В. Белявского и Ю. Пархомчука рассмотрела в судебном заседании уголовное дело в отношении Абакумова и других и нашла протест подлежащим удовлетворению. Руководствуясь статьей 8 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» и ст. 377–381 УПК РСФСР, Военная коллегия определила: приговор ВК Верховного Суда СССР от 19 декабря 1954 года в отношении Абакумова, Леонова, Лихачева, Комарова и Бровермана изменить, переквалифицировав действия осужденных на статью 193-17 п. «б» УК РСФСР (в редакции 1926 года) и оставив им прежние меры наказания.

Спустя несколько лет Генеральная прокуратура России вновь внесла протест на приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 19 декабря 1945 года по делу Абакумова и других. Прокуроры сочли противоречащим закону то обстоятельство, что ВК РФ 28 июля 1994 года переквалифицировала деяния осужденных, но оставила им прежние наказания.

В результате, 17 декабря 1997 года Президиум Верховного суда Российской федерации, руководствуясь п. 5 ст. 378 УПК РСФСР, постановил: определить В. С. Абакумову, А. Г. Леонову, М. Т. Лихачеву и В. И. Комарову наказание в виде 25 лет заключения в исправительно-трудовые лагеря каждому, исключив в отношении всех осужденных дополнительную меру наказания в виде конфискации имущества.

Стало быть, как заметил историк К. А. Столяров, наконец-то установлено, что Абакумова и других лишили жизни вопреки закону – по заказу Хрущева, неукоснительно выполненному как государственным обвинителем Руденко, так и чтившими партийную дисциплину военными судьями.

Более того, Верховный суд России пришел к выводу, что Абакумов и другие проходившие по его делу не виновны в измене Родине, терроризме и не являются участниками антигосударственного заговора.

Казалось бы, правда восторжествовала! Правда, как-то очень уж неуклюже, согласитесь. Вроде бы реабилитированы, а вроде бы и нет…

Как же в таком случае быть? Послушаем мнение почетного чекиста Ивана Краузе:

«Хороший был человек Виктор Семенович Абакумов. К людям относился по-доброму, ценил их. Если при допросе кому и давал в торец, так только врагам народа, а безвинных не трогал. Абакумова следует реабилитировать полностью, поскольку вины на нем нет. И не только реабилитировать, но и памятник ему воздвигнуть, как невинно убиенному волюнтаристом Хрущевым».

Может быть, в самом деле реабилитировать и воздвигнуть?

Приложения

Сообщение зам. наркома внутренних дел СССР В.С. Абакумова, зам. начальника Главного политического управления РККА, Ф.Ф. Кузнецову о формировании германским командованием на территории Украины Украинской национальной добровольческой армии

13 июня 1942 г.

Совершенно секретно

Главное политическое управление Красной Армии

товарищу Кузнецову

По сообщению Особых отделов НКВД Южного и Юго-Западного фронтов, германское командование на временно оккупированной территории УССР активно формирует «Украинскую национальную добровольческую армию» из украинского населения и из числа завербованных ими пленных бывших военнослужащих Красной Армии.

Формирование частей «Украинской добровольческой армии» широко пропагандируется среди местного населения оккупированных районов и в лагерях военнопленных с целью показа своей «освободительной» миссии.

Добровольцам, записавшимся в украинские национальные части, с целью поощрения, создаются улучшенные условия содержания в лагерях.

Задержанный Особым отделом 56 армии 6-го мая с г. Максименко, уроженец села Ново-Троицкое Опалинской области показал, что он является солдатом так называемой «Украинской добровольческой армии». 20 апреля с. г. был мобилизован немцами и направлен на сборный пункт в г. Мариуполь, на котором уже было около 5 тыс. человек жителей районов, временно оккупированных противником, мобилизованных в «Украинскую добровольческую армию».

В Мариуполе Максименко был одет в немецкую форму, получил винтовку советского образца и с группой в 40 человек мобилизованных украинцев был направлен в хутор Веселый Таганрогского района, где проходил строевую подготовку и нес охрану Таганрогского залива.

В апреле месяце с. г. в Ольгинском районе Сталинской области и в других населенных пунктах оккупированных областей Украины немцы насильно мобилизовали мужское население от 17 до 45 лет и всех зачислили в «Украинскую добровольческую

армию». Командный состав «Украинской добровольческой армии» состоит из украинцев и русских бывших командиров Красной Армии, перешедших на сторону немцев, руководство которыми осуществляют немцы.

По показаниям МАКСИМЕНКО мобилизованные немцами украинцы настроены против немецких захватчиков и ждут наступления Красной Армии для того, чтобы перейти на ее сторону.

Заместитель народного комиссара внутренних дел СССР
Начальник Управления особых отделов

Абакумов

Резолюция: «Ознакомить т. Мануильского».

Помета на первом листе документа: «Читал. Меры будут приняты.

Д. Мануи[льский]»

ПА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 115. Л. 5–6. Подлинник.

Здесь воспроизводится по изданию: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В двух томах. Том 1. 1939–1943. С. 492–493. Док. № 2.80.

Спецсообщение В.С. Абакумова И.В. Сталину и А.М. Васильевскому о причинах расконспирации предстоящих наступательных операций на участке Брянского фронта

24.06.1943

Совершенно секретно

По сообщению Управления «СМЕРШ» Брянского фронта, проводившаяся в мае и в июне с.г. подготовка к наступательным действиям на участках 61-й и 63-й армий была проведена без достаточного соблюдения военной тайны и маскировки при сосредоточении войск, что дало возможность противнику догадаться о проводимых нами мероприятиях на этом участке фронта.

Так, например, начальник артиллерии 61-й армии генерал-майор Егоров, будучи осведомлен о подготовке операции по прорыву обороны противника на участке армии и предупрежден командованием фронта о соблюдении строжайшей тайны, сообщил об этом некоторым командирам, в том числе подполковнику Лазареву и майору Сергиевскому.

4 мая с.г. на участке прорыва Егоров организовал военную игру «Наступление» с начальниками артиллерии дивизий и

командирами артполков. Для разработки плана прорыва обороны противника Егоров привлек весь оперативный отдел штаба армии, в том числе машинистку Домнину и чертежника Афонина.

27 мая с.г. Егоров раздал план наступления командирам корпусов, бригад и артиллерийских полков.

Несмотря на указания командования фронта не выводить на огневые позиции прибывающие вновь артиллерийские части и не усиливать артиллерийского огня на участке армии, Егоров приказал командирам артиллерийских частей занять огневые позиции и произвести пристрелку одним орудием от батареи.

В результате пристрелки орудий на участке армии образовался массированный артиллерийский огонь.

Это дало возможность противнику догадаться о мероприятиях наших частей, так как вслед за этим он повел большие огневые налеты по нашим участкам огневых позиций.

Сосредоточение войск в районе намеченных действий проходило без достаточной маскировки. Остатки колонн и большое количество транспорта двигались в район сосредоточения днем, что демаскировало расположение наших войск.

Подготовительные мероприятия, рекогносцировка местности, подготовка огневых позиций проводились без достаточной скрытности, что дало возможность противнику, как это установлено радиоперехватом, обнаружить значительное количество нашей артиллерии и огневых позиций.

Так, радиоперехватом зафиксировано, что в период с 29 мая по 6 июня с.г. авиаразведка противника на участке Гудовищи – Поляны – Тшлыково (севернее Мценска) обнаружила 62 артиллерийских и 30 минометных позиций. В районе Задушное – Новосель авиаразведка противника обнаружила 17 артиллерийских батарей.

В мае с.г. на участке Новосель – Орловка – Гвоздяное противник обнаружил 5 наведенных мостов через р. Зуша.

В частях 2-го артиллерийского корпуса рекогносцировочные работы и работы по оборудованию инженерных сооружений проводились без маскировки. Противник, воздушной разведкой обнаружив подготовку некоторых работ и оживление работы на переднем крае обороны корпуса, произвел бомбометание наших артиллерийских позиций, повредив 11 орудий.

Кроме того, арестованные при переходе на нашу сторону агенты германской разведки, а также захваченные в плен нашими войсками немцы показали, что противнику стало известно о подготовке наступления наших войск на участке 61-й и 63-й армий.

Так, арестованный 29 мая с.г. при переходе линии фронта на нашу сторону агент немецкой разведки Стрелков показал, что среди немецкого командования и солдат идут разговоры, что русские готовят наступление, о чем рассказывают сами русские, захваченные немцами в плен.

Фельдфебель 110-го пехотного полка 112-й пехотной дивизии германской армии Кроноуэр, взятый в плен нашими войсками в июне с.г., показал:

«В отношении наступления частей Красной Армии на данном участке я слышал от ротного командира Рейнгольца, который сообщил солдатам, что в начале июня с.г. были захвачены два солдата русской армии, которые сообщили немецкому командованию, что части Красной Армии ведут подготовку и ожидайте наступления.

Кроме того, Рейнгольц сообщил, что самолет «Фокке-Вульф» на территории частей Красной Армии обнаружил новые огневые позиции артиллерии и большое передвижение войск на этом участке».

Старший ефрейтор той же дивизии Пауль Гунтер на допросе сообщил:

«Командир взвода лейтенант Мендель объявил солдатам, что примерно в начале июня с.г. на данном участке нужно ожидать наступления русских, так как самолет-разведчик обнаружил большое скопление русской артиллерии и усиленное передвижение войск.

Среди солдат шли разговоры, что со стороны русских в районе Большая Каргашенка перешел перебежчик, который сообщил о готовящемся наступлении русских на этом направлении».

АБАКУМОВ

Опубликовано: «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / Сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, В.С. Христофоров. М., 2003. С. 28–30.

Здесь перепечатывается с сайта http://www.alexanderyakovlev.org/

Новый государственный гимн СССР

«Интернационал» (музыка Пьера Дегейтера, текст Эжена Потье в русском переводе Аркадия Коца) был гимном СССР с момента его образования в 1922 году и вплоть до 1943 года. Конкурс на написание нового гимна был объявлен ещё в 1930-х

годах. Свой вариант, например, написал Д.Д. Шостакович, однако предпочтение было отдано музыке А.В.Александрова. В новогоднюю ночь с 31 декабря 1943 на 1 января 1944 года гимн на слова С.В.Михалкова и Г.А.Эль-Регистана впервые прозвучал по Всесоюзному радио. Позже, в апреле 1944 года, гимн прозвучал в новой музыкальной редакции, которая используется до сих пор. Вплоть до 1955 года гимн исполнялся в первоначальной версии, включавшей упоминание о Сталине, а с 1955 по 1970 год – без слов. В 1970 г. С. В. Михалковым был подготовлен откорректированный вариант текста гимна, утвержденный указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 мая 1977. В этой редакции он и исполнялся вплоть до 26 декабря 1991 – последнего дня существования СССР.

1943–1955

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
Нас вырастил Сталин – на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

Славься, Отечество наше свободное,
Счастья народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

Мы армию нашу растили в сраженьях.
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведем!

Славься, Отечество наше свободное,
Славы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное

Пусть от победы к победе ведет!

1977–1991

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Партия Ленина – сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведёт!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
На правое дело он поднял народы,
На труд и на подвиги нас вдохновил!
Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Партия Ленина – сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведёт!

В победе бессмертных идей коммунизма
Мы видим грядущее нашей страны,
И Красному знамени славной Отчизны
Мы будем всегда беззаветно верны!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Партия Ленина – сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведёт!

Спецсообщение Абакумова И.В. Сталину о реакции военнослужащих на новый государственный гимн СССР

23 декабря 1943 г.
№ 343/а Сов. секретно
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
товарищу СТАЛИНУ

Опубликованное в печати решение Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О государственном гимне Советского

Союза» вызвало широкий отклик среди военнослужащих Красной Армии.

Генеральский и офицерский состав Красной Армии одобряют замену «Интернационала» новым государственным гимном, текст которого славит нашу великую советскую Родину, нерушимый союз свободных республик, и «соответствует по своему содержанию делу и сущности советского строя».

ЯКОВЛЕВ, генерал-полковник – начальник Главного Артиллерийского Управления Красной Армии:

«За границей это будут расценивать как шаг назад, как уступку союзникам, а на самом деле это не так. Ведь сколько таких шагов мы сделали за войну: комиссаров ликвидировали – ничего не случилось, даже лучше стали воевать, генеральские офицерские звания ввели, погоны всем надели – дисциплину укрепили.

Святейший синод создали, патриарха выбрали, Коминтерн распустили и, наконец, отменили «Интернационал», и все это на пользу Родине.

Как может быть «Интернационал» с немецким зверем, истребившим сотни тысяч советских людей, превратившим нашу страну в пустыню.

Истребление фашистской нечисти – вот какие задачи сейчас должны стоять, а поэтому все, что может ускорить гибель фашизма, должно быть использовано для этого».

НОВИКОВ, маршал авиации – командующий ВВС Красной Армии:

«Содержание гимна сильное. Видимо, так же сильно будет звучать и музыка. Это мероприятие вполне своевременное, так как старый гимн уже себя изжил и его содержание не соответствует духу времени».

СЕВОСТЬЯНОВ – полковник, начальник инженерного отдела 5 армии Западного фронта:

«Новый гимн Советского Союза соответствует настоящему времени и значительно отражает роль Верховного Главнокомандующего товарища СТАЛИНА».

НИКИТИН, генерал-полковник авиации – заместитель командующего ВВС Красной Армии:

«Замечательный гимн. Содержание его очень и очень долговечно. Именно такой гимн нам и нужен. В каждом слове нового гимна чувствуется большая сила нашего народа».

ДМИТРИЕНКО, полковник – начальник отделения штаба тыла Красной Армии:

«В новом гимне очень правильно упоминается о Ленине и Сталине, где говорится, что нас вырастил Сталин – на верность

народу.

Это отражает эру великих людей, создание Советского Союза и воспитание живущих в нем героических людей».

ТЕКМАЗОВ, генерал-майор – начальник разведывательного отдела штаба Белорусского фронта:

«Новый текст гимна учит любить Родину, отечество конкретно, а не вообще. Он складывает смысл понятия об отчизне и главное, что Советский Союз сплотила Великая Русь. В гимне говорится об отечестве, и при этих словах рождается у каждого гордость за свой народ и союз всех народов советской страны».

РАХМАНОВ, генерал-майор медицинской службы – член Центральной военно-врачебной комиссии Красной Армии:

«Новый гимн полностью отражает политическое положение нашего государства. Его содержание основано на выступлениях товарища СТАЛИНА и его исторических указаниях».

ЖУРАВЛЕВ, генерал-лейтенант авиации – начальник Оперативного Управления штаба ВВС Красной Армии:

«Новый гимн Советского Союза созвучен нашей эпохе. Текст его корректировал лично товарищ СТАЛИН.

Очень важно теперь, чтобы на эти слова была бы написана хорошая музыка».

МАКАРОВ, полковник – начальник финслужбы штаба Отдельной Московской армии ПВО:

«Текст очень хорош и все охватывает: первый куплет Русь, второй куплет – ЛЕНИН и СТАЛИН и третий – Красная Армия. Припев – о дружбе народов».

СМОЛЕНСКИЙ, майор – старший помощник разведотделения Управления артиллерии штаба 33 армии Западного фронта:

«Этот замечательный гимн о ЛЕНИНЕ и СТАЛИНЕ должны петь все народы, и не в какой-либо песне, а в государственном гимне».

КОНДРАТОВ, полковник – начальник штаба 72 стрелкового корпуса 5-й армии Западного фронта:

«Слова нового гимна отражают силу советских республик, сплотившихся вокруг Советской России. Они говорят об отечестве и дружбе народов, о великих вождях ЛЕНИНЕ и СТАЛИНЕ, которые показали путь русскому народу и вдохновили его на подвиги и борьбу с зарвавшимися фашистами».

БОГДАНОВ, подполковник – помощник командира 2-ой дивизии аэростатов заграждения Особой Московской Армии ПВО:

«Раз был распущен Коминтерн, как сыгравший свою роль в организации рабочего класса, значит, и гимн Интернационал отжил свои функции. Наше Правительство очень правильно поступило, что ввело новый текст государственного гимна, где

отражается весь пройденный путь Советской власти за 26 лет существования и ярко отражается роль основоположников нашего государства – Ленина и Сталина».

МОТАЕВ, инженер-полковник – начальник отдела Главного Управления Инженерно-авиационной службы ВВС Красной Армии:

«Наконец-то вспомнили про великую Русь, а то ведь ее совсем было забыли. Из русского лексикона это слово было вычеркнуто. Это было большой ошибкой.

Основой нашего государства, из которой возник Советский Союз, была Россия. На этой основе и надо воспитывать. Это слово создает большие традиции, в которых мы так нуждаемся».

СОРОКИН, полковник – слушатель Высшей Военной академии им. Ворошилова:

«Слова нового гимна исключительно глубоки и содержательны. Весь гимн отражает наше теперешнее состояние страны и нашу силу».

КИСЛОВ, подполковник – начальник штаба 56 зенитно-артиллерийской дивизии Особой Московской Армии ПВО:

«Изменение гимна – это мероприятие необходимо. Интернационал свою роль выполнял еще в годы гражданской войны, сейчас же он не отражает советской действительности.

Новый гимн вполне отражает сущность нашей действительности. В новом гимне воспеваются вожди и организаторы построения счастливой жизни, и в нем же воспевается наша доблестная армия».

КУРИЛОВ, генерал-майор авиации – начальник Центрального аэродрома имени Фрунзе:

«Содержание Интернационала устарело и не соответствует нынешней обстановке. Новый же гимн полностью отражает действительность и жизнь многонационального Советского Союза».

АЛЕШИН, генерал-майор – зам. начальника группы при Главном Управлении Кадров НКО:

«Гимн очень хороший. Слова бодрые, с большим внутренним смыслом и содержанием. Хотелось бы скорее услыхать, как звучит мелодия гимна. Наверное, и часы на Спасской башне будут выбивать мелодии гимна».

КРАСНОЩЕКОВ, полковник – начальник отдела Академии штаба ВВС Красной Армии:

«Интернационал, конечно, устарел. В старом гимне было о разрушении старого мира. Доколе же мы будем говорить, что старый мир разрушим, когда мы уже пришли к социалистическому обществу».

ОСТРОУМОВ, подполковник – начальник штаба 56 дивизии Особой Московской армии ПВО:

«Вот это я понимаю, действительно современный текст гимна. Приятно будет такие слова и произносить, где выражается вся работа русского народа и наших вождей по созданию русского – советского государства. Теперь наши союзники призадумаются и будут еще больше считаться с нами. Впервые в истории будет так воспеваться русский народ, как сейчас».

ЭРНЕСТ, генерал-майор – начальник кафедры бронетанковых войск Военной Академии имени Фрунзе:

«Гимн очень хороший, красивый и сильный. В нем сказано и о прошлом, и о настоящем, и о будущем нашей страны, и о задачах Советского Союза. Конечно, текст совершенно отличен от Интернационала. Интернационал уже не соответствует условиям жизни нашей страны, происшедшим в ней изменениям в связи с победами социализма.

Ясно, что при изменении гимна учтен и момент наших взаимоотношений с союзниками».

ИВАЩЕНКО, ст. лейтенант артполка ПВО штаба Западного фронта:

«Интернационал не отражает социалистической сущности Советской власти, т. е. не отражает коренного перелома в нашей стране за 26 лет.

Нами построено новое социалистическое отечество, уничтожена эксплуатация человека человеком, народы Советского Союза живут в братском содружестве. В священной борьбе против немецко-фашистских захватчиков мы боремся за свою свободную независимость.

Новый гимн будет воспевать пройденный тяжелый, но славный путь нашего поколения и нашу борьбу с иноземными оккупантами».

КОНДРАТЬЕВ, генерал-лейтенант – начальник Главного Дорожного Управления Красной Армии:

«Мероприятие нашего Правительства о введении нового государственного гимна своевременное и отражает в настоящее время весь ход Отечественной войны».

СУХОВОЙ, подполковник – старший помощник начальника оперативного отдела штаба Белорусского фронта: «В обстановке Великой Отечественной войны введение гимна – это призыв ко всем свободолюбивым народам на разгром фашизма».

ГНИЛОБОКОВ, майор – старший помощник начальника оперативного отдела бронетанковых и механизированных войск 4-го Украинского фронта:

«Действительно, Интернационал уже устарел. Его слова к

призыву «вставай проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов», – не отвечают действительности. Какие же мы рабы, мы люди Великой советской страны».

ЕЖОВ, полковник – начальник шифротдела штаба Белорусского фронта:

«Содержание «интернационала» в настоящее время отжило. В старом гимне была подчеркнута гегемония пролетариата, а в новом гимне отражается весь народ». u

ВЕНСКИЙ, генерал-майор – начальник Управления формирования войск Красной Армии:

«Гимн имеет большое значение. В тексте записаны огромные достижения социалистической стройки и героической борьбы».

ГАЛЬЦЕВ, полковник – помощник начальника I отдела Главного Интендантского Управления Красной Армии:

«Новый гимн по своему содержанию отвечает всем требованиям современности. Он отражает действительность Советского Союза, его особенности и достижения».

ИВАНЧЕНКО, майор – пом. начальника разведотдела 67 армии Ленинградского фронта:

«Правильное решение о введении этого гимна. Гимн составлен очень умело, коротко и ясно и короче, чем Интернационал, это облегчит его исполнение».

ФЕДЮНИН, техник-лейтенант 2 дивизии аэростатов заграждения Особой Московской армии ПВО:

«При пении старого гимна многие слова и выражения – чувствовалось, что они лишены, да и не только лишены, а просто в наше время не имели того смысла, который в них заложен. В самом деле, мы уже давно отжили в «мире рабов», создали новое, свое отечество. Новый гимн лаконичен, прекрасен по содержанию, в нем отображены все чувства советского народа».

КИСЕЛЕВ, полковник – начальник химслужбы 13 Воздушной армии Ленинградского фронта:

«Новый гимн хорош тем, что будет отражать действительность сегодняшнего дня и мобилизовывать на защиту своего государства».

ЖИРНОБЛЕЕВ, подполковник – начальник штаба бронетанковых и мотомехвойск штаба 33 армии Западного фронта:

«Совершенно правильно, что заменили текст гимна. Новый гимн полностью отражает происшедшее за 26 лет существования Советской власти изменение в нашей стране и в настоящий период Отечественной войны с фашистскими поработителями».

Высказывая положительные отзывы о замене государственного гимна Союза ССР новым текстом, некоторые

генералы и офицеры Красной Армии считают, что это сделано под влиянием нашего сотрудничества с союзниками – Англией и Америкой.

ВОЛЬСКИЙ, генерал-лейтенант – заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии:

«Раз у нас завязались дружественные отношения с англичанами и американцами и при всяких встречах они вынуждены играть Интернационал, а это им, конечно, не по нутру, надо было ввести новый гимн, соответствующий духу времени и не умаляющий достоинства Советского Союза. Новый гимн хорош, послушаем, как он будет звучать в исполнении».

ГРЕНДАЛЬ, генерал-лейтенант авиации – начальник Разведывательного Управления штаба ВВС Красной Армии:

«Хорошо, что вспомнили, наконец, в гимне о Руси, но все-таки мне кажется, что здесь есть некоторая уступка РУЗВЕЛЬТУ и ЧЕРЧИЛЛЮ».

СЫЧЕВ, инженер-подполковник – начальник учетно-планового отделения Управления вооружения зенитной артиллерии Красной Армии:

«Вставай проклятьем заклейменный – теперь недопустим при наших дружеских отношениях с Англией и Америкой. Это является уступкой союзникам. Вот если бы они потребовали изменения существующего строя и выбора царя, мы, безусловно, на это не пошли бы».

ВОРОБЬЕВ, подполковник – преподаватель Высших Политических курсов имени Ленина:

«Все это делается под большим влиянием союзников. Они диктуют свою волю, тем более им это удается сейчас, когда наша страна серьезно обессилена в войне и с их волей приходится считаться. Поэтому приходится отказываться от гимна, который завоеван кровью рабочих России».

РЖЕВСКИЙ, майор – старший помощник начальника отдела Управления бронетанковых и мотомехвойск штаба 49 армии Западного фронта:

«Замена Интернационала новым гимном произведена, как и другие мероприятия, под давлением наших союзников. Наше Правительство идет на все, чтобы быстрее открыть второй фронт».

КОРЗУН, полковник – начальник отдела кадров Центрального Управления военных сообщений Красной Армии:

«Введение нового гимна явилось одним из больших событий, так как Интернационал не может быть в настоящую эпоху. Мы заключили союз с капиталистическими странами, а в

Интернационале говорится о ликвидации рабства, а у наших союзников имеется эксплуатация человека».

БЕЛИКОВ, майор – начальник штаба 53 офицерского полка офицерской бригады Московского военного округа:

«Новый гимн Советского Союза выпущен потому, что Интернационал затрагивал внутреннюю жизнь наших союзников – Англии и Америки».

ХОЖАИНОВ, инженер-подполковник – начальник отдела 5-го Управления ГАУ Красной Армии:

«Опубликование нового гимна связано с международными отношениями. Об этом стоял вопрос на совещании союзных держав, где, надо полагать, и договорились о замене Интернационала».

КОРОЛЕВ, майор – помощник начальника отделения оперативного отдела штаба 33 армии Западного фронта:

«Изменение текста гимна произошло после требования английских и американских дипломатов, которым прежний гимн Интернационал не нравился».

ДОНИЧЕВ, майор – преподаватель тактики разведывательных курсов усовершенствования командного состава Главного Разведывательного Управления Красной Армии:

«Замена текста гимна произведена не потому, что старый гимн не соответствует новой установке в нашей социалистической стране, как это указано в постановлении Правительства. Новый текст введен потому, что хотим угодить нашим союзникам, которым Интернационал не нравится».

ФРОЛОВ, полковник интендантской службы – начальник 6 отдела Управления обозно-хозяйственного снабжения ГИУ Красной Армии:

«Раньше мы были обособлены и одиноки, поэтому могли петь и говорить, не прислушиваясь к тому, что о нас скажут другие. Теперь приходится прислушиваться к мнению других государств и приспосабливать свои гимны для наших союзников. Потому вслед за изменением отношения к церкви и к интернациональному движению пришлось менять текст гимна на более безобидный».

САВЕЛЬЕВ, инженер-капитан Управления связи штаба Отдельной Московской армии ПВО:

«Замена гимна связана со встречей государственных деятелей в Тегеране, это связано с новым направлением в политике нашего государства, а также с роспуском Коминтерна».

КРЫЛОВ, полковник – начальник отделения Главного Интендантского Управления Красной Армии:

«Мы идем постепенно к тому, что появится и гимн Боже царя

храни. Мы постепенно меняем нашу основную установку и подходим к тому, чтобы быть приятными для наших союзников».

ВОРКОВ, майор – старший помощник начальника отдела боевой подготовки штаба Белорусского фронта:

«Тут не обошлось без нажима РУЗВЕЛЬТА и ЧЕРЧИЛЛЯ, которые заставили товарища СТАЛИНА изменить наш гимн, так как в нем было сказано «весь мир насилья мы разрушим до основания», что им не нравилось».

ПАССОВА – преподаватель немецкого языка Химической академии Красной Армии:

«Это дело англичан, это их влияние, это они пришли к тому, что у нас сейчас до смешного высоко поднято положение церкви. Это они заставили отказаться от самых лучших идеалов и ликвидировать Коминтерн. Это они сейчас заставили отменить «Интернационал». Какой бы ни был новый гимн, он для меня никогда не будет тем, чем был «Интернационал». Я пожилой человек, но всякий раз, когда я слышу Интернационал, у меня от волнения мурашки бегают по коже. Нет, я против. Это все влияние Англии».

КОШНИЦКИЙ – слушатель Высших академических курсов Красной Армии:

«Принятие нового гимна находится также в прямой связи с Тегеранской конференцией, где союзники предложили товарищу СТАЛИНУ отказаться от всего, что связано с нашей идеей мировой революции. Вероятно, скоро союзники откроют второй фронт».

БЕЛОВ, полковник интендантской службы – заместитель начальника Финансового Управления Главного Артиллерийского Управления Красной Армии:

«Гимн Интернационал был несовместим с роспуском Коминтерна, так как мы в нем призываем разрушить старый мир и построить новый. Если бы мы этого не сделали, то к нам было бы какое-то недоверие со стороны Англии и Америки».

Часть офицеров Красной Армии высказывает отрицательные суждения о замене «Интернационала» новым текстом государственного гимна Союза ССР, а некоторые считают, что новый гимн будет существовать только в период Отечественной войны, после чего его заменят другим текстом гимна или даже возвратятся к «Интернационалу».

КОПЫЛОВ, инженер-майор – начальник 3 отдела Импортного Управления ВВС Красной Армии:

«Гимн не отражает величия и пафоса мирного строительства, о чем мы все время говорили до войны».

ГОЛЫДЕВ, майор – специальный корреспондент газеты

Авиации Дальнего Действия «Красный Сокол»:

«Из известных мне гимнов ряда государств это будет самый неудачный гимн по своему художественному и внутреннему содержанию – это сбор грубо рифмованных лозунгов, в котором нет той силы и красоты, как в монархическом гимне Боже царя храни».

ПЕТРОВ, инженер-подполковник – начальник отдела эксплуатации Управления бронетанковых войск Волховского фронта:

«Жалко расставаться с бывшим гимном Советского Союза. Интернационал отражал порыв, героизм, стремление к борьбе, и вообще это был любимый гимн, который облагораживал человека, а новый гимн, хотя мы его и не слушали, однако, судя по содержанию – неинтересен. Не те слова, к которым привыкли. Жалко расставаться с тем, что отражает борьбу за Советскую власть».

ЮНАШ, капитан – начальник 3 отделения Главного Интендантского Управления Красной Армии:

«В тексте гимна нет ничего возвышенного и зовущего. Текст плохо запоминается и вял».

ГОЛОВАНЬ, полковник – зам. начальника 2-го Прибалтийского направления Оперативного Управления Генерального штаба Красной Армии:

«Новый гимн Советского Союза, очевидно, вводится только на время войны, так как мы не отказываемся же от влияния на развитие революционного движения во всем мире».

ВАСИЛЕВСКИЙ, инженер-капитан – пом. начальника 3 отдела Импортного Управления ВВС Красной Армии:

«Через два-три года гимн будет устаревшим, и вообще он отражает не мирные цели Советского Союза, а прославляет опять войну».

ФИЛАТОВ, инженер Центрального конструкторского бюро Главного Управления гидрометеорологической службы Красной Армии:

«Старый гимн был величественный и сильный словами и с глубоким содержанием, а новый – так, песенка какая-то».

ТОРОХОВ, подполковник – начальник разведотдела 28 армии 4-го Украинского фронта:

«Слова нового гимна не нравятся, нет в них боевого огня. Не стоило бы вообще теперь менять гимн».

НОРДКИН, капитан интендантской службы – старший пом. начальника отделения Главного Интендантского Управления Красной Армии:

«Содержание нового гимна не направляющее и даже не

констатирующее. В гимне проскальзывает возвеличение русской нации при замалчивании других наций. Темными элементами это может быть использовано как великодержавный русский шовинизм. Заметно последовательное выпячивание русского народа».

ЯСТРЕБОВ, подполковник – начальник отделения отдела связи Авиации Дальнего Действия:

«Новый гимн Советского Союза состоит из простого набора слов, ну а в отношении музыки к гимну, то от АЛЕКСАНДРОВА ничего хорошего ожидать нельзя, у него вся музыка однообразна и основана на сплошном шуме».

БОГАТЫРЕВ, майор – помощник начальника отделения оперативного отдела тыла 48 армии Белорусского фронта:

«Много мы уже разных «песенок» пережили, и это после войны изменится. Такой гимн является продуктом войны и по существу отражает задачи только сегодняшнего дня».

КОНИЧЕВ, майор – зам. начальника военного факультета 2-го Медицинского института МВО по учебной части:

«Новый гимн не такой торжественный, как Интернационал. Слова и мысли более простые. Введение нового гимна бесспорно связано с роспуском Коминтерна и является мероприятием, продолжающим нашу политику отступления. Это все дорога к чему-то новому».

МУШНИКОВ, майор ветеринарной службы – старший помощник начальника Ветеринарного Управления тыла 49 армии Западного фронта:

«Новый гимн не отражает сегодняшнего дня. В нем ничего не говорится о Коммунистической партии и о коммунизме, несмотря на то что это была наша основная цель».

ЛОМТЕВ, лейтенант административной службы – заместитель начальника отдела военно-морской почты 5-го Управления Главного Управления связи Красной Армии:

«Подумаешь «славься», – это еще при Павле первом пели. Почему Интернационал забракован, ведь это боевой революционный гимн, и один для всех народов.

ТРИФОНОВ, подполковник – старший помощник начальника оперативного отдела 16 воздушной армии Белорусского фронта:

«Новый гимн вводится временно на период войны для поддержания хороших отношений с Англией и Америкой. Окончится война с немцами, сразу же этот гимн будет отменен и опять будет Интернационал».

БАЛЫЧЕВ, инженер-капитан – старший помощник начальника 1-го отдела Управления аэродромного строительства ВВС Красной Армии:

«Мне не нравится текст нового гимна. В нем нет торжественности, а по словам он больше похож на песню, чем на государственный гимн».

СТРИЖИН, лейтенант административной службы – чертежник Управления связи Волховского фронта:

«Надо писать такой гимн, чтобы он был навеки. А ведь слова нового гимна отражают только то, что происходит сейчас. После войны они не будут отражать той обстановки, которая сложится».

СОКОЛОВ, полковник – старший помощник начальника 1 отдела Оперативного Управления ВВС Красной Армии:

«Новый гимн – временное дело. Он обнимает только данную эпоху – эпоху Отечественной войны. Строка об армии в нем введена, также сообразуясь с данной эпохой, но она после войны отживет».

СПОМПОР, майор – старший помощник начальника Отдела кадров Авиации Дальнего Действия:

«Гимн построен неритмично и в грубых словах. Как, например, увязать слова «Русь» и «Союз». Текст гимна написали какие-то неизвестные до сих пор поэты. За мою жизнь это уже третий гимн. Первый гимн был «боже царя храни», второй – «Интернационал» и третий – опубликованный теперь в газетах. Слова первого гимна подобраны исключительно хорошо по стилю и эластичности в противовес последнему гимну. А музыка первого гимна была настолько хороша, что сейчас вспоминаю, как, бывало, заиграют гимн, то сердце рвется от мелодии».

МОРОЗОВ, капитан – помощник начальника оперативного отдела 48 армии Белорусского фронта:

«Ну, будет что-то вроде «вдоль по Питерской». По-моему, каждый гимн должен быть по своему существу консервативным. Всякая смена государственного гимна означает какую-то коренную ломку в политике государства.

«Боже царя» еще не ввели. Ей-богу, хороший был бы гимн, а вместо слова «царя» оставили бы «народ»».

Наряду с отрицательными реагированиями о введении нового текста государственного гимна Советского Союза зафиксированы враждебные высказывания со стороны отдельных военнослужащих Красной Армии.

ЛЕДНЕВ – инженер Центрального конструкторского бюро Главного Управления Гидрометеорологической службы Красной Армии:

«Слабоват новый гимн, зря его ввели, и большую сделали ошибку, что ввели туда слова об отдельных личностях».

ПИЛЮГИН, инженер-майор – помощник начальника отдела Управления бронепоездов и бронемашин ГАБТУ Красной Армии:

«Неужели мы 26 лет заклеймены проклятием. Хотя да, заклеймены. «Весь мир голодных и рабов». Верно, – рабы до сих пор и почти полуголодные. Конечно, стыдно петь уже такие вещи. Пусть пишут новые и огребают денежки».

ЛЕВАЧЕВ, капитан – слушатель Высшей офицерской кавалерийской школы Московского военного округа:

«Сегодня запоют одно, завтра другое. Все равно слушать, что Богородицу, что этот гимн. Нужно к этому гимну подобрать мотив наподобие похоронного марша. Нам на него наплевать».

СПЕРАНСКИЙ, инженер-капитан – начальник 3 отдела Главного Управления гидрометеослужбы Красной Армии:

«Мне непонятно, зачем включены в текст гимна личности Ленина и Сталина, так как гимн будет существовать многие века, в то время как вожди приходят и уходят».

БАРАНОВ, ст. лейтенант – пом. начальника Управления прожекторной службы штаба Отдельной Московской армии ПВО:

«Сущность нашего государства изменилась настолько, что перед нами уже не стоят задачи построения коммунистического общества и мы скатываемся к буржуазному строю. В связи с этим марксизм для нас теперь не подходит, и его нужно пересматривать».

МОИСЕЕНКО, капитан – слушатель батальона усовершенствования командного состава стрелково-пулеметных курсов Ленинградского фронта:

«Скоро будем петь гимн на мотив «боже царя храни». Все идет к старому».

ШАРАПОВ – начальник административно-хозяйственного отдела Центрального Дома Красной Армии:

«Остается лишь изменить и распустить партию большевиков. В 1918–1919 гг. было чем агитировать, тогда был лозунг «земля крестьянам, фабрики рабочим» и свобода слова, а после прижали так, что миллионы людей положили свои головы».

АБАКУМОВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 181. Л. 98—114. Подлинник. Машинопись.

На первом листе имеется резолюция: *«Важно. Нужно кой-кого пощупать. Ст.»*.

— Фамилии обведены карандашом и на полях отчеркнуты двумя чертами.

— Отчеркнуто на полях двумя чертами.

Спецсообщение В.С. Абакумова И.В. Сталинуоб Армии крайовой

01.02.1944
№ 371/А
Копия
Совершенно секретно
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
товарищу СТАЛИНУ

В дополнение к № 370/А от 30 января с.г., Главное Управление «СМЕРШ» докладывает, что на дальнейших допросах арестованные польские офицеры ПЕЛКА В.А., МИЛАШЕВСКИЙ К.А., ЛОТОЦКИЙ Э.Г., КОХУТНИЦКИЙ З.Б. и БОБРОВНИЦКИЙ И.А. показали, что польская подпольная военная организация, именуемая «армия крайова» (армия внутри страны) организовывает в воеводствах свои батальоны для вооруженного выступления против Красной Армии при подходе ее к границам Польши либо в тылу советских войск при наступлении против немцев на территории Польши.

Как показали арестованные, со слов подпольного польского коменданта по Столбцовскому району Барановичской области «Свиря» – ВОРОКОМСКОГО, поддерживавшего через инспектора «армии крайова» подполковника по кличке «Борик» связь с командующим этой армией генералом «Грот», а затем его преемником генералом «Бур» и представителем польского эмигрантского правительства в Лондоне КРАЕВСКИМ, – им известно, что формируемые подпольные польские батальоны должны явиться ядром будущей польской армии, в которую вольются людские резервы, уже сейчас готовящиеся в районах Польши.

Так, арестованный бывший адъютант 331 польского батальона поручик МИЛАШЕВСКИЙ показал:

«Со слов “Свирь” мне известно, что наш 331 польский батальон должен являться как бы ядром польской армии, в который должны влиться уже подготовленные им резервы, находящиеся в районе, численностью свыше 500 человек. При этом “Свирь” подчеркнул, что подобные батальоны и резервы имеются и в других районах.

“Свирь” также заявлял, что сигнал для выступления будет дан из Варшавы для всей Польши, которая поднимется с целью недопущения на территорию Польши Красной Армии.

“Свирь” всегда подчеркивал, что мы сейчас обязаны к этому готовиться, накапливать силы, беречь оружие и боеприпасы, стараться пока не ссориться с советскими партизанскими отрядами и сохранять видимость хороших взаимоотношений с ними, а в нужный момент изгнать их с нашей территории.

Наиболее ярко это “Свирем” было выражено в выступлении

на национальном празднике 11 листопада (11 ноября) 1943 года в местечке Деревное, где, говоря о значении праздника для польского народа, он заявил: “Мы, маленькая группа польских людей, находимся на восточной границе Польши, что свидетельствует о том, что мы живем и будем жить и никому своей земли не отдадим”.

Другой арестованный, бывший зам. командира роты 331 польского батальона поручик БОБРОВНИЦКИЙ, в этой части дал такие показания:

«Из приказов руководства “армии крайова”, а также из подпольной печати этой организации мне известно, что в настоящее время “армия крайова” ведет работу по подготовке кадров, сколачиванию отрядов, накапливанию оружия и боеприпасов для вооруженного выступления в момент подхода частей Красной Армии к границам Польши.

В настоящее время никакой активной борьбы с немцами “армия крайова” не ведет, допуская лишь совершение отдельных диверсионных и террористических актов против немцев».

Аналогичные показания дали арестованные поручик КОХУТНИЦКИЙ и подпоручик ЛОТОЦКИЙ.

Арестованный бывший командир 331 польского батальона майор ПЕЛКА по этому вопросу дал несколько иные показания.

Со слов ПЕЛКА, выступление «армии крайова» должно было произойти после того, когда Красная Армия пройдет в глубь Польши, преследуя немцев.

ПЕЛКА показал:

«Это выступление, по словам “Свирь”, должно произойти в тылу Красной Армии, когда она пройдет, преследуя немцев, в глубь Польши. Выступление приурочивается к окончанию войны с таким расчетом, чтобы к моменту заключения мирного договора на польско-советской границе (имеется в виду граница до 1939 года) стояла польская армия.

Кроме того, “Свирь” сказал, что формируемым батальонам с советскими партизанскими отрядами нужно для вида сохранить дружественные отношения, но в будущем они так же, как и Красная Армия, с территории Западной Белоруссии и Западной Украины поляками будут изгнаны».

Касаясь антисоветских документов, изъятых при разоружении 331 польского батальона, арестованные майор ПЕЛКА и поручик КОХУТНИЦКИЙ показали, что эти документы принадлежат «армии крайова» и представителям польского правительства, находящимся в Варшаве и воеводствах, хранились они при штабе батальона и служили руководящими указаниями в практической деятельности.

КОХУТНИЦКИЙ показал:

«Предъявленные мне документы принадлежат штабу 331 польского батальона.

Документы хранились в шкафу в штабе, и доступ к ним имели: “Свирь” и ПЕЛКА.

Часть документов принадлежала лично “Свирь”, они хранились в специальной папке с надписью “документы Свирь”. Я сам их видел в шкафу, находясь в помещении штаба.

Изъятые документы по своему содержанию отражают деятельность “армии крайова”, ими наш батальон руководствовался в повседневной практической работе».

Это же подтвердил арестованный командир батальона ПЕЛКА, который показал:

«Антисоветские документы, хранившиеся в штабе польского батальона № 331, принадлежат “армии крайова” и служили руководством для практической деятельности батальона».

Кроме проведения антисоветской пропаганды и обработки солдат батальона во враждебном отношении к СССР, как показал арестованный МИЛАШЕВСКИЙ, – командование 331 польского батальона стало на путь открытых нападений на советских партизан. Наиболее ярким проявлением этого является расстрел конной группой хорунжего НУРКЕВИЧА 10 партизан.

Об этом арестованный МИЛАШЕВСКИЙ показал:

«Я вынужден признать, что нападение на советских партизан было совершено, согласно приказу “Свирь”, и это явилось как бы началом деятельности, направленной против советских партизан.

Должен добавить, что, если в первый период существования польского отряда, организованного мною, взаимоотношения с советскими партизанскими отрядами были нормальными и мы все действия с ними согласовывали, то после переформирования его в 331 польский батальон и прихода к руководству “Свиря”, ПЕЛКА и других взаимоотношения с советскими партизанами резко ухудшились, стычки солдат польского батальона с ними участились, хотя лично я и ПЕЛКА старались показать видимость наших хороших с ними взаимоотношений».

Польская подпольная печать, как заявил БОБРОВНИЦКИЙ, ведя пропаганду за установление польских границ в пределах до 1939 года, использовала выступление ЧЕРЧИЛЛЯ в связи с гибелью СИКОРСКОГО, заявляя, что якобы ЧЕРЧИЛЛЬ обещал гарантии восточных границ Польши.

Об этом арестованный БОБРОВНИЦКИЙ показал:

«Речь ЧЕРЧИЛЛЯ, произнесенная им в связи с гибелью СИКОРСКОГО, была использована в подпольной печати “армии крайова” в антисоветских целях. Я лично читал в одной из газет,

что якобы ЧЕРЧИЛЛЬ заверил польский народ в том, что Англия верна всем взятым ею обязательствам, в том числе и обязательствам по гарантии восточных границ Польши до 1939 года».

Наряду со строевой и тактической подготовкой в отрядах “армии крайова” проводится также и специальная подготовка кадров подрывников, намеченных к использованию их для совершения диверсий в период выступления “армии крайова” против частей Красной Армии.

Касаясь подготовки этих кадров, арестованный поручик КОХУТНИЦКИЙ показал:

«В Варшаве я окончил полуторамесячные курсы по изучению методов диверсионной работы, которыми руководил СЕТКОВИЧ.

Командуя ротой в польском батальоне № 331, я от “Свирь” получил задание готовить для проведения диверсионной деятельности не отдельные группы, а целиком 2-ю роту и в момент выступления против Красной Армии взорвать железнодорожный мост на линии Стобцы – Кайданово».

При этом представляю следующие русские переводы с польских документов, изъятые при разоружении 331 польского батальона.

1. Журнал «Свит Польски» № 13 от 16.IX.1943 года, являющийся официальным органом руководства подпольной борьбы Новогрудского воеводства, в котором помещены: «Воззвание к крестьянам» и «Воззвание к рабочим», подписанные представителем польского правительства в Лондоне в Новогрудском воеводстве, а также статья «Предостережение», подписанная руководителем подпольной борьбы.

2. Приказ командующего «армии крайова».

3. Руководящее указание подпольного коменданта Столбцовского района «Свирь», написанное им собственноручно.

4. Предписание «коменданту округа СЛУП».

Кроме того, при разоружении польского батальона были также изъяты хранившиеся вместе со всеми остальными документами несколько документов антисоветского характера на русском языке и среди них «Крестьяне пограничной полосы», подписанный польским комиссаром безопасности Виленской земли – СОКОЛ, «Объявление» от имени управления подпольной борьбы и обращение «к полякам», датированное июнем 1943 года.

Копии этих документов при этом также представляю.

АБАКУМОВ

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 269. Л. 32–41. Подлинник. Машинопись. Здесь перепечатывается с сайта http://

Спецсообщение В.С. Абакумова – И.В. Сталину о А.П. Тимошенко с приложением протокола допроса

05.10.1944
№ 551/А
Копия
Совершенно секретно
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
товарищу СТАЛИНУ

При этом представляю протокол допроса арестованного ТИМОШЕНКО Афанасия Прокофьевича, являющегося племянником Маршала Советского Союза *С.К. ТИМОШЕНКО*.

ТИМОШЕНКО Афанасий сознался, что, проживая на оккупированной противником территории Одесской области, он некоторое время являлся начальником районной полиции, а затем был завербован шефом румынской жандармерии ШТЕФАНЕСКУ, по заданию которого выявлял партизан, коммунистов и лиц, враждебно настроенных против оккупантов.

Незадолго до освобождения Одесской области от румынских оккупантов с ТИМОШЕНКО А.П. дважды встречался приезжавший из Бухареста офицер сигуранцы ДРАГУЛЕСКУ.

Как показал ТИМОШЕНКО А.П., он сообщил офицерам немецкой и румынской разведки известные ему данные о Маршале ТИМОШЕНКО.

Кроме того, ТИМОШЕНКО А.П. рассказал, что вместе с ним на оккупированной противником территории находилась сестра Маршала ТИМОШЕНКО – КУЗЮМА А.К., которая допрашивалась немцами и румынами о С.К. ТИМОШЕНКО и так же, как и он (ТИМОШЕНКО А.П.), не подвергалась репрессиям со стороны оккупационных властей. На основании этого ТИМОШЕНКО А.П., учитывая отношение к нему со стороны румын, высказал предположение, что, возможно, КУЗЮМА А.К. также сотрудничала с румынской разведкой.

Характерно, что в мае с.г., после освобождения Одесской области, КУЗЮМА А.К. приезжала в Москву к С.К. ТИМОШЕНКО и гостила у него на даче. В период пребывания на даче С.К. ТИМОШЕНКО и КУЗЮМА вели между собой продолжительные беседы, специально выходя для этого из помещения, вследствие чего зафиксировать их разговоры оперативной техникой не удалось. Об этом Вам было доложено 5 июля с.г. № 033/А.

За КУЗЮМА А.К. устанавливаем агентурное наблюдение.

В целях более тщательного выяснения шпионских заданий, полученных от румын ТИМОШЕНКО А.П., а возможно и КУЗЮМА А.К., – органам «СМЕРШ», находящимся в Румынии, дано указание о выявлении ДРАГУЛЕСКУ и ШТЕФАНЕСКУ и секретном их изъятии.

Допрос ТИМОШЕНКО А.П. продолжается.

АБАКУМОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА арестованного ТИМОШЕНКО Афанасия Прокофьевича от 4 октября 1944 года

ТИМОШЕНКО (ЧАБАН) А.П., 1908 года рождения, Уроженец села Фурманка Килийского района Измаильской области, с 1940 года гражданин СССР, беспартийный, из крестьян.

ВОПРОС: Следствие располагает данными о вашей преступной деятельности в период пребывания на временно оккупированной противником территории.

Дайте об этом показания.

ОТВЕТ: Проживая на оккупированной румынскими войсками территории Одесской области, я с декабря 1942 и до февраля 1943 года состоял на службе у румын в качестве шефа полиции в районном центре Саврань и одновременно использовался жандармерией как переводчик румынского языка.

ВОПРОС: При каких обстоятельствах вы оказались на оккупированной противником территории?

ОТВЕТ: Перед войной я проживал по месту своего рождения в селе Фурманка Измаильской области, куда прибыл из Румынии в начале июля 1940 года, в период освобождения Бессарабии Советским Союзом.

С началом Отечественной войны я вместе с другими своими родственниками эвакуировался в село Изобильное Орджоникидзевского края.

В августе 1942 года район, в котором я проживал, был оккупирован противником, и выехать оттуда я не успел.

Остался на стороне противника я против своего желания, тем более что, являясь родственником Маршала Советского Союза С.К. ТИМОШЕНКО, я опасался репрессий со стороны немцев и румын.

ВОПРОС: В каких родственных отношениях вы находитесь с Маршалом ТИМОШЕНКО?

ОТВЕТ: Я являюсь племянником С.К. ТИМОШЕНКО, а оставшаяся вместе со мной на оккупированной противником территории моя тетя КУЗЮМА Анастасия Константиновна

является родной сестрой Маршала ТИМОШЕНКО.

ВОПРОС: Немцы знали, что вы являетесь родственником С.К. ТИМОШЕНКО?

ОТВЕТ: Я скрывал от немецких и румынских властей, что являюсь родственником С.К. ТИМОШЕНКО. Учитывая, что многие жители села Изобильное знали о моем родстве с ним, я и мои родные в сентябре 1942 года выехали в Бессарабию, где, как я полагал, мне удастся избежать репрессий.

По пропуску, полученному в немецкой комендатуре, мы доехали до гор. Тирасполя, где были задержаны и заключены в лагерь.

На допросах в этом лагере я вынужден был сознаться, что являюсь племянником Маршала ТИМОШЕНКО.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Вы по собственной инициативе заявили в Тирасполе румынам о своем родстве с С.К. ТИМОШЕНКО.

Почему вы это сделали?

ОТВЕТ: Я заявляю, что не сознавался в этом до тех пор, пока на допросе в Тирасполе мне не предъявили документов, изобличающих меня в родстве с ТИМОШЕНКО.

ВОПРОС: Вы лжете. Ваша жена ТИМОШЕНКО М.А. показала, что вы заранее договорились между собой о том, чтобы заявить румынским властям о своем родстве с С.К. ТИМОШЕНКО.

С какой целью вы сейчас это скрываете?

ОТВЕТ: Я сказал неправду. Действительно, в Тирасполе я и жена договорились, чтобы не скрывать больше от румынских властей свое родство с С.К. ТИМОШЕНКО, так как опасались, что румыны станут проверять меня по месту рождения, установят, что я являюсь родственником Маршала, и тогда могут нас расстрелять. Поэтому мы решили, что если на допросе от меня снова будут добиваться признания, то я сознаюсь в том, что являюсь его племянником.

Так я и поступил. Когда меня в начале ноября 1942 года вызвали в лагере на допрос, то я сознался перед румынскими офицерами и также сообщил им, что вместе со мной находится родная сестра ТИМОШЕНКО – КУЗЮМА А.К. Ее вызвали на допрос, и она подтвердила мои показания.

ВОПРОС: Румыны требовали от вас подробных сведений о С.К. ТИМОШЕНКО?

ОТВЕТ: Нет, в этот раз меня о С.К. ТИМОШЕНКО не расспрашивали, однако на следующем допросе от меня потребовали рассказать подробно о нем.

ВОПРОС: Какие данные вы сообщили румынам о маршале ТИМОШЕНКО?

ОТВЕТ: Примерно 20-го ноября я был снова вызван на допрос, на котором кроме румынских офицеров присутствовали также и немецкие.

Во время допроса от меня настойчиво требовали известные мне данные о С.К. ТИМОШЕНКО.

Интересовались, где он живет, есть ли у него семья, где находится он в настоящее время и виделся ли я с ним, а также имел ли с маршалом ТИМОШЕНКО переписку.

Я ответил, что место пребывания С.К. ТИМОШЕНКО мне неизвестно, но постоянно он проживает в Москве, в Кремле, переписки с ним не имел и давно его не видел.

На это допрашивавший меня румынский офицер заявил, что я говорю неправду, так как в 1940 году С.К. ТИМОШЕНКО приезжал в село Фурманка, где я его бесспорно видел.

Подтвердив, что маршал действительно приезжал в Фурманку в начале июля 1940 года, я объяснил, что с ним не виделся, так как в то время меня в селе не было. Остальные родственники, проживавшие в себе Фурманка, имели встречи с маршалом во время его пребывания на родине.

Сказал, что у него есть жена и дети, причем на заданный мне вопрос, является ли жена С.К. ТИМОШЕНКО уроженкой Бессарабии, я ответил, что она не бессарабка, но откуда родом, мне неизвестно.

Тогда меня спросили, приезжала ли жена ТИМОШЕНКО или кто-нибудь из его семьи в Фурманку, на что я дал отрицательный ответ.

После этого у меня допытывались, кто из родственников ТИМОШЕНКО, проживавших в Бессарабии, ездил к Маршалу в Москву.

Сперва я ответил, что никто из родственников у С.К. ТИМОШЕНКО в Москве не был, однако, прервав меня, офицер стал кричать, что я вру, так как им известно о поездке в Москву брата Маршала – Ефима ТИМОШЕНКО.

В связи с этим я вынужден был подтвердить, что Ефим действительно в 1940 году ездил к С.К. ТИМОШЕНКО и некоторое время гостил у него в Москве.

Офицер стал настойчиво требовать от меня данных о местонахождении в настоящее время Ефима, но я этого не знал и сообщил лишь, что Ефим эвакуировался в тыл Советского Союза, а куда именно – мне неизвестно.

Кроме того, у меня добивались показаний, почему я эвакуировался в начале войны из Бессарабии, а затем остался на оккупированной территории и теперь снова возвращаюсь в Бессарабию. При этом меня называли «советским агентом»,

«большевиком», избивали и грозили расстрелять или отправить в Германию.

После допроса вызвали мою тетю КУЗЮМА А.К., но о чем ее допрашивали, я не знаю.

ВОПРОС: А с вами что сделали?

ОТВЕТ: Никаких репрессий ко мне больше не применяли, а на другой день под охраной отправили из Тирасполя в Балту вместе с другими бессарабцами и украинцами.

Из Балты я с женой были направлены в группе до 30 человек в районный центр Одесской области – село Саврань, а моя тетя – КУЗЮМА А.К., в числе других, послана в райцентр Песчаны, где, как я уже потом узнал, она устроилась в качестве рабочей в столовую претуры (районное управление).

Прибывших со мной в с. Саврань послали работать в разные колхозы, я же был оставлен в Саврани, где сначала работал в колхозе, а затем меня взяли на службу в полицию.

ВОПРОС: Кто вас взял на службу в полицию?

ОТВЕТ: Когда 23 ноября 1942 года мы прибыли в с. Саврань, шеф жандармерии ПЕТРЕСКУ, услышав, что я говорю по-румынски, заявил мне: «Ну вот, будешь хороший полицейский». На мои возражения, что я не смогу работать в полиции, так как страдаю болезнями, ПЕТРЕСКУ ответил: «Ну ничего, тогда будешь у меня переводчиком». Тут же он дал распоряжение оставить меня в Саврани и предоставить мне квартиру. Мне же он велел через каждые три дня являться к нему в жандармерию для регистрации.

Выполняя приказание ПЕТРЕСКУ, я несколько раз являлся к нему в жандармерию для регистрации.

В середине декабря ПЕТРЕСКУ вызвал меня к себе и объявил, что я назначаюсь полицейским. Я пытался отказаться, но ПЕТРЕСКУ категорически настаивал и грозил расправиться со мной, если я не соглашусь. Я испугался его угроз и дал согласие служить в полиции, а вскоре и приступил к своим обязанностям.

Таким образом, с 23 декабря 1942 года и до февраля 1943 года я служил в качестве полицейского в селе Саврань.

ВОПРОС: Разве вы были рядовым полицейским?

ОТВЕТ: Нет, я был назначен шефом полиции в селе Саврань, и у меня в подчинении было 7 полицейских.

ВОПРОС: ПЕТРЕСКУ знал, что вы родственник маршала ТИМОШЕНКО?

ОТВЕТ: Да, он знал об этом по документам, которые были доставлены в Саврань жандармом, сопровождавшим нас из Балты.

ВОПРОС: Почему же вас назначили шефом полиции?

ОТВЕТ: Я не могу объяснить этого. ПЕТРЕСКУ сразу же, как

только увидел меня в первый раз, заявил мне, что я буду служить в полиции.

Через несколько дней, возможно, после того, как ПЕТРЕСКУ ознакомился с документами, которые были присланы из Балты, он в разговоре со мной спросил, почему я ему не сообщил о том, что я племянник С.К. ТИМОШЕНКО. Однако после этого ПЕТРЕСКУ не изменил своего решения и назначил меня шефом полиции.

ВОПРОС: Вы даете ложные объяснения. Румынские власти, несмотря на то что знали о вашем родстве с маршалом ТИМОШЕНКО, не только не репрессировали вас, а назначили шефом полиции.

Предлагаем говорить правду.

ОТВЕТ: Я ничего не скрываю от следствия, но не могу объяснить, почему я не был репрессирован румынскими властями, а назначен шефом полиции.

ВОПРОС: Под какой фамилией вы служили шефом полиции в Саврани?

ОТВЕТ: Сначала я служил шефом полиции под своей настоящей фамилией ТИМОШЕНКО, но примерно числа 14 января 1943 года ПЕТРЕСКУ вызвал меня к себе и предложил мне сменить фамилию.

С этого момента я значился под фамилией ЧАБАН. Впоследствии, летом 1943 года, когда происходила перерегистрация документов, мне на фамилию ЧАБАН выдали новый паспорт.

ВОПРОС: Почему ПЕТРЕСКУ предложил вам сменить фамилию?

ОТВЕТ: Как объяснил мне ПЕТРЕСКУ, фамилию ТИМОШЕНКО мне необходимо было сменить на другую для того, чтобы избежать возможных недоразумений и неприятностей со стороны румын или немцев, приезжавших в Саврань.

ВОПРОС: Какие обязанности вы выполняли, будучи шефом полиции?

ОТВЕТ: Являясь шефом полиции, я ежедневно выделял дежурных полицейских в претуру и в ночной обход по селу, назначал людей для охраны колхозных складов, проводил сбор налогов, выполнял распоряжения претуры о мобилизации на работы местных жителей и транспорта, рассылал в колхозы предписания претуры о сдаче мяса и курей.

Кроме того, по приказанию ПЕТРЕСКУ я одновременно, как знающий румынский язык, являлся переводчиком при претуре.

ВОПРОС: Вы участвовали в обысках и арестах, производимых жандармерией?

ОТВЕТ: Да, я как шеф полиции по указанию ПЕТРЕСКУ привлекался к участию в обысках, которые производили жандармы.

Так, в январе 1943 года я вместе с жандармами производил обыск у местного жителя ГУМЕННОГО, на которого поступили данные о том, что в его доме спрятаны несколько винтовок, револьвер и патроны.

При обыске у ГУМЕННОГО мы нашли револьвер и патроны, после чего он был арестован жандармерией.

Должен заявить, что на протяжении всего времени службы в полиции я тяготился выполняемой мною работой и неоднократно просил ПЕТРЕСКУ освободить меня от службы в полиции.

ПЕТРЕСКУ сначала не соглашался удовлетворить мою просьбу, но 1 февраля 1943 года, когда я вновь обратился к нему, он, рассердившись, сорвал с меня полицейскую повязку, отобрал удостоверение, и с этого времени я в полиции больше не служил.

ВОПРОС: Чем вы занимались после ухода со службы в полиции?

ОТВЕТ: После ухода со службы в полиции я долго болел и ничем не занимался, а с апреля 1943 года был назначен продавцом в продуктовый магазин в Саврани.

В этом магазине я проработал вплоть до марта 1944 года, когда румыны были изгнаны из Саврани.

ВОПРОС: Кто вас назначил продавцом в магазин?

ОТВЕТ: Продавцом в продуктовый магазин меня назначил претор НИКУЛЕСКУ Дмитрий, которому я непосредственно и подчинялся.

Должен сказать, что я по существу исполнял обязанности заведующего магазином, так как отвечал лично сам за работу магазина и подписывал все документы.

ВОПРОС: С жандармерией вы связь продолжали поддерживать?

ОТВЕТ: После того как я был снят с должности шефа полиции, я никакого отношения к жандармерии не имел и связи с ней не поддерживал.

ВОПРОС: А в качестве переводчика вы использовались жандармерией?

ОТВЕТ: Да, один раз в начале декабря 1943 года я действительно присутствовал в жандармерии в качестве переводчика на допросе СОПИНА Петра, проживавшего в селе Саврань.

ВОПРОС: Значит, связь с жандармерией вы продолжали поддерживать и после ухода со службы в полиции?

ОТВЕТ: Нет, связи с жандармерией я не поддерживал, а

участие мое в допросе СОПИНА произошло при следующих обстоятельствах:

СОПИН явился ко мне на квартиру, хотя я знал его до этого очень мало, и заявил, что я должен остерегаться, так как меня хотят убить.

На мой вопрос о том, кто хочет меня убить и за что, СОПИН ответил, что в Саврани есть бандиты, которые именуют себя партизанами. Они намереваются, по его словам, убить меня, считая, что я связан с жандармерией и что по моему доносу жандармы якобы убили военнопленного ЧУБА. Мне было известно, что ЧУБ служил в полиции, затем был за что-то арестован жандармерией, но через некоторое время освобожден. Я об убийстве ЧУБА ничего не знал и в жандармерию на него не доносил.

Поэтому я удивился заявлению СОПИНА и пытался узнать у него, кто именно грозит убить меня. Однако СОПИН ничего определенного мне не сказал, а со злобой стал говорить о жителях Саврани ПОСТУПАЛЬСКОМ, МАЦЫПУРЕ и РОМАНЮКЕ, называя их бандитами, которых нужно уничтожить, так как нельзя допустить, чтобы из-за них страдали невинные люди. По его словам, партизаны убьют 2–3 румын, а за это жандармы перебьют ни в чем не повинных людей.

При этом СОПИН мне заявил, что он должен переговорить с шефом жандармерии, и просил меня устроить ему свидание с ним в моей квартире.

Не желая связываться с жандармерией, я отказался выполнить просьбу СОПИНА.

В ту же ночь, после ухода СОПИНА, ко мне в квартиру неожиданно явились жандармы и арестовали меня.

ВОПРОС: Вы и здесь пытаетесь ввести следствие в заблуждение. Никто вас не арестовывал, а вы сами явились в жандармерию и заявили о том, что было сообщено СОПИНЫМ. Расскажите об этом.

ОТВЕТ: Признаю, я пытался скрыть от следствия, что после ухода СОПИНА я немедленно явился к шефу жандармерии ШТЕФАНЕСКУ (назначен после ухода ПЕТРЕСКУ) и сообщил ему о своем разговоре с СОПИНЫМ.

После моего заявления ШТЕФАНЕСКУ приказал мне и двум жандармам разыскать и привести к нему СОПИНА.

Будучи доставлен в жандармерию, СОПИН на допросе рассказал ШТЕФАНЕСКУ о существовании в Савранском районе подпольной советской группы, имеющей оружие, и выдал более 20 ее участников.

ШТЕФАНЕСКУ предложил мне переводить показания

СОПИНА на румынский язык, и, таким образом, я присутствовал на этом допросе в качестве переводчика.

После допроса я ушел домой, СОПИН также был отпущен, а на другой день жандармерия начала производить аресты в Саврани.

ВОПРОС: Значит, вы вместе с СОПИНЫМ предали подпольную советскую группу, существовавшую в Саврани?

ОТВЕТ: Да, это так. Я стал соучастником предательства СОПИНА, но поступил так потому, что опасался за свою жизнь.

ВОПРОС: А не потому ли, что вы выполняли задание румынской жандармерии?

ОТВЕТ: Никаких заданий от румынской жандармерии я не получал.

ВОПРОС: Перестаньте лгать. Говорите, когда вы установили преступную связь с жандармерией?

ОТВЕТ: Я упорно скрывал от следствия факт своей вербовки румынской жандармерией, но теперь решил рассказать правду.

Я действительно с декабря 1943 года являлся агентом румынской жандармерии, имел задание выявлять в Саврани коммунистов, партизан и лиц, настроенных против румынских властей.

ВОПРОС: Кем вы были завербованы в качестве агента жандармерии?

ОТВЕТ: Еще задолго до вербовки для меня было ясно, что жандармерия хочет использовать меня, и по этой причине я не только не был репрессирован после того, как сознался в своем родстве с маршалом ТИМОШЕНКО, а, наоборот, освобожден из лагеря и назначен на должность шефа полиции.

В январе 1943 года бывший шеф жандармерии ПЕТРЕСКУ мне говорил, что я многим обязан румынам и должен искупить перед ними свою вину.

Хотя я и не был завербован тогда ПЕТРЕСКУ, но жандармерия считала меня доверенным человеком, так как несколько раз жандармы приходили ко мне и интересовались сведениями о местных жителях, настроенных против румын.

В начале декабря 1943 года, после того как я донес в жандармерию на СОПИНА и участвовал в его допросе, шеф жандармерии ШТЕФАНЕСКУ предложил мне выявлять среди местных жителей Саврани партизан, коммунистов и других лиц, проводящих какую-либо работу против румын.

Я пытался отказаться, говорил, что не смогу выявлять таких лиц, так как я не местный житель и никого в Саврани не знаю. Однако ШТЕФАНЕСКУ настаивал на своем, заявил мне, что я уже связан с жандармерией, поскольку донес на СОПИНА, и

пригрозил, что если я не дам ему согласие выполнять задания жандармерии, то буду арестован и уничтожен.

Использовав это обстоятельство, ШТЕФАНЕСКУ заставил меня дать ему согласие выполнять задания жандармерии в качестве ее секретного агента.

ВОПРОС: Вы дали об этом подписку ШТЕФАНЕСКУ?

ОТВЕТ: Нет, такой подписки ШТЕФАНЕСКУ от меня не требовал, но после допроса СОПИНА я дал подписку, что под угрозой смерти обязуюсь никому не говорить о том, что происходило на допросе СОПИНА и какие показания он дал.

ВОПРОС: Какую предательскую работу вы провели по заданиям жандармерии?

ОТВЕТ: После вербовки ШТЕФАНЕСКУ предупредил, что со мной будет поддерживать связь жандарм АЛЬБУ, который присутствовал при нашем разговоре.

Дня через три АЛЬБУ явился ко мне в магазин и, назвав фамилии ряда местных жителей, которыми интересовалась жандармерия, предложил тщательно следить за ними, выявлять их настроения и установить – не связаны ли они с партизанами.

Я обещал АЛЬБУ выполнить это задание.

В последующем при встречах с АЛЬБУ я сообщал ему выявленные мною данные о настроениях этих лиц, однако установить их связь с партизанами мне не удалось, чем АЛЬБУ остался недоволен.

В конце января 1944 года меня вызвали в претуру с отчетными документами по магазину. Как оказалось, это было лишь предлогом для вызова меня к прибывшему в Саврань румынскому офицеру ДРАГУЛЕСКУ.

Претор познакомил меня с ним и сказал, что ДРАГУЛЕСКУ хочет поговорить со мной наедине. Последний предложил мне незаметно пройти в помещение лесничества, где он намеревался со мной разговаривать.

Когда я явился в лесничество, ДРАГУЛЕСКУ заявил мне, что он прибыл из Бухареста и является представителем сигуранцы, стал интересоваться моей работой как агента жандармерии.

Должен сказать, что ДРАГУЛЕСКУ был полностью осведомлен о моей работе, так как в разговоре упоминал дело СОПИНА и связанных с ним участников подпольной советской группы в Саврани.

После того как я ему подробно рассказал о своей работе в жандармерии, ДРАГУЛЕСКУ меня отпустил.

ВОПРОС: А какие задания вы получили от ДРАГУЛЕСКУ?

ОТВЕТ: Никаких заданий от ДРАГУЛЕСКУ в этот раз я не получал, но через месяц, в конце февраля, когда ДРАГУЛЕСКУ

снова приехал в Саврань, он во время встречи со мной поручил выявлять, какие разговоры ведутся среди местных жителей в связи с успешным наступлением частей Красной Армии, кто из жителей Саврани хочет избежать эвакуации и ожидает прихода советских войск.

После этого ДРАГУЛЕСКУ я больше не видел, так как вскоре началась эвакуация румын из Саврани.

ВОПРОС: Вы также эвакуировались из Саврани с румынами?

ОТВЕТ: Я был вынужден выехать из Саврани, так как меня заставили это сделать жандармы.

Еще в Саврани я пытался избежать эвакуации, заявив, что не могу выехать из-за отсутствия транспорта. Тогда по приказанию шефа жандармерии мне была предоставлена повозка и 3 лошади, после чего отказаться от поездки я уже не смог.

Однако в пути я умышленно отстал от жандармов, пробрался к месту жительства моей тети КУЗЮМА А.К. в село Песчаны, где и остался ожидать прихода частей Красной Армии.

ВОПРОС: Неправда. Вы были специально оставлены ДРАГУЛЕСКУ на освобожденной частями Красной Армии территории.

Какие задания вы от него получили?

ОТВЕТ: Я остался в селе Песчаны ожидать прихода Красной Армии по собственной инициативе и никаких заданий от ДРАГУЛЕСКУ не получал.

ВОПРОС: Ранее вы показали, что ваша тетя КУЗЮМА А.К. допрашивалась в Тирасполе немецким и румынским офицерами, но скрываете ее преступные связи. Говорите об этом.

ОТВЕТ: Как я уже показал, находясь в лагере в Тирасполе, я в ноябре 1942 года сознался на допросе, что являюсь родственником С.К. ТИМОШЕНКО, и показал, что вместе со мной в лагере находилась его родная сестра КУЗЮМА А.К.

После этого КУЗЮМА дважды допрашивалась немецкими и румынскими офицерами.

Со слов КУЗЮМА мне было известно, что на допросах ее подробно расспрашивали о маршале ТИМОШЕНКО, но какие дала показания о нем, она мне не говорила.

То обстоятельство, что моя тетя КУЗЮМА А.К. так же, как и я, была освобождена из лагеря, направлена на работу в претуру и впоследствии не репрессировалась румынскими властями, дает основание полагать, что, возможно, она также была завербована румынами, но об этом мне неизвестно.

ВОПРОС: Вы пытаетесь выгородить КУЗЮМУ и умалчиваете о заданиях, которые вам дал ДРАГУЛЕСКУ. Об этом вы еще будете подробно допрошены.

Показания с моих слов записаны правильно, протокол мною прочитан.

ТИМОШЕНКО

ДОПРОСИЛ:

зам. нач. отдела Главного управления «СМЕРШ»

подполковник БЕЛОУСОВ

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 256. Л. 77–93. Подлинник. Машинопись.

Примечание: А.П. Тимошенко в июле 1940 г. решением Особого совещания был приговорен к 10 годам заключения по обвинению в измене Родины. Освобожден в ноябре 1954 г.

Здесь перепечатывается с сайта http://www.alexanderyakovlev.org/

Спецсообщение В.С. Абакумова – И.В. Сталину и В.М. Молотову об «агенте» английской разведки П.М. Гусеве с приложением протокола допроса

18.10.1944
№ 566/А
Совершенно секретно
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
Товарищу СТАЛИНУ
Товарищу МОЛОТОВУ

При этом представляю протокол допроса арестованного агента английской разведки ГУСЕВА П.М., являвшегося секретарем советского военного атташе в Швеции, – о чем Вам было доложено 1 октября с.г. за № 547/А.

Особого внимания заслуживают показания ГУСЕВА о наличии среди сотрудников советского посольства в Швеции иностранцев – шведов, норвежцев и немцев, которые в своем большинстве составляют близкое окружение посла КОЛЛОНТАЙ и пользуются ее покровительством.

ГУСЕВ также показал, что среди этих лиц ему известен агент шведской полиции, а также, что ряд других иностранцев, работающих в посольстве, по-видимому, подставлены шведской полицией или германской разведкой в целях шпионажа.

АБАКУМОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА арестованного ГУСЕВА Петра Михайловича от 18 октября 1944 года

ГУСЕВ П.М., 1907 года рождения, уроженец гор. Ленинграда, русский, гр-н СССР, бывший член ВКП(б), с высшим образованием, в 1939 году окончил Военную академию имени Фрунзе, бывший секретарь советского военного атташе в Стокгольме (Швеция), майор Красной Армии.

ВОПРОС: На допросе 30 сентября с.г. вы показали, что являлись агентом английской разведки, однако не рассказали о всех своих шпионских связях. Говорите об этом.

ОТВЕТ: На предыдущем допросе я признался, что в бытность мою секретарем военного атташе СССР в Швеции я в июле 1943 года был завербован английской разведкой для шпионской деятельности против Советского Союза и тогда же передал английским разведчикам ХЕНИНГСЕНУ и РОБЕРТУ сведения об

агентах, состоявших у меня на связи, а также о тех советских агентах, которых военная миссия подготовляла для переброски в Норвегию.

В марте 1944 года мною были переданы английской разведке характеристики на вновь прибывших сотрудников в аппарат советского военного атташе.

О совершенных мною преступлениях и об английских шпионах, с которыми я был связан, я дал ранее исчерпывающие показания, и мне больше рассказывать нечего, но должен заявить, что в Советском посольстве в Стокгольме работает сотрудник, который является агентом шведской полиции.

ВОПРОС: Назовите фамилию этого сотрудника.

ОТВЕТ: ВЫСТРЕМ – шведский подданный, по национальности швед, работающий личным шофером советского посла КОЛЛОНТАЙ Александры Михайловны.

ВОПРОС: Откуда вам известно, что ВЫСТРЕМ сотрудничает со шведской полицией?

ОТВЕТ: В августе 1943 года шведской полицией в Стокгольме были арестованы советские агенты – местные жители КАЦ Михаил и его сын КАЦ Ленарт, поддерживавшие через имевшуюся у них радиостанцию непосредственную связь с Главным Разведывательным Управлением Красной Армии.

Чтобы выяснить обстоятельства их ареста, я встретился с женой КАЦ Михаила. В беседе она рассказала, что после суда имела свидание со своим мужем, который передал для меня книгу.

Понимая, что книга передана мне с целью, я, возвратившись в посольство, стал изучать ее вместе с военным атташе полковником НИКИТУШЕВЫМ и его помощником подполковником ПЕНЮГИНЫМ.

Через лупу нам удалось заметить, что некоторые буквы отмечены точками.

Прочитав по порядку эти буквы, мы узнали, что КАЦ был арестован шведами после того, как шведские радиостанции государственного телеграфа, генштаба и полиции запеленгировали его работу по рации с Москвой.

КАЦ также предупреждал, что на суде по его делу ему стало известно, что швед, работающий шофером в советском посольстве, является агентом шведской полиции, который донес о его, КАЦА, посещениях посольства.

Хотя фамилии шофера КАЦ не указал, но было ясно, что его сообщение относится к ВЫСТРЕМ – единственному шведу среди шоферов. Все остальные шофера были русскими.

ВОПРОС: ВЫСТРЕМ был уволен из посольства?

ОТВЕТ: Нет, когда я 15 июня 1944 года выезжал из Стокгольма в Москву, ВЫСТРЕМ продолжал исполнять обязанности шофера посла.

Необходимо указать, что ВЫСТРЕМ пользуется поддержкой у КОЛЛОНТАЙ, имеет свободный доступ в здание посольства, часто его можно видеть у дверей кабинетов советников, секретарей и других сотрудников посольства и военной миссии.

После сообщения КАЦ я понял, что ВЫСТРЕМ это делал не случайно, а по заданию шведской полиции вел наблюдение за работниками советского посольства.

Кроме ВЫСТРЕМ, в посольстве работали и другие иностранцы, которые, видимо, подставлены шведской полицией или германской разведкой в целях шпионажа.

ВОПРОС: О каких иностранцах вы говорите?

ОТВЕТ: В советском посольстве в Стокгольме до последнего времени работало несколько шведов, норвежцев и даже немцев.

Эти иностранцы составляют личное окружение КОЛЛОНТАЙ, пользуются ее покровительством и, несмотря на то что все эти лица не внушают доверия, работают при посольстве по несколько лет.

Работники посольства удивлялись, почему КОЛЛОНТАЙ окружила себя иностранцами, и в частности почему у нее пользуются доверием немцы.

Например, няней у посла работает немка ДАББЕРТ Эмма, которая пользуется особым покровительством КОЛЛОНТАЙ, имеет доступ в ее служебный кабинет и почти неотлучно находится с ней. ДАББЕРТ выезжала вместе с КОЛЛОНТАЙ в Сольчебаден (под Стокгольмом), где в одной из гостиниц происходили встречи ПААСИКИВИ с КОЛЛОНТАЙ по вопросу заключения перемирия между СССР и Финляндией.

Личной прислугой КОЛЛОНТАЙ работает норвежка РАНТЕ Равик, которая долгое время живет в посольстве, пользуется правом свободного хождения по всему зданию и имеет возможность наблюдать за всеми, кто посещает советское посольство и военного атташе. Зачастую ее можно было видеть на 2-м и 4-м этажах, где размещались военный и морской атташе, шифровальная, а также квартира посла.

Из наблюдений за поведением этой прислуги у меня сложилось определенное мнение, что РАНТЕ Равик по чьим-то указаниям следит за работниками посольства.

До конца 1943 года уборщицей посольства работала некая шведка (фамилию не помню), которая должна была убирать помещение до начала работы, однако ее каждый день можно было встретить в здании в дневное время.

Не менее подозрительным лицом является работающий в посольстве в качестве адвоката швед БРАНТИНГ.

ВОПРОС: Что вам известно о БРАНТИНГ?

ОТВЕТ: В посольстве всем сотрудникам было известно, что БРАНТИНГ является членом шведской социал-демократической партии, которая всю войну занимала враждебную позицию к СССР и предсказывала поражение России в войне с Германией.

БРАНТИНГ являлся активным членом этой партии и в посольстве никакими правовыми вопросами не занимался, хотя и получал ежемесячно зарплату в 500 крон.

В конце 1942 года лично КОЛЛОНТАЙ ему дала единственное поручение – уладить конфликт, возникший между одним из домовладельцев Стокгольма и его жильцом – работником посольства. БРАНТИНГ провалил порученное ему дело, и работник посольства был демонстративно выселен из занимаемой им квартиры.

Сотрудник посольства ШЕКИН не раз удивлялся пребыванию БРАНТИНГА в посольстве и говорил мне: «За что такому прохвосту посол платит большие деньги? Если посольству нужен юрист, почему она не хочет пригласить его из Советского Союза».

Я лично, видя, как вокруг КОЛЛОНТАЙ группировались иностранцы, приходил к выводу, что она больше доверяет немецким и шведским специалистам, нежели русским. КОЛЛОНТАЙ 14 лет проживает в Швеции и в значительной степени оторвалась от советской действительности.

ВОПРОС: Какие основания вы имеете делать такое заявление?

ОТВЕТ: Я приведу конкретные примеры. В 1942 году к заведующему конторой «Интурист» в Стокгольме СИДОРЕНКО из Советского Союза приехала его жена, по специальности врач по детским болезням.

Узнав об этом, многие жены сотрудников посольства стали к ней обращаться за консультацией и приглашать для лечения детей. Женщины говорили, что обращаться к своему отечественному врачу удобнее. Когда об этом стало известно КОЛЛОНТАЙ, она вызвала СИДОРЕНКО и, как потом он мне рассказывал, сделала ему выговор за то, что он разрешает жене заниматься врачебной практикой, заявив, что шведские врачи являются хорошими и более опытными специалистами, чем русские, и поэтому надо пользоваться их услугами.

Когда СИДОРЕНКО возразил, что этого хотят сами матери детей, КОЛЛОНТАЙ запретила жене СИДОРЕНКО принимать больных.

Не чем иным, как только особым доверием, питаемым КОЛЛОНТАЙ к иностранцам, объясняется и тот факт, что в

детском саду, который существовал в 1942 году при посольстве, воспитательницей работала немка, немецкому языку посольских работников обучал немец и даже в кружке пения для жен сотрудников руководителем являлся также немец.

7 ноября 1943 года, когда хоровой кружок давал концерт, присутствовавшие в зале сотрудники и члены их семей были возмущены тем, что во время войны с Германией в советском посольстве в Стокгольме немец обучает советских граждан пению. К тому же, как мне известно, этот немец является офицером германской армии.

ВОПРОС: Как фамилия этого немца?

ОТВЕТ: Фамилия его ШТЕМПЕЛЬ.

ВОПРОС: Откуда вам известно, что ШТЕМПЕЛЬ офицер германской армии?

ОТВЕТ: Об этом мне говорил помощник военного атташе ПЕНЮГИН, который тогда же обратил мое внимание, что ШТЕМПЕЛЬ продолжает оставаться в Стокгольме несмотря на то, что большинство немцев выехало из Швеции в Германию в связи с мобилизацией в армию.

Необходимо указать, что у этого же ШТЕМПЕЛЯ брал уроки немецкого языка военный атташе полковник НИКИТУШЕВ.

Другой преподаватель немецкого языка – немка по имени Герта, ее фамилию не помню, давала уроки поверенному в делах СЕМЕНОВУ, советнику ВЕТРОВУ и шоферу ТРОИЦКОМУ. Она так же, как и ШТЕМПЕЛЬ, пользовалась расположением посла, которая рекомендовала ее всем, кто намерен был изучать немецкий язык.

Герта по указанию КОЛЛОНТАЙ в 1942 году являлась воспитательницей в детском саду.

Обращает внимание, что муж Герты – немец – не был мобилизован в германскую армию, несмотря на свой призывной возраст и всеобщую мобилизацию в Германии.

Только покровительство, которым пользуются эти немцы, норвежцы и шведы у КОЛЛОНТАЙ, дает им возможность оставаться в посольстве, а некоторым из них прощается даже вызывающее их поведение.

Так, в посольстве работает швед СТОРГ, числящийся переводчиком в пресс-бюро. Его хорошо знает КОЛЛОНТАЙ. 7-го ноября 1943 года на прием в советское посольство СТОРГ без разрешения привел двух членов шведской национал-социалистической партии.

По словам работника ТАСС – ПАВЛОВА, приведенные СТОРГОМ гости известны ему как ярые фашисты.

После того как был окончен официальный прием и в

посольстве остались только советские граждане, СТОРГ продолжал оставаться со своими друзьями-фашистами, и его пришлось просить, чтобы он ушел.

Учитывая это, на прием по случаю 25 годовщины Красной Армии я, рассылая приглашения, СТОРГУ его не послал, однако он явился на прием незваным и опять в сопровождении тех же друзей-фашистов, которые были с ним в первый раз. Засидевшись до 10 часов вечера, СТОРГ начал хулиганить, и его пришлось из посольства выдворять. КОЛЛОНТАЙ на эти факты не реагировала.

Надо сказать, что на приемах, устраиваемых в посольстве, бывают и другие лица, которые ведут себя ничем не лучше СТОРГА.

Ранее прихода других гостей в посольстве обычно появляется русская белоэмигрантка графиня ПОССЕ, знакомая КОЛЛОНТАЙ и, кроме нее, никому не известная, которая, пользуясь хорошим отношением к ней КОЛЛОНТАЙ, держит себя свободно.

Другим таким же, как и ПОССЕ, посетителем посольства является шведка НИЛЬСОН, именующая себя врачом, которая посещает КОЛЛОНТАЙ только во время завтраков и обедов.

ПОССЕ и НИЛЬСОН играют при КОЛЛОНТАЙ роль приживалок, и они в курсе разного рода дел, происходящих в посольстве.

Симпатии КОЛЛОНТАЙ к иностранцам в Стокгольме известны, и она не случайно пользуется у шведов авторитетом. Однако этот авторитет КОЛЛОНТАЙ снискала, по моему мнению, не как посол Советского Союза, а скорее как частное лицо.

В этом отношении показателен факт, когда министр иностранных дел Швеции ГЮНТЕР, известный своей враждебностью к Советскому Союзу и являвшийся организатором помощи немцам под прикрытием «нейтралитета», неоднократно частным порядком посещал КОЛЛОНТАЙ во время ее болезни.

Кроме этого ряд сотрудников посольства также, по моему мнению, не заслуживают оказываемого им доверия, так как они задерживались шведской полицией.

ВОПРОС: Кто из сотрудников посольства задерживался шведской полицией?

ОТВЕТ: В начале 1944 года было два случая задержания работников посольства шведской полицией, при этом как в одном, так и в другом случае задерживались лица, имевшие отношение к шифрам посольства.

В один из воскресных дней шифровальщик посольства СУРОГИН, после просмотра кинокартины в клубе посольства и обеда у курьера АФИНОГЕНОВА, отправился прогуляться по городу. В 2 часа ночи СУРОГИН возвратился в посольство в

опьяненном состоянии в сопровождении двух полицейских.

Все сотрудники посольства, с которыми мне приходилось об этом разговаривать, высказывали мнение, что СУРОГИНА к работе с шифрами допускать нельзя, тем не менее по распоряжению КОЛЛОНТАЙ он продолжительное время оставался на этой работе, а затем был переведен в Торгпредство.

Также в начале 1944 года, вскоре после случая с СУРОГИНЫМ, работающие в посольстве ПЕТРОВ и ПАВЛОВ во время одной из прогулок на автомашине задерживались полицией, и каким образом они были освобождены, мне неизвестно.

Об этом случае было доложено КОЛЛОНТАЙ, однако ПАВЛОВ был оставлен на работе в ТАСС, а ПЕТРОВ продолжал оставаться шифровальщиком.

Должен также сообщить, что в 1940 году, когда я прибыл на работу в Швецию, полковник НИКИТУШЕВ, знакомя меня с работой, говорил, чтобы я учитывал особенности характера КОЛЛОНТАЙ, которая, по его словам, со всеми сотрудниками любезна, но в то же время склонна сплетничать о них. Она, говорил НИКИТУШЕВ, хорошо относится только к некоторым сотрудникам, считающимся ее любимцами.

За более чем 4-х летнюю работу в посольстве я наблюдал, как некоторые сотрудники совершенно незаслуженно пользовались особым расположением посла.

В 1940 году на должность курьера охраны прибыл некий ВОЛЬФЕН, направленный за границу по просьбе его жены, работающей референтом в посольстве.

ВОЛЬФЕН снискал симпатию КОЛЛОНТАЙ не совсем обычным способом. Когда стало известно, что КОЛЛОНТАЙ в связи с ее 70-ти летием награждена орденом Трудового Красного Знамени, ВОЛЬФЕН рано утром собрал в посольстве из ваз все цветы и, когда КОЛЛОНТАЙ находилась еще в постели, преподнес их ей, поцеловав руку.

С этих пор, как заявил мне полковник НИКИТУШЕВ, КОЛЛОНТАЙ считала курьера ВОЛЬФЕНА самым культурным и образованным человеком в посольстве.

Пользуясь репутацией любимца КОЛЛОНТАЙ, ВОЛЬФЕН стал позволять себе насмешки над некоторыми ответственными работниками и, в частности, иронизировал советника СЕМЕНОВА. Полковник НИКИТУШЕВ тогда сделал ему замечание, на что ВОЛЬФЕН ответил грубостью.

Будучи близок к послу, ВОЛЬФЕН в то же время имел связь с подозрительными лицами.

ВОПРОС: С кем именно?

ОТВЕТ: В соседнем с посольством доме по ул. Виллагатен в Стокгольме проживала белоэмигрантка, фамилию которой я не знаю. На нее мы обратили внимание в связи с тем, что она все время проводила у окна, наблюдая за выходом из посольства. Из окон второго этажа посольства можно было заметить, что эта женщина хотя и делала вид, что занята вязаньем, однако периодически, когда открывалась дверь посольства, свою работу откладывала, брала в руки карандаш и делала какие-то записи.

Однажды вечером по приглашению курьера охраны КУДРЯВЦЕВА я посмотрел через окно внутрь помещения, где проживала эта белоэмигрантка, и увидел сидящего там за столом ВОЛЬФЕНА.

ВОПРОС: Где ВОЛЬФЕН находится сейчас?

ОТВЕТ: В августе 1944 года в Москве я встретил старшего помощника 2-го отделения Главного Разведывательного Управления майора СТАРОСТИНА, который некоторый период находился в Швеции и знал работников посольства.

СТАРОСТИН мне рассказал, что ВОЛЬФЕН устроился в институт иностранных языков Красной Армии преподавателем скандинавских языков. Оба мы этому удивились, так как знали, что ВОЛЬФЕН слабо владеет шведским языком.

Другим приближенным КОЛЛОНТАЙ являлся некий КАБАНКОВ, который работал заведующим шифровальной. КАБАНКОВ заслужил известность среди посольских работников как беспробудный пьяница.

В разговоре со мной секретарь посольства ГРАУР говорил, что КАБАНКОВА снять с работы нельзя – это запрещает КОЛЛОНТАЙ.

Доверенным лицом КОЛЛОНТАЙ является жительница Стокгольма Анна Ивановна ПЕТРОВА, которая обслуживает ее приемы, устраиваемые в посольстве.

Полковник НИКИТУШЕВ мне как-то говорил, что ПЕТРОВА очень подозрительна и не исключено, что она завербована шведской полицией. Какими фактами располагал НИКИТУШЕВ о ПЕТРОВОЙ, я не знаю.

Протокол с моих слов записан правильно и мной прочитан.

ГУСЕВ

ДОПРОСИЛ:

нач. отделен. следотдела Гл. упр. «СМЕРШ»

майор СОКОЛОВ

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 256. Л. 97—108. Подлинник. Машинопись.

Примечание:

Обвинение П.М. Гусева в работе на английскую разведку

оказалось сфальсифицированным. Впоследствии он был реабилитирован.

Здесь перепечатывается с сайта http://www.alexanderyakovlev.org/

Спецсообщение Л.П. Берии – И.В. Сталину О направлении в Белосток В.С. Абакумова, Л.Ф. Цанавы и Кривенко

29.10.1944
№ 1161/б
Копия
Совершенно секретно
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ —
товарищу СТАЛИНУ И.В.

В соответствии с данным Вами указанием по телеграмме тов. ПОНОМАРЕНКО в гор. Белосток для проведения необходимых мероприятий направляются тов. АБАКУМОВ и нарком государственной безопасности БССР тов. ЦАНАВА с группой ответственных работников «Смерш» НКО и НКГБ БССР.

Для обеспечения мероприятий, которые будут проводиться т.т. АБАКУМОВЫМ и ЦАНАВА, в Белосток перебрасываются 2 полка войск НКВД.

Войска прибудут на место к исходу для 31 октября 1944 года.

Таким образом, в Белостоке будут сосредоточены 3 полка войск НКВД общей численностью 4500 человек.

Для руководства войсками НКВД в Белосток командируется из НКВД СССР генерал-майор тов. КРИВЕНКО.

Все командируемые товарищи проинструктированы.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л. БЕРИЯ

ГА РФ. Ф. 9401 сч. Оп. 2. Д. 67. Л. 83а. Копия. Машинопись.
Здесь перепечатывается с сайта http://www.alexanderyakovlev.org/

Спецсообщение Л.П. Берии – И.В. Сталину, В.М. Молотову, Г.М. Маленкову с приложением докладной записки В.С. Абакумова и Л.Ф. Цанавы о борьбе с армией крайовой

09.11.1944
№ 1207/б

Совершенно секретно
Товарищу СТАЛИНУ И.В.
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.
Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

При этом представляю Вам очередную информацию находящихся в Белостоке т.т. АБАКУМОВА и ЦАНАВА.

По состоянию на 8 ноября по Белостокскому воеводству и Бяло-Подлясскому уезду арестовано активных участников Армии Краевой и других подпольных организаций 1200 чел.

Арестован ряд активных участников Армии Краевой, пробравшихся на различные должности в польские правительственные органы.

В Высоко-Мазовецком уезде выявлена и ликвидирована приемно-передаточная радиостанция Белостокского штаба АК, которая поддерживала связь с Лондоном. Арестован весь персонал радиостанции.

Проводятся аресты лиц, ведущих подрывную работу против переселения в СССР украинцев и белоруссов.

Из 9-й дивизии 2-й польской армии, расположенной в гор. Белостоке, 3 ноября дезертировали с оружием 31 чел. При преследовании бежавших 19 чел. убито, остальные разыскиваются.

Проведена проверка личного состава военнослужащих, охраняющих склады Красной Армии с боеприпасами и горюче-смазочным материалом.

За бездеятельность в работе и необеспечение комендантской службы в г. Белостоке Военным Советом фронта снят с должности военный комендант г. Белостока майор САПЕЛКО. Вместо него комендантом города назначен подполковник РЯДЬКОВ.

У арестованных участников Армии Краевой и других подпольных организаций изъято: 95 пулеметов, 1232 винтовки и автомата, 24 рации и радиоприемника, а также гранаты, мины, патроны и взрывчатые вещества.

Тов. АБАКУМОВУ поручено тщательно проверить случаи покупки у военнослужащих Красной Армии оружия и о результатах сообщить.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л. БЕРИЯ

Совершенно секретно
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
товарищу Л.П. БЕРИЯ

Докладываем, что по состоянию на 8-е ноября с.г. по

Белостокскому воеводству и Бяло-Подлясскому уезду арестовано активных участников «Армии Краевой» и других участников подпольных организаций – 1200 человек, из них: 1030 человек утром 8-го ноября с.г. специальным эшелоном № 84176 отправлены в Осташковский лагерь НКВД.

В числе арестованных активные участники «Армии Краевой»:

Инспектор «Армии Краевой» по Белостокскому инспекторату ЛАВРИШ, подпоручик бывшей польской армии по кличке «Франко», он же комендант Белостокского округа «ПН» (польско-неподлегла), руководивший тремя обводами «АК»;

Арестован при попытке покупки оружия у военнослужащих Красной Армии;

Референт по земельным делам Белостокского магистрата, назначенный лондонским эмигрантским правительством, капитан бывшей польской армии – КОСИНСКИЙ, по кличке «Меркурий». Скупал оружие у военнослужащих Красной Армии;

Заместитель начальника разведки и контрразведки Белостокского округа «Армии Краевой» БАСТАЧ по кличке «Вырва», имевший на связи группу агентов, часть из них нами арестована;

Комендант обвода города Брест «Армии Краева» – КАЗАКЕВИЧ по кличке «Поп», проводивший активную работу в «АК»;

Заместитель коменданта Белостокского округа подпольной организации «ПОВ» (народова организация войскова) – ЧЕРНОГОРСКИЙ по кличке «Лет», поляк;

Начальник пропаганды Замбровского обвода «Армии Краевой» – ЗАРАНСКИЙ Я.В. по кличке «Огородник», поляк;

Руководитель диверсионно-террористической команды (так называемая «КЕДИВ» – команда диверсина) «Армии Краевой» по городу Белосток – СТЕЦКИЙ В.С. по кличке «Черный орел», бывший член «ПОВ»;

Комендант района подпольной организации «ПН» (польско-неподлегла), Ломжинского уезда по городу Замброво – ТАРНОВСКИЙ Станислав по кличке «Рысь»;

Связник «Армии Краевой», прибывший из Варшавы в город Замброво для организации подпольной работы и установления связи, – СКЖЕК Зенон.

При аресте у него изъято 100 экземпляров нелегальной газеты «Зромб», 105 листовок «АК», револьвер и 3 гранаты;

Комендант Белостокского обвода «ВСК» (войскова служба кобет) – РЫБАРЧИК Анелия по кличке «Александра» и ее преемница КАТИНСКАЯ, руководившие службой связи и изготовлением фиктивных документов для участников «Армии

Краевой».

При аресте у обоих изъяты нелегальные газеты;

Активный участник подпольной организации «Польски звензек повстанчи» КОРОЛЕВСКИЙ по кличке «Крук», который скупал оружие у военнослужащих Красной Армии.

При аресте у него изъяты револьвер «Наган», две ручных гранаты и 36 патронов;

Активный вербовщик «Армии Краевой» по Бяло-Подлясскому уезду КОНОН В.С., поляк.

Им была создана организация в 200 человек «ПЗП» (польски звензек повстанчи);

Комендант района в Бяло-Подлясском уезде, подпоручик бывшей польской армии ХВЕДЧУК Б.П.;

Активные участники «Армии Краевой» ЛИТКОВСКИЙ и ПШЕЛОМСКИЙ, по показаниям которых выявлен склад с оружием, где было изъято 13 винтовок, 6 гранат, один ящик патронов, один ящик с медикаментами и другое военное имущество;

На конспиративной квартире арестована группа участников «АК» в количестве 10 человек во главе с руководителем группы КЛОСОВСКИМ.

При обыске изъята нелегальная литература (листовки и газеты);

В местечке Супрасль Белостокского уезда арестована группа в 6 человек участников «Армии Краевой», руководителем которой являлся командир роты ПЕТРОВСКИЙ С.К., поляк;

В местечке Васильково Белостокского воеводства арестованы участники «Армии Краевой» МАТУШЕВСКИЙ, ЦИЛЬИК и КОТИНСКИЙ, распространявшие нелегальную литературу, полученную ими из Варшавы, и призывавшие участников «АК» к активной вооруженной борьбе против Комитета Национального Освобождения.

В результате принятых агентурно-оперативных мер была выявлена в деревне Франки-Пяски Высоко-Мазовецкого уезда Белостокского воеводства приемо-передаточная радиостанция штаба Белостокского округа «Армии Краевой», через которую поддерживалась связь с лондонским эмигрантским польским правительством.

7-го ноября с.г. в момент работы станции был арестован весь ее персонал и захвачен приемо-передаточный радиоаппарат и дневник работы станции.

В числе арестованных: радиотелеграфист КУЧЕР Витольд, он же МОЙСА Станислав по кличке «Смола», а также обслуживавшие станцию ФРАНКОВСКИЙ, ЯМАЦКОВСКАЯ, ПЛИСС,

КАЛИНОВСКИЙ, СУППИНСКИЙ и ЗАМЖЕТСКИЙ.

По показаниям КУЧЕРА 8 ноября с.г. арестованы:

Начальник оперативной связи Белостокского округа «Армии Краевой» НОВАК по кличке «Янина», капитан бывшей польской армии, сброшенный в начале 1941 года на парашюте на территорию Белостокской области для подрывной работы против СССР;

Связная коменданта Белостокского округа «Армии Краевой» по кличке «Мальга-Жатка» МЯДУШЕВСКАЯ;

Содержатель конспиративной квартиры и связист Белостокского округа «Армии Краевой», староста деревни Мосцицка ГОЛОШЕВСКИЙ Чеслав и связная коменданта штаба Белостокского округа «Армии Краевой» ЧАЙКОВСКАЯ.

Кроме того, арестован ряд активных участников «Армии Краевой», пробравшиеся на различные должности в польские правительственные и другие органы:

ШИДЛОВСКИЙ, командир роты «Армии Краевой», проникший на должность коменданта милиции Кнышенской гмины (волости), который устроил на службу в милицию ряд участников «АК», в том числе и своего брата.

Оба брата ШИДЛОВСКИЕ являлись агентами гестапо. При аресте у них изъято оружие;

ПЕКУНКО, староста Крынковской гмины, командир роты «Армии Краевой». При аресте изъято оружие и нелегальная литература;

Связники корпуса безопасности делегатуры лондонского эмигрантского правительства по Белостокскому воеводству ЛИСИЦКИЙ и ЗЕНЕВИЧ, проникшие на службу в охрану внутренней тюрьмы управления безопасности Белостокского воеводства, где осуществляли связь между арестованными и участниками «АК», находящимися на свободе;

КРАЕВСКИЙ В.А., работник милиции Боткинской волости Бельского уезда. При задержании оказал вооруженное сопротивление, в результате чего был ранен;

СЕТЧИНСКАЯ А.А., сотрудница старостата Боткинской волости Бельского уезда, участница женской секции «Армии Краевой», так называемой «Кобеты-Войскова».

У арестованных участников «Армии Краевой» и других подпольных организаций изъято:

минометов – 9
пулеметов – 95
автоматов, винтовок и пистолетов – 1232
гранат и мин – 1240
патронов – 94 100

раций – 9
радиоприемников – 15
взрывчатых веществ – 74 кг

Нами даны указания всем оперативным группам на местах выявлять преступный элемент, пытающийся сорвать переселение, и их арестовывать. Отдельные лица, проводившие враждебную агитацию против переселения, нами изъяты.

Комиссии по переселению, работающие в уездах, обеспечены каждая охраной в количестве 5-ти бойцов войск НКВД.

За бездеятельность в работе, за необеспечение комендантской службы в городе Белостоке, пьянство и связь с подозрительными лицами польской национальности по нашему предложению Военным Советом Второго Белорусского фронта снят с должности военного коменданта города майор САПЕЛЬКО и вместо него комендантом города назначен подполковник РЯДЬКОВ.

Органами «СМЕРШ» Второго Белорусского фронта совместно с командованием проведена проверка личного состава, охрана складов с боеприпасами и горюче-смазочных материалов, расположенных на территории Польши.

В результате проверки выявлено и отчислено 185 человек, не внушающих доверия.

Из 9-й дивизии 2-й польской армии, расположенной в Белостоке, 3-го ноября с.г. дезертировали с оружием 31 человек. Организованным преследованием дезертиров 19 человек после перехода границы в районе города Гродно было убито, а часть арестовано, остальные разыскиваются.

Ночью с 6 на 7-е ноября с.г. была проведена тщательная проверка документов у лиц, проживающих в городе Белостоке, в результате чего было арестовано 41 чел. участников «АК» и другого преступного элемента.

Дальнейшую операцию по изъятию участников «Армии Краевой», польских подпольных организаций и агентуры германской военной разведки продолжаем.

Предполагаем 11 ноября с.г. отправить второй эшелон в Осташковский лагерь НКВД.

О результатах будет доложено.

АБАКУМОВ,

ЦАНАВА

Принято по «ВЧ»

8-го ноября 1944 года

ГА РФ. Ф. 9401 сч. Оп. 2. Д. 67. Л. 301–308. Копия. Машинопись.

Здесь перепечатывается с сайта http://

Докладная записка министра госбезопасности УССР С.Р. Савченко министру госбезопасности СССР В.С. Абакумову о деятельности ОУН за границей

г. Киев
14 июня 1946 г.
Совершенно секретно

1-е Управление МГБ УССР располагает материалами, что в марте 1944 г., накануне освобождения территории западных областей Украины от немецких оккупантов, Главным «Проводом» ОУН было принято решение об отъезде за кордон некоторой части руководящего состава ОУН вместе с отступающими немецкими войсками.

Как установлено, согласно этому решению, в конце июня 1944 г. в Словакию и далее в Вену и Мюнхен выехали:

1. ЛЕБЕДЬ Николай – «Ярополк», член Главного «Провода» ОУН, руководитель референтуры закордонной политики «Провода» ОУН и УГВР.

2. РЕБЕТ Дарья – «Орлян», член Главного «Провода» ОУН, ведает работой ОУН за пределами украинских земель.

3. ПРОКОП Мирослав – «Владимир», член Главного «Провода» ОУН, руководитель референтуры пропаганды «Провода» ОУН и УГВР.

4. ГРИНЬОХ – «Доктор Орлив», униатский священник, член Главного «Провода» ОУН.

5. МАТВИЕЙКО Мирон – «Дыв», руководитель службы безопасности «Провода» ОУН за границей.

6. МАРТЮК – «Улас», финансовый референт Главного «Провода» ОУН.

7. ПРИШЛЯК Ярослав, работает в краевом «Проводе» финансовым референтом и ряд других националистов.

Перед отъезжающими была поставлена задача организовать за кордоном националистическую работу среди проживающей там украинской эмиграции, добиться освобождения находившихся в заключении у немцев Бандеры и других видных националистов и установить связь с англо-американскими кругами, поскольку разгром Германии был очевиден и надежды националистов на поддержку со стороны немцев в ходе войны себя не оправдали.

Оставшиеся на украинской территории лидеры ОУН имели своей целью, после ее освобождение Красной Армией, опираясь

на созданное в период оккупации оуновское подполье и в то же время довольно многочисленные отряды Украинской повстанческой армии (УПА). Организовать в тылу советских войск широкое вооруженное выступление против советский власти.

При этом ОУН, надеясь на якобы возникшие в результате войны с Германием ослабление советского строя и неизбежность, по ее мнению, скорого конфликта между Советским Союзом и англо-американцами, рассчитывала на успешное достижение своих целей, т. е. на создание «самостийной украинской державы».

Сильные удары наших органов по оуновскому подполью и бандформированиям УПА, последовавшие вслед за освобождением территории Украины, сорвали планы ОУН по дальнейшему развертыванию националистической работы и повсеместному вооруженному выступлению против советской власти на Украине.

Это обстоятельство заставило руководителей ОУН снова пересмотреть свои прежние планы. В результате они пришли к решению, что, не отказываясь от существующих ныне форм подпольной работы и вооруженной борьбы против советской власти, наиболее целесообразным в настоящее время является сохранение от дальнейшего разгрома и уничтожения идейно преданных национализму опытных кадров нелегальных работников путем их ухода с территории советской Украины за кордон, где они должны включиться в националистическую работу среди широких слоев украинской эмиграции во всех странах.

Настоящее положение подтверждается имеющимися у нас данными заслуживающей доверия агентуры. Так, в беседе с нашим источником в мае текущего года врач УПА СИМКО, в прошлом служивший врачом в дивизии «СС – Галичина», заявил:

«…Главный «Провод» дал указания всем низовым организациям ОУН-УПА, что если до июля месяца с. г. не вспыхнет война между Англией, США и Советским Союзом, то всей руководящей и идейной части подполья уйти за кордон, а низовке легализоваться и ждать лучших времен…»

В беседе с этим же источником жена руководителя «службы безопасности» – СБ «Провода» ОУН по Дрогобычской области «ЧЕРНОТЫ», заявила, что она собирается выехать за кордон при условии, если в июле с. г. не вспыхнет война между Советским Союзом и англо-американцами.

По этому поводу БАНДЕРА в своем письме из Мюнхена от 18 ноября прошлого года к руководителю ОУН – УПА в западных

областях Украины Роману ШУХЕВИЧУ писал:

«…Ясно, что теперь налицо политический, дипломатический конфликт между Советским Союзом, с одной стороны, и союзниками – с другой. Союзники твердой постановкой вопроса хотят заставить большевиков отступить на линию 1939 г. Настойчивая политика большевиков может привести к войне. Ситуация подобна той, которая была в 1940–1941 гг.

…Тут наша собственная заинтересованность и основное задание. Собственными силами и при помощи союзников реализовать нашу собственную концепцию – революцию народов…

…Не нужно надеяться целиком на возможности войны, чтобы не демобилизовать целый ряд элементов в нашей работе… что можно, *то* удержать, а до конца лета будет ясно, так как события приближаются к развязке…»

По имеющимся в 1-м Управлении МГБ УССР данным, устанавливается, что исходя из этого Главный «Провод» ОУН развернул активную работу по укреплению организации за кордоном, распространению ее влияния среди украинской эмиграции во всех странах путем объединения различных ее формирований под флагом «Украинской Головной Вызвольной Рады» – УГВР и создания единого антисоветского блока эмиграции всех национальностей в рамка так называемого «Антибольшевистского фронта народов» – АФН, опирающегося на поддержку реакционных кругов Англии и США.

Как установлено, всей работой ОУН в настоящее время как в эмиграции, так и на нашей территории руководит возникшее после поражения Германии, находящееся в Мюнхене (Бавария) «Закордонное бюро ОУН», возглавляемое БАНДЕРОЙ.

В состав «Закордонного бюро ОУН» входят следующие лица:

1. БАНДЕРА Степан Андреевич – руководитель.

2. ЛЕБЕДЬ Николай, «Максим РУБАН», «ЯРОПОЛК» – шеф закордонной политики ОУН и УГВР, с 1941 до 1943 г. замещал Бандеру на посту руководителя Главного «Провода» ОУН. В настоящее время находится по заданию ОУН в Италии.

3. ПРОКОП Мирослав, «ВЛАДИМИР» – шеф пропаганды, член Главного «Провода» ОУН, один из инициаторов создания так называемого «Антибольшевистского фронта народов».

4. СТЕЦЬКО Ярослав, «КАРБОВИЧ» – организационный референт, с 1932 г. известен как один из руководителей ОУН, быв. глава «правительства» «Украинской самостийной соборной державы», провозглашенной оуновцами в г. Львове 30 июня 1941 г. после занятия его немцами. Стецько вскоре со всем «правительством» был арестован немцами и находился с

Бандерой до 1944 г. в заключении.

5. РЕБЕТ Дарья, «ОРЛЯН» – организационный референт на время болезни Стецько Ярослава, с 1943 г. – член Главного «Провода» ОУН, доверенное лицо Романа Шухевича – командующего УПА и руководителя Главного «Провода» ОУН с 1943 по 1945 г.

6. ТЮШКА Осип Васильевич – референт по личному составу, в прошлом – личный секретарь Бандеры, один из его доверенных людей. Вместе с Бандерой с 1941 по 1944 г. находился в заключении у немцев.

7. ГРИНЬОХ Иван, «Доктор ОРЛИВ» – член бюро, униатский священник, капеллан дивизии «СС-Галичина», созданной ОУН по заданию немецкого командования. Ближайший помощник ЛЕБЕДЯ, один из инициаторов создания «Антибольшевистского фронта народов». Намечен для посылки в качестве эмиссара ОУН во Францию.

8. РАК Ярослав, «МОРТЕК» – член бюро, вместе с Бандерой принимал участие в убийстве польского министра внутренних дел Перацкого, член «Провода» ОУН.

9. КЛИМИШИН Николай – член бюро, участвовал в убийстве ПЕРАЦКОГО, в 1939–1941 гг., проживая в Кракове, являлся финансовым референтом Главного «Провода» ОУН.

10. СТАХИВ Владимир, «МЕК» – член бюро, быв. министр иностранных дел в «правительстве» Стецько в 1941 г. во Львове, находился в заключении у немцев вместе с Бандерой, Стецько и др. Намечен для посылки в качестве эмиссара ОУН в Англию и США.

11. РЕБЕТ Лев, «КЛИЩ» – член бюро, один из видных руководящих оуновцев, находился в заключении у немцев вместе с Бандерой и др. По имеющимся данным, проживает в г. Вена.

Шефом «службы безопасности» при «Закордонном бюро ОУН» является МАТВИЕЙКО Мирон – «Дыв». Работой по этой линии занимался еще во время пребывания на территории Украины.

В его подчинении находится «служба безопасности» ОУН в Баварии, где нам известны следующие областные руководители «СБ»: КАШУБА Петр (область

Нюрнберг), «ДЕНИС» (область Мюнхен), СТРУТИНСКИЙ Ярослав (область Аугсбург) и БАШУК Петр (область Регенсбург).

С этой же целью территория Германии «Закордонным бюро ОУН» разделена на отдельные области во главе с областными руководителями ОУН. Так, известно, что в область Нюрнберг руководителем назначен Роман ГАЛИВЕЙ – «ОХРИМ», в область Регенсбург – Владимир ДЕЙЧАКИВСКИЙ. По Баварии руководителем ОУН является МАРТЮК Зенон.

Каждый областной «Провод» в эмиграции имеет такие референтуры: пропагандистский референт (общественно-политический), референт «СБ» и референт финансовый.

Организационное разделение ОУН, как и функции, выполняемые по этой структуре теми или иными членами организации, строго конспирируются перед местными органами власти и окружением.

Приступив к разрешению первоочередных внутриорганизационных вопросов за кордоном, ОУН поставила перед собой следующие задачи:

1. Объединение за кордоном в организационных рамках ОУН возможно большего количества членов.

2. Поддержание среди них организационной дисциплины ОУН и воспитание в этом направлении.

3. Подготовка членов ОУН к работе в массах эмигрантов-украинцев.

4. Обеспечение организации фондами для существования (сбор денег среди членов и сочувствующих).

Одновременно с этой работой, начиная с осени 1945 г., «Закордонное бюро ОУН» начало вести подготовку к созыву очередного съезда ОУН.

Основным вопросом, который должен стоять в порядке дня этого съезда, является изменение наименования организации и выработка устава и единой политической платформы украинских националистов, вытекающей из новых условий послевоенного периода борьбы ОУН против советской власти.

По замыслу руководителей ОУН съезд предполагается провести в два приема. Одна часть съезда будет происходить на территории американской зоны оккупации Германии, где этому в данное время благоприятствует обстановка, и вторая часть – в условиях советской действительности на территории западных областей Украины, где будут присутствовать делегаты от организаций подполья западных областей УССР.

В последнем случае руководители ОУН предлагали придерживаться специальной тактики, обеспечивающей, по их мнению, максимальную безопасность лиц, принимающих участие в проведении данного мероприятия.

Одним из основных участков деятельности ОУН в эмиграции является националистическая работа среди широких слоев украинской эмиграции, разного рода культурно-просветительных, благотворительных, профессиональных и других ее формирований легального типа. ОУН ставит перед собой задачу обеспечить свое влияние в этих формированиях и через них – в массах украинской эмиграции.

В этих целях ОУН из числа своих членов выделила наиболее авторитетных, известных среди эмиграции националистических деятелей, представителей научного мира и т. п., задачей которых является проникновение в вышеуказанные организации за границей с целью подчинения их деятельности интересам ОУН.

Из числа оуновцев этой категории нам известны следующие: ИЛЬНИЦКИЙ Роман – представитель от украинских эмигрантов при американских властях в г. Нюрнберге; ПАСИЧНЯК Василий – президент Лиги быв. украинских заключенных в немецких концлагерях; ПОЛ И ЩУК Петр – сотрудник Красного Креста в Мюнхене; МАТЛА Зенон – сотрудник Красного Креста в Мюнхене; ШЕВЧУК – сотрудник Красного Креста в Мюнхене; ДУБАС Иван – сотрудник «Украинского комитета» в г. Инсбруке; СТАХИВ Евгений – сотрудник «Украинского комитета» в г. Инсбруке.

Наряду с националистической работой, проводимой ОУН под прикрытием разного рода благотворительных и иных формирований эмиграции, оуновцы развернули работу по созданию заграничного центра так называемой «Украинской Головной Вызвольной Рады» – УГВР, которая ими декларируется как надпартийная организация, имеющая своей целью объединение всех украинцев, проживающих за кордоном, независимо от их партийной принадлежности, но признающих необходимость борьбы за создание «независимого украинского государства».

Путем внедрения членов своей организации в УН ВР, в особенности в ее руководящие круги, ОУН рассчитывает превратить эту организацию в главное прикрытие своей националистической работы среди украинской эмиграции во всех странах.

1-е Управление МГБ УССР располагает данными о том, что в УГВР от ОУН вошли: ЛЕБЕДЬ Николай, ПРОКОП Мирослав, РЕБЕТ Дарья и, предположительно, «Доктор ОРЛИВ».

В августе 1945 г. на совместном заседании «Закордонного бюро ОУН» и членов бюро УГВР было принято решение о том, что националистическую работу среди широких слоев эмиграции впредь ОУН будет проводить на платформе УГВР.

В этих целях было принято следующее постановление:

1. Всюду приступить к организации кружков, сочувствующих УГВР.

2. Расширить УГВР путем привлечения в ее члены новых лиц как из числа оуновцев, так и сторонников других националистических формирований, но обязательно из числа сочувствующих платформе УГВР.

Проведением этих мероприятий ОУН рассчитывала

обеспечить подготовку платформы, необходимой в случае договоренности между различными националистическими формированиями в будущем.

Характеризуя значение УГВР для развертывания националистической работы ОУН за кордоном, БАНДЕРА в своем письме от 18 ноября 1945 г. пишет:

«…На заграничной территории выдвигаются на данном отрезке времени новые требования, для чего… создать из УГВР такой политический орган, который действительно охватит целиком всех, на кого мы рассчитываем».

Следующим основным направлением работы ОУН за кордоном является установление связи с антисоветскими формированиями эмиграции других национальностей с целью создания единого так называемого «Антибольшевистского фронта народов», а равно установление контакта с реакционными кругами западных государств, в первую очередь Англии и США.

Идея создания так называемого «Антибольшевистского фронта народов» в целях борьбы с советской властью зародилась еще в 1943 г., когда по инициативе ОУН на территории Волынской области было организовано заседание так называемого «Конгресса порабощенных народов», на котором присутствовали «делегаты» от ряда антисоветских националистических организаций других национальностей.

«Провод» ОУН, продолжая эту линию, в январе 1945 г. дал указания УПА войти в соглашение с поляками – АК и румынами – национал-царанистами, легионерами и национал-либералами в целях совместной борьбы с советской властью. Несколько раньше член «Провода» ОУН ГРИНЬОХ – «Доктор ОРЛИВ» в Кракове вел аналогичные переговоры с лидером группы меньшевиков КЕДИЯ.

В августе 1945 г. «Закордонное бюро ОУН» в Мюнхене уже имело в этом вопросе налаженную связь с сербскими эмигрантами-монархистами, польской армией Андерса, литовской и словацкой эмиграциями.

Касаясь вопроса установления связи с польскими эмигрантскими кругами, Бандера в своем письме от 18 ноября прошлого года пишет:

«…Теперь поляки выступили с предложением договориться с нами. Начались различные вступительные переговоры… Инициатива исходит из кругов Андерса… Необходимо договориться с ним. Нужно сказать, что из разговоров с поляками кое-что выйдет…»

По мнению руководителей ОУН, в так называемый антибольшевистский блок порабощенных народов должны войти румыны, болгары, поляки, сербы, венгры, словаки, литовцы,

финны, русские, украинцы, белорусы, кавказские народы и другие, находящиеся в эмиграции представители населяющих Советский Союз национальностей.

По этому поводу БАНДЕРА заявил:

«…Большие возможности есть в другом секторе внешней политики. Наша внешнеполитическая концепция – это создание единого антибольшевистского фронта народов (АФН) и, по возможности, организация АБН (антибольшевистского блока народов). Мы рассчитываем как на наших естественных союзников, на все те народы, которые угнетаются или находятся непосредственно под угрозой московско-большевистского империализма…»

Наряду с активной антисоветской националистической работой среди украинской эмиграции в западных зонах Германии, как об этом свидетельствуют данные закордонной агентуры, ОУН приступил к организации этой работы в других европейских странах и в Америке. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы указывают на то, что в этом вопросе ОУН, будучи поддержан в своих действиях англо-американцами, достигла известных результатов.

Показателем этого может являться, в частности, тот факт, что из числа так называемых беженцев украинской национальности, проживающих за пределами советских зон оккупации Германии и Австрии, лишь незначительный процент возвратился на родину в порядке репатриации.

Свидетельством того, что это явление, в известной мере, есть результат антисоветской работы ОУН и других националистических организаций, может явиться следующая выдержка из вышеупомянутого письма БАНДЕРЫ:

«…Мы провели общее противорепатриационные мероприятия. Теперь репатриация затихла. Мы с успехом провели работу среди эмиграции во Франции. Наш небольшой кружок стал молотом жизни и стоит на крепких позициях… Теперь наши позиции и влияние значительно больше, нежели в недалеком прошлом…»

Украинские националисты, с ведома и при поддержке англо-американских военных властей, создали в оккупированных зонах Германии, Австрии и других странах «Украински Допомоговы Комитеты», руководимые «ЦУДБ» – «Центральным Украинским Допомоговым Бюро», находящимся в Лондоне, «Украинский Червонный Хрест» и ряд других легальных организаций и обществ, газеты, бюллетени, при посредстве которых ведут активную националистическую работу среди украинских эмигрантов.

Также известно, что английским командованием в районе Чизенатико – Северная Италия, под видом лагеря военнопленных 5С была создана дивизия в составе 12 полков, общей численностью около 10 тыс. чел.

Дивизия укомплектована быв. военнослужащими немецкой армии украинской национальности, петлюровцами, немецкими пособниками, не желающими возвращаться на родину, и другим элементом.

Одновременно с этими мероприятиями ОУН, в целях расширения своей базы среди украинской эмиграции в других странах, принимает меры к направлению туда видных работников «Провода» ОУН, в задачу которых наряду с активизацией националистической деятельности входит установление связи с реакционными кругами этих стран и получение от них нужной помощи.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные указывают, что близкие нам круги украинской эмиграции, в частности в Канаде, высказывают серьезные опасения, что появление в этих странах опытных кадров националистов из Европы значительно активизирует работу местных националистов и серьезно затруднит полезную для нас работу людей нашей ориентации.

В конце 1945 г. «Провод» ОУН направил в США через Италию члена «Закордонного бюро ОУН» ЛЕБЕДЯ Николая с женой и активного оуновца Степана ЛЕМКИВСКОГО. По полученным «Закордонным бюро» сведениям, ЛЕБЕДЬ прибыл в Рим, установил связь с английским губернатором в Италии, а также связался с проживающим в Неаполе членом Центрального «Провода» ОУН – мельниковцев – профессором ОНАЦКИМ Евгением и женой КОНОВАЛЬЦА Ольгой Коновалец. ОНАЦКИЙ заявил ЛЕБЕДЮ, что он не будет ему препятствовать в его работе в Италии.

Вслед за ЛЕБЕДЕМ должны были выехать: во Францию – ГРИНЬОХ, в Англию – Владимир СТАХИВ, а также представитель ОУН должен был выехать в Бельгию.

В Венгрии по линии ОУН с 1944 г. работает член Главного «Провода» ОУН ГОЛУБЕНКО, он же «Немо».

В 1-м Управлении МГБ имеются также данные, что ОУН наладил связь с издающейся в США националистической газетой «Свобода» и офицерским клубом украинцев – военнослужащих Канадской армии в Лондоне.

Материалами следствия по делам оуновцев также подтверждается их связь с англо-американскими кругами. Так, арестованный в апреле с. г. надрайонный проводник в Черновицкой области КУШНИРИК Г.А. на следствии показал: «…

Проживающий на нелегальном положении в Бухаресте руководитель Черновицкого областного «Провода» КОЛОТИЛО Михаил Дмитриевич, он же «КОБЗАРЬ», имеет связь с английским посольством в Бухаресте…»

Говоря о связях ОУН с англо-американскими кругами, БАНДЕРА в своем письме пишет:

«…Мы сориентировались в ситуации и наставлениях союзников, приняли решение не напирать и не напрашиваться даром, чтобы не компрометировать себя… Пока что мы ограничились общей информацией их источников, которые проявляли в этом заинтересованность… Теперь, с развитием и усложнением международной ситуации, начинает расти заинтересованность такими силами, как наши… Я надеюсь, что нам будет открыта официальная дорога. Этих возможностей мы не упустим…» И далее: «…Нами много сделано в деле пропаганды совместного фронта… В Германии везде расширяется братство между украинцами и союзниками (совместная работа общественных учреждений). Это имеет сильное политическое влияние и делает для украинского дела хорошую репутацию…»

Известно, что украинская эмиграция за кордоном является самой многочисленной и одной из наиболее активных в борьбе с советской властью.

Ее общее количество во всех странах, по официальным данным, опубликованным украинскими националистами, достигало в начале 1945 г. до 8 млн чел., из которых около 1,5 млн – в США и Канаде.

Находящиеся в западных зонах оккупации Германии и Австрии украинцы являются наиболее активной антисоветской частью всей украинской эмиграции, поскольку они имеют богатый опыт борьбы с советской властью, хорошо знают советскую действительность, располагают свежими связями на территории Украины, в том числе и с активно действующим оуновским подпольем. Поэтому не случайно руководство ОУН за кордоном, разрешив, в известной мере, стоящие перед ним задачи внутриорганизационного характера, свою работу развернуло, в первую очередь, среди лиц этой категории и, как показывает действительность, добилось в этом направлении определенных результатов.

Следует особо отметить, что, как это явствует из имеющихся у нас материалов, американцы и, особенно, англичане проявляют очень большую заинтересованность и осуществляют активные мероприятия в том направлении, чтобы прибрать к своим рукам и использовать против нас в своих интересах антисоветские кадры украинской эмиграции, которая после разгрома фашистской

Германии, потеряв своего старого немецкого хозяина, ныне в лице англичан нашла нового.

Разработку деятельности организации ОУН за границей продолжаем при помощи наших закордонных подрезидентур и проверенной агентуры, выведенной в места наибольшей концентрации украинской эмиграции.

О результатах будем докладывать.

Министр государственной безопасности УССР,
генерал-лейтенант Савченко

Резолюции: т. Гукасову. В. <… > 20/VI.46 г.

Т. Мицюк. Подготовьте задания – ориентировки резидентурам. М-л использовать по нашим делам. Гука[сов]. 20/VI.46.

Т. Юлин. Пр[ошу] исполнить указание нач. отдела, т. к. я уезжаю, до этого не успел. 25/VI. А. М[ицюк] *IV*.

Архив СВР. Л. 104–118. Подлинник.

Здесь воспроизводится по изданию: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В двух томах. Том 2. 1944–1945. С. 876–884. Приложения. Док. № 9.

Электронная версия документа перепечатывается с сайта http://www.idf.ru/

Записка М.Ф. Шкирятова и В.С. Абакумова О П.С. Жемчужиной, 27 декабря 1948 г.

Товарищу Сталину И.В.

По Вашему поручению мы проверили имеющиеся материалы о т. Жемчужиной П.С. В результате опроса ряда вызванных лиц, а также объяснений Жемчужиной установлены следующие факты политически недостойного ее поведения.

После постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 августа и 24 октября 1939 года, которыми она была наказана и предупреждена за проявленную неосмотрительность и неразборчивость в отношении своих связей с лицами, не внушающими политического доверия, Жемчужина не выполнила этого постановления и в дальнейшем продолжала вести знакомство с лицами, не заслуживающими политического доверия.

В течение продолжительного времени вокруг нее группировались еврейские националисты и она, пользуясь своим положением, покровительственно относилась к ним, являлась, по

их заявлениям, советником и заступником их. Часть этих лиц, оказавшихся врагами народа, на очной ставке с Жемчужиной и в отдельных показаниях сообщили о близких взаимоотношениях ее с националистом Михоэлсом, который враждебно относился в советской власти.

На очной ставке с Жемчужиной 26 декабря с.г. бывший ответственный секретарь Еврейского антифашистского комитета Фефер И.С. заявил:

«Жемчужина интересовалась работой Еврейского антифашистского комитета и еврейского театра… Михоэлс говорил мне, что „у нас есть большой друг“ и называл имя Жемчужиной… Жемчужина вообще очень интересуется нашими делами: о жизни евреев в Советском Союзе и о делах Еврейского антифашистского комитета, спрашивала, не обижают ли нас. Характеризуя отношения Жемчужиной к евреям, а также свое мнение о ней, Михоэлс сказал: „Она хорошая еврейская дочь“… О Жемчужиной Михоэлс отзывался восторженно, заявляя, что она обаятельный человек, помогает, и с ней можно посоветоваться, по комитету и по театру».

Такое же заявление сделал на очной ставке с Жемчужиной бывший художественный руководитель Московского еврейского театра Зускин В.Л.:

«Михоэлс говорил, что у Полины Семеновны с ним большие дружественные отношения. Мне известно, что когда у Михоэлса возникали трудности, то он обращался за помощью к Жемчужиной… Михоэлс часто встречался с Жемчужиной, звонил ей по телефону, встречался на приемах».

Такие же показания дал арестованный МГБ СССР Гринберг З.Г., бывший член Еврейского антифашистского комитета:

«Обращаясь в Правительство с разного рода вопросами, Михоэлс, как он сам говорил среди близкого своего окружения, предварительно обсуждал эти вопроси с Жемчужиной и получал от нее необходимые советы и наставления… В результате всего этого, связь Михоэлса с Жемчужиной для нас, окружающих Михоэлса, имела важное значение, так как мы видели в Жемчужиной нашего заступника и покровителя».

Что действительно это так, подтверждается следующими фактами.

Первый факт. На основании опроса Фефера на очной ставке с Жемчужиной установлено, что через нее было передано подписанное Михоэлсом на имя товарища Молотова письмо о якобы допускаемых местными советскими органами, в особенности Украины, притеснениях евреев. В этом письме, как заявил Фефер, излагался также протест против распределения

среди трудящихся других национальностей подарков, присылаемых в СССР еврейскими организациями Америки. За этим письмом Жемчужина посылала свою автомашину с нарочным на квартиру Михоэлса, это письмо было от него получено и доставлено ей, а затем Жемчужина передала его по назначению.

Второй факт. В 1947 году, когда в партийных в советских органах имелись данные о политически вредной линии в работе Еврейского антифашистского комитета, Михоэлс и Фефер решили путем обращения в правительственные органы поставить вопрос об укреплении комитета. И на этот раз они прибегли к помощи Жемчужиной: Михоэлс связался по телефону с ней и она послала своего брата к Феферу в Еврейский антифашистский комитет, и письмо было передано ею в правительственные органы.

Третий факт. В 1944 году, после возвращения Михоэлса и Фефера из командировки в Америку, они занялись составлением письма в Правительство, в котором выдвигали проект создания на территории Крыма еврейской республики. Эту свою националистическую затею, возникшую под влиянием еврейских реакционеров США, Михоэлс и Фефер решили продвинуть каким-либо путем через Жемчужину.

Фефер по этому вопросу на очной ставке с ней заявил:

«Михоэлс говорил мне, что у нас есть большой друг и назвал имя Жемчужиной: „Я все-таки об этом посоветуюсь с ней, стоит ли лезть с таким вопросом сейчас или временно отложить“. Спустя два дня, Михоэлс мне позвонил и сказал, что он должен меня видеть. Я поехал к нему в театр и он сказал, что советовался о Жемчужиной и она положительно относится к этому проекту, считает реальным и советует взяться за этот вопрос».

Четвертый факт. При очной ставке Фефера и Зускина с Жемчужиной, а также показаниями Гринберга установлено, что Жемчужина в 1939 г. приняла непосредственное участие в ускорении разрешения вопроса о награждении артистов Еврейского театра и переводе его в театр союзного значения.

Вот что заявил Фефер:

«В 1939 году, когда театр праздновал двадцатилетие и Комитет по делам искусств подал ходатайство в Правительство о награждении работников театра, то получилась заминка. Тогда Михоэлс поехал к Жемчужиной просить её содействия и она обещала оказать поддержку. В дальнейшем награды были получены. В этом помогла Жемчужина».

Зускин сообщил следующее:

«Переводу театра в категорию союзного значения помогла Полина Семеновна… Жемчужина бывала в театре и знала его

нужды».

В дополнение к приведенным фактам о близкой связи Жемчужиной с Михоэлсом, следует отметить, что она вообще старалась всячески популяризировать его лично, а также путем докладов Михоэлса популяризировать круги американских евреев. Стремясь показать свою поддержку Михоэлсу, Жемчужина после возвращения его из Америки предоставила ему возможность выступить в клубе по месту ее работы с докладом об Америке. После смерти Михоэлса, – чем можно объяснить, как не особой ее близостью к Михоэлсу, – Жемчужина посетила театр, где был установлен его гроб. Ее посещение стало достоянием еврейских кругов, и по этому поводу говорили, что Жемчужина сожалеет о большой утрате. В этих кругах было широко известно, что она интересуется судьбой семьи Михоэлса, проявляет особую заботу, чтобы жена и дети не были покинуты.

При очных ставках с Жемчужиной также установлено, что, находясь у гроба Михоэлса в еврейском театре, в беседе с Зускиным она говорила, что Михоэлс убит. Зускин на очной ставке о своем разговоре с Жемчужиной заявил следующее:

«Вечером, 13 января 1948 года я стоял у гроба и принимал венки от всех организации и в это время увидел Полину Семеновну, поздоровался с ней и выразил ей печаль по поводу смерти Михоэлса. Во время беседы Полина Семеновна спрашивает: „Так вы думаете, что здесь было – несчастный случай или убийство?“ Я говорил: „На основании того, что мы получили сообщение от т. Иовчука, Михоэлс погиб в результате автомобильной катастрофы, его наши в 7 часов утра на улице, невдалеке от гостиницы“. А Полина Семеновна возразила мне и сказала: „Дело обстоит не так гладко, как это пытаются представить. Это убийство“… Из разговора с Жемчужиной, и, в частности, ее заявления о том, что Михоэлс убит, я сделал вывод, что смерть Михоэлса является результатом преднамеренного убийства».

Что действительно такой разговор Жемчужиной имел место, подтверждается и заявлением на очной ставке Фефера, которому Зускин в этот не день сообщил о своем разговоре с Жемчужиной:

«Первое, что она мне сказала, – сообщил Зускин, – „какой же этот мерзавец Храпченко, не мог послать другого человека в Минск вместо Михоэлса“. Потом, после паузы. Жемчужина покачала головой и говорит: „Это не случайная смерть, это не случайность. Его убили“. Я спросил у Зускина: „Кто убил?“. „Она не говорила кто“, – ответил Зускин. Ну, видимо, убили его специально. При этом он сказал такую фразу: „Не то обезглавили, не то голову сняли“. Такого же мнения и Жемчужина, – заключил

Зускин. Я вновь спросил, кто же обвиняется в этом деле. Зускин ответил, что из разговора с Жемчужиной у него сложилось мнение, что речь шла о советских органах».

Подобное поведение Жемчужиной дало повод враждебным людям подтверждать распространяемые ими провокационные слухи о том, что Михоэлс был преднамеренно убит.

На очной ставке Фефер заявил также, что Жемчужина обещала оказать всяческую помощь в увековечении памяти Михоэлса:

«Зная, что Михоэлс поддерживал все время связь с Жемчужиной, советовался и что она доброжелательно к нему относилась, я решил позвонить Жемчужиной и просить ее помощи в продвижении вопроса об увековечении памяти Михоэлса. Дело в том, что среди артистов театра шли разговоры, почему до сих пор нет правительственного сообщения о смерти Михоэлса и увековечений его памяти, и это расценивалось как определенная линия в национальной политике к евреям… Жемчужина мне сказала, что „да, я вас помню“. Затем она сообщила: „Я только что из театра, только успела раздеться, я простояла в глубокой печали у стены в течение 40 минут, меня просили представители театра пойти в почетный караул, но я была так разбита и просто не могла идти. Такой замечательный, такой крупный человек, великий артист, друг“. Я продолжал, что я хочу побеспокоить по такому поводу, чтобы вы помогли в увековечении памяти Михоэлса. Она мне ответила: „Я все сделаю, все, что в моих силах“».

Недостойное поведение Жемчужиной, как члена партии, зашло настолько далеко, что она не только участвовала в похоронах Михоэлса, афишируя перед еврейскими кругами свое соболезнование этому человеку, политически враждебное лицо которого теперь достаточно изобличено, но и присутствовала на траурном богослужения в синагоге 14 марта 1945 года. Этот факт установлен заявлениями на очной ставке о Жемчужиной Фефера, Зускина и Слуцкого, которые ее лично видели в синагоге.

Приводим заявление Фефера:

«14 марта 1945 г. в синагоге было богослужение по погибшим евреям во второй мировой войне. Там было много народу, в том числе артист Рейзен, Хромченко, Утесов, были академики, профессора и даже генералы. Там же я видел Жемчужину с братом. И я был, сидел в 5 или 6 ряду, смотрел на амвон, женщинам по религиозному обычаю полагается сидеть наверху, но в исключительных случаях, когда речь идет о больших, весьма почетных людях, допускается отступление, и оно было допущено в отношении Жемчужиной. Я видел слева брата ее, полного

человека, а с ним сидела Жемчужина».

Зускин но этому вопросу сообщил следующее:

«Во всем мире в этот день отмечался траур по шести миллионам погибших евреев. Мы получили в антифашистском комитете несколько приглашений и в синагоге я был и Фефер, стояли мы у барьерчика. Там я увидел Полину Семеновну, она сидела сбоку… Я увидел Полину Семеновну и поздоровался с ней».

На вопрос: «Она ответила на ваше приветствие?» – Зускин сказал: «Да, ответила».

Слуцкий, член «двадцатки» (руководства) синагоги, на очной ставке заявил:

«14 марта 1945 года был общееврейский траурный день по убитым и сожженным фашистами евреям. На этом богослужении присутствовало очень много народа. Синагога не могла вместить всех желающих, и поэтому толпы людей стояли на улице. Я, как один из распорядителей, следил за порядком. В вестибюле я увидел Жемчужину с двумя родственниками – женщиной и мужчиной, говорили, что женщина – это ее сестра. Я направился к Жемчужиной и помог ей пройти в зал (их хотели направить наверх, где обычно находятся женщины). Она прошла в зал, ее усадили на амвоне».

На поставленный Слуцкому вопрос «Раньше вы знали Жемчужину, ошибиться не могли?» он ответил: «Да, я видел ее и раньше, до ее посещения синагоги. Я даже, помню, сказал: „Полина Семеновна, проходите“. И она пошла садиться со своими родственниками».

На очных ставках по всем вопросам мы неоднократно спрашивали Фефера, Зускина и Слуцкого, сообщают ли они правду, не оговаривают ли Жемчужину. Но каждый из них утверждал, что сообщает только то, что им известно.

Так, Зускин заявил: «Я утверждаю, и зачем мне это выдумывать, я к вам всегда хорошо относился». На вопрос о посещении Жемчужиной синагоги он сказал: «Многие присутствовавшие знали, что в синагоге на траурном богослужении находится Жемчужина».

Фефер на неоднократно поставленный ему вопрос говорил: «Мне никакого интереса нет говорить то, чего я не знаю. Я отвечаю за свои слова». На другой вопрос: «Вот вы теперь видите Жемчужину, – это то же лицо, что вы видели в синагоге?» – Фефер ответил: «Да, я не мог обознаться, действительно Жемчужина была в синагоге. И присутствующие в синагоге говорили, что вот сидит Жемчужина».

Как видно из вышеприведенных материалов, установлено,

что Жемчужина П.С. вела себя политически недостойно.

В течение длительного времени она поддерживала знакомство с лицами, которые оказались врагами народа, имела с ними близкие отношения, поддерживала их националистические действия и была их советчиком. Жемчужина вела с ними переговоры, неоднократно встречалась с Михоэлсом, используя свое положение, способствовало передаче их политически вредных, клеветнических заявлений в правительственные органы. Организовала доклад Михоэлса в одном из клубов об Америке, что способствовала популяризации американских еврейских кругов, которые выступают против Советского Союза. Афишируя близкую связь с Михоэлсом, участвовала в его похоронах, проявляла заботу о его семье и своим разговором с Зускиным об обстоятельствах смерти Михоэлса дала повод националистам распространять провокационные слухи о насильственной его смерти. Игнорируя элементарные нормы поведения члена партии, участвовала в религиозном еврейском обряде в синагоге 14 марта 1945 года, и этот порочащий ее факт стал широким достоянием в еврейских религиозных кругах.

При выяснении всех этих фактов и на очных ставках Жемчужина вела себя не по партийному, крайне не искренно, и, несмотря на уличающие ее заявления Фефера и Зускина, всячески старалась отказываться от правдивых объяснений. В то же время Жемчужина признала свою связь с Михоэлсом, получение от него письма для передачи в правительственные органы, устройство в одном из клубов доклада Михоэлса об Америке и свое участие в его похоронах.

В результате тщательной проверки и подтверждения всех фактов рядом лиц мы приходим к выводу, что имеется полное основание утверждать, что предъявленные ей обвинения соответствуют действительности.

Исходя из всех приведенных материалов, вносим предложение – Жемчужину П.С. исключить из партии. При этом прилагаем протоколы очных ставок с Фефером, Зускиным и Слуцким.

М.Шкирятов

В.Абакумов

Разослано: тт. Сталину, Молотову, Маленкову, Кагановичу, Берия, Вознесенскому, Микояну, Булганину, Косыгину.

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 6188. Л. 25–31. Копия.

Информация В.С. Абакумова О «засоренности» кадров в

4 июля 1950 г.
Особая папка
Совершенно секретно
Экз. № 1
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)
товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

По имеющимся в МГБ СССР данным, в результате нарушения большевистского принципа подбора кадров в клинике лечебного питания Академии медицинских наук СССР создалась обстановка семейственности и групповщины. По этой причине из 43 должностей руководящих и научных работников клиники 36 занимают лица еврейской национальности, на излечение в клинику попадают главным образом евреи. Заместитель директора Института питания БЕЛКОВ А.С. по этому вопросу заявил:

«Поближе ознакомившись с аппаратом клиники, я увидел, что 75–80 % научных работников составляют лица еврейской национальности. В клинике при заполнении истории болезни исключались графы «национальность» и «партийность». Я предложил заместителю директора клиники БЕЛИКОВУ включить эти графы, так как они нужны для статистики. Они были включены, но через пять дней Певзнером снова были аннулированы».

По существующему положению в клинику лечебного питания больные должны поступать по путевкам Министерства здравоохранения СССР и некоторых поликлиник Москвы, а также по тематике Института лечебного питания Академии медицинских наук СССР. В действительности в клинику поступают в большинстве своем лица еврейской национальности по тематике Института питания, то есть с разрешения директора института Певзнера и заведующего приемным покоем Бременера.

Старшая медицинская сестра клиники ГЛАДКЕВИЧ Е.А., ведающая регистрацией больных, заявила:

«Характерно отметить, что большинство лечащихся в клинике больных – это евреи. Как правило, они помещаются на лечение с документами за подписью Певзнера, Гордона или Бременера».

По материалам проверки личного состава клиники установлено, что из 43 руководящих и научных работников в отношении 10 имеются компрометирующие материалы. Так, заведующий отделением клиники Левитский Л.М., 1892 года рождения, уроженец Киевской области, беспартийный, еврей, в феврале 1934 года [был] выслан в Казахстан на три года за

антисоветскую деятельность.

По показаниям арестованного в 1949 году за антисоветскую деятельность КОГЕН Б.Е., в Киевском медицинском институте Левитский «в 1923 году разделял троцкистские взгляды и голосовал за резолюцию троцкистов»; проводил в жизнь националистическую политику, был связан с украинскими националистами ГРИНЬКО,5 ЛЮБЧЕНКО6 и ШУМСКИМ.

Старший научный сотрудник клиники Ачаркан А.И, 1890 года рождения, беспартийный, из торговцев, еврей, получил медицинское образование в Берлинском университете. Его брат Ачаркан Я.И. в 1924 году выслан в Нарым; другой брат – в Польше содержал обувную фабрику; в США проживает его сестра. С братом и сестрой Ачаркан в настоящее время поддерживает письменную связь.

Младший научный сотрудник клиники Машевицкая С. Г., 1898 года рождения, беспартийная, еврейка, в 1923 году нелегально перешла границу СССР со стороны Польши; с 1916 по 1921 год состояла в Бунде.

Заведующий отделением Лимчер Л.Ф., 1888 года рождения, беспартийный, еврей, подозревается в связях с иностранцами. В записной книжке американского резидента Джона Хазард[а], учившегося с 1934 по 1937 год в Московском Государственном университете и приезжавшего в 1939 году в СССР в качестве интуриста, оперативным путем была обнаружена запись телефона, принадлежавшего Лимчеру.

МГБ считает необходимым предложить Министерству здравоохранения СССР принять меры к оздоровлению и очистке кадров клиники лечебного питания.

АБАКУМОВ

На документе резолюция: «На ознакомление вкруговую: тт. Пономаренко П.К., Суслову М.А., Хрущеву Н.С., Шкирятову М.Ф.

1) ознакомить секретарей ЦК и т. Шкирятова.

2) т. Макарову. Доложите предложения на заседании Секретариата ЦК. Г. Маленков, 05.07.50».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 12. Л. 90–92. Подлинник.

Из постановления ЦК ВКП(б) «О неблагополучном положении в Министерстве государственной безопасности СССР»

11 июля 1951 г.

2 июля 1951 года ЦК ВКП(б) получил заявление старшего

следователя следственной части по особо важным делам МГБ СССР т. Рюмина, в котором он сигнализирует о неблагополучном положении в МГБ со следствием по ряду весьма важных дел крупных государственных преступников и обвиняет в этом министра государственной безопасности т. Абакумов […]

Получив заявление т. Рюмина, ЦК ВКП(б) создал комиссию Политбюро в составе тт. Маленкова, Берия, Шкирятова, Игнатьева и поручил ей проверить факты, сообщенные т. Рюминым. В процессе проверки комиссия допросила начальника следственной части по особо важным делам МГБ т. Леонова, его заместителей тт. Лихачева и Комарова, начальника Второго Главного управления МГБ т. Шубнякова, заместителя начальника отдела Второго Главного управления т. Тангиева, помощника начальника следственной части т. Путинцева, заместителей министра государственной безопасности тт. Огольцова и Питовранова, а также заслушала объяснения т. Абакумова.

Ввиду того что в ходе проверки подтвердились факты, изложенные в заявлении т. Рюмина, ЦК ВКП(б) решил немедля отстранить т. Абакумова от обязанностей министра госбезопасности и поручил первому заместителю министра т. Огольцову исполнять временно обязанности министра госбезопасности. Это было 4 июля с.г.

На основании результатов проверки комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) установила следующие неоспоримые факты.

1. В ноябре 1950 года был арестован еврейский националист, проявляющий резко враждебное отношение к советской власти, – врач Этингер. При допросе старшим следователем МГБ т. Рюминым арестованный Этингер, без какого-либо нажима, признал, что при лечении т. Щербакова А.С.10 имел террористические намерения в отношении его и практически принял все меры к тому, чтобы сократить ему жизнь.

ЦК ВКП(б) считает это показание Этингера заслуживающим серьезного внимания. Среди врачей, несомненно, существует законспирированная группа лиц, стремящихся при лечении сократить жизнь руководителей партии и правительства. Нельзя забывать преступления таких известных врачей, совершенные в недавнем прошлом, как преступления врача Плетнева и врача Левина, которые по заданию иностранной разведки отравили В.В. Куйбышева и Максима Горького. Эти злодеи признались в своих преступлениях на открытом судебном процессе, и Левин был расстрелян, а Плетнев осужден к 25 годам тюремного заключения.

Однако министр госбезопасности т. Абакумов, получив показания Этингера о его террористической деятельности, в

присутствии следователя Рюмина, зам. начальника следственной части Лихачева, а также в присутствии преступника Этингера признал показания Этингера надуманными, заявил, что это дело не заслуживает внимания, заведет МГБ в дебри, и прекратил дальнейшее следствие по этому делу. При этом т. Абакумов, пренебрегая предостережением врачей МГБ, поместил серьезно больного арестованного Этингера в заведомо опасные для его здоровья условия (в сырую и холодную камеру), вследствие чего 2 марта 1951 года Этингер умер в тюрьме.

Таким образом, погасив дело Этингера, т. Абакумов помешал ЦК выявить безусловно существующую законспирированную группу врачей, выполняющих задание иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и правительства. При этом следует отметить, что т. Абакумов не счел нужным сообщить ЦК ВКП(б) о признаниях Этингера и таким образом скрывал это важное дело от партии и правительства. […]

На основании вышеизложенного ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Снять т. Абакумова с работы министра государственной безопасности СССР как человека, совершившего преступления против партии и Советского государства, исключить из рядов ВКП(б) и передать его дело в суд.

2. Снять с занимаемых постов начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР т. Леонова и заместителя начальника следственной части т. Лихачева как способствовавших Абакумову обманывать партию и исключить их из партии.

3. Объявить выговор первому заместителю министра т. Огольцову и заместителю министра т. Питовранову за то, что они не проявили необходимой партийности и не сигнализировали ЦК ВКП(б) о неблагополучии в работе МГБ.

4. Обязать МГБ возобновить следствие по делу о террористической деятельности Этингера […]

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 46. Л. 19–21. Копия.

Электронная версия документа перепечатывается с сайта http://www.idf.ru/

Источники

Архивные материалы из фондов Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ); Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ); Центрального Военно-Морского архива (ЦВМА) и частных архивов.

Интернет-ресурсы:

http://www.doc20vek.ru/taxonomy/term/

http://www.alexanderyakovlev.org/

http://www.idf.ru/

Литература

1. Блокада рассекреченная; Сборник / Сост. В. Демидов. СПб., 1995.

2. Бунин И. А. Окаянные дни. Тула, 1992.

3. «Восстановить в правах воспитательную работу…»: Малоизвестный приказ Сталина // Ратоборец № 4 (военно-исторический вып. газ. ЛВ «На страже Родины»), ноябрь 1999.

4. Жирнов В. «На доклады в Кремль он ездил на машине Гиммлера». Коммерсантъ Власть. 21 мая 2002.

5. Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991.

6. Ищенко С. Г. Я из заградотряда // Военно-историч. журн. 1988, № 11.

7. Ямпольский В. П. Крах происков абвера под Москвой // Военно-историч. журн. 2000, № 6.

8. Кокурин Л. И., Петров Н. В. НКВД-НКГБ-СМЕРШ: структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1997, № 6–8, 1997.

9. Кодачигов В. «Смерть шпионам!»: Советская военная контрразведка против абвера и СД // Независимое военное обозрение, № 15, 2003.

10. Меженько А. В. Военнопленные возвращались в строй… // Военно-историч. журн. 1997, № 5.

11. Московские чекисты в обороне столицы 1941–1942 гг. (публикация Ю. Б. Смирнова, В. Г. Ушакова) // Военно-историч. журн. 1991, № 1.

12. Ямпольский В. П. Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). Кн. 2 (1 января – 21 июня 1941 г.). М., 1995.

13. Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999.

14. Пламя над Невой: коллективная документальная повесть. Л., 1964.

15. Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995.

16. Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 1. Сорок первый. М., 1977.

17. Соколов Б. В. Наркомы страха. Ягода, Ежов, Берия, Абакумов. М., 2001.

18. Столяров К. А. Игры в правосудие. М., 2000.

19. Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.,1997.

20. Сыромятников Б. Как «СМЕРШ» взял «Цитадель» // Красная звезда. 1996, 5 сентября 1996.

21. Чекисты: Сборник. Л., 1967.

22. Шрейдер М. НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995.

Список сокращений

АзербССР – Азербайджанская Советская Социалистическая Республика

АрмССР – Армянская Советская Социалистическая Республика

АССР – автономная советская социалистическая республика

БВО – Белорусский военный округ

БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика

ВВС – высоковольтная воздушная сеть

ВКВС – Военная коллегия Верховного суда

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи

вмн – высшая мера наказания

ВМФ – Военно-Морской Флот

ВО – военный округ

воен. – военный

вол. – волость, волостной

врид – временно исполняющий должность

ВРК – военно-революционный комитет

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства

ВТ – военный трибунал

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия

ГБ – государственная безопасность

ГКО – Государственный комитет обороны

гл. – главный

гор. – городской

ГПО – Государственная политическая охрана

ГПУ – Государственное политическое управление

ГрузССР – Грузинская Советская Социалистическая Республика

ГСОВГ – Группа советских оккупационных войск в Германии

ГТУ – Главное транспортное управление

губ. – губерния, губернский

ГУГБ – Главное управление государственной безопасности

ГУКР – Главное управление контрразведки

ГУЛАГ – Главное управление лагерей
ГУПВ – Главное управление пограничных войск
ГУПВО – Главное управление пограничной и внутренней охраны
ГЭУ – Главное экономическое управление

ж. д. – железная дорога
ж.-д. – железнодорожный

зав. – заведующий
зам. – заместитель
з-д – завод
ЗСФСР – Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика

ИМЭЛ – Институт Маркса-Энгельса-Ленина
инж. – инженерный
ИНО – иностранный отдел
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

кав. – кавалерийский
КазССР – Казахская Советская Социалистическая республика
КГБ – Комитет государственной безопасности
КК – контрольная комиссия
ком. – командир
КП – Коммунистическая партия
КПК – Комиссия партийного контроля
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КРО – контрразведывательный отдел

ЛатвССР – Латвийская Советская Социалистическая Республика
ЛВО – Ленинградский военный округ
ЛКСМ – Ленинский коммунистический союз молодежи

МВД – Министерство внутренних дел
МВО – Московский военный округ
м-во – министерство
МВС – Министерство вооруженных сил
МГБ – Министерство государственной безопасности
мест. – местечко
МИД – Министерство иностранных дел
МНР – Монгольская Народная Республика
МО – Министерство обороны

МолдССР – Молдавская Советская Социалистическая Республика
МПС – Министерство путей сообщения

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
НКИД – Народный комиссариат иностранных дел
НКО – Народный комиссариат обороны
НКПС – Народный комиссариат путей сообщения

обл. – область
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
окр. – округ, окружной
ОКР – отдел контрразведки
ОО – особый отдел
опер. – оперативный
орг. – организационный
ОСО – Особое совещание
отд. – отдел
отд-е – отделениие
ОЧО – оперативно-чекистский отдел

пех. – пехотный
погран. – пограничный
полит. – политический
пом. – помощник
пос. – поселок
пред. – председатель
прод. – продовольственный

РВС – революционный военный совет
РИК – районный исполнительный комитет
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП – Российская коммунистическая партия
р-н – район
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СВАГ – Советская военная администрация в Германии.
СКВО – Северо-Кавказский военный округ
СМ – Совет министров
СМЕРШ – военная контрразведка «Смерть шпионам»

СНК – Совет народных комиссаров
СО – секретный отдел
СОО – секретно-оперативный отдел
сотр. – сотрудник
СОУ – секретно-оперативное управление
СОЧ – секретно-оперативная часть
СПО – секретно-политический отдел
СПС – Совет профессиональных союзов
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ст. – старший
СТО – Совет труда и обороны
стр. – стрелковый
с. х. – сельское хозяйство

техн. – технический

УВОСО – управление военных сообщений
УГБ – управление государственной безопасности
уезд. – уездный
УК – Уголовный кодекс
УКГБ – управление Комитета государственной безопасности
УКР – управление контрразведки УМВД – управление министерства внутренних дел
УМГБ – управление Министерства государственной безопасности
УНКВД – управление Народного комиссариата внутренних дел
УНКГБ – управление Народного комиссариата государственной безопасности
УПВО – управление пограничной и внутренней охраны
УПО – управление пограничной охраны
уполн. – уполномоченный
упр. – управление
УР – укрепленный район
УСО – учетно-статистический отдел
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика

ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК – Центральный комитет
ЦКК – Центральная контрольная комиссия
ЦРК – Центральная ревизионная комиссия

ЧК – Чрезвычайная комиссия
ЧОН – части особого назначения

ЭКО – экономический отдел
ЭКУ – экономическое управление

notes

Примечания

1

Муралов Николай Иванович (1877–1937), член РСДРП(б) с 1903 г. Участник революции 1905 г. и Первой мировой войны. В октябре 1917 г. был членом Московского Военно-Революционного комитета и членом Революционного штаба. С ноября 1917 г. – командующий войсками Московского военного округа. В 1919–1920 гг. на фронтах гражданской войны. В августе 1920 г. – член коллегии Наркомзема, в 1921 г. – командующий войсками Московского военного округа, в 1924 г. – командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, в 1925 г. – назначен для «особо важных» поручений при РВС СССР. С 1925 г. член ЦК ВКП (б), в 1925–1927 гг. начальник военно-морской инспекции РКИ СССР, одновременно ректор сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. В 1927 г. выведен из ЦКК, исключен из партии. С 1928 г. в Сибири на хозяйственной работе. В 1937 г. арестован по делу «Параллельного троцкистского центра», приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

2

Северный фронт, образован 15 сентября 1918 г. приказом РВСР от 11 сентября для борьбы с войсками интервентов и белогвардейцев на северо-западе, севере и северо-востоке Советской республики;

Восточный фронт, образован постановлением СНК от 13 июня 1918 г. об учреждении РВС для руководства войсками, которые вели боевые действия против мятежников Чехословацкого корпуса и белогвардейских формирований;

Южный фронт, 1 – образован приказом РВСР от 11 сентября 1918 г. в полосе между Западным районом обороны и Восточным фронтом; 2 – образован постановлением РВСР от 21 сентября 1920 г. с задачей разгрома армии Врангеля на Крымском полуострове;

Польский фронт, образован в апреле 1920 г. для борьбы с войсками панской Польши и вооруженными формированиями петлюровской Директории.

З

Юденич Николай Николаевич (1862–1933), генерал от инфантерии. Окончил Академию Генерального штаба, участник Русско-японской и Первой мировой войн. В марте – апреле 1917 г. главнокомандующий войсками Кавказского фронта, в 1918 г. эмигрировал в Финляндию, а затем в буржуазную Эстонию. В 1919 г. «Русским комитетом» объявлен лидером «белого дела» на северо-западе России. Возглавил поход белогвардейской Северо-Западной армии на Петроград. После поражения с остатками армии отступил в Эстонию. С 1920 г. белоэмигрант;

Колчак Александр Васильевич (1873–1920), адмирал. Окончил Морской корпус, участник Русско-японской и Первой мировой войн, в 1916–1917 гг. командовал Черноморским флотом. После Февральской революции находился в Великобритании и США. В октябре 1918 г. с английским генералом А. Ноксом прибыл в Омск, где как военный и морской министр вошел в состав Совета Министров Уфимской директории. 18 ноября совершил переворот и установил в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке военную диктатуру, принял титул Верховного правителя российского государства и звание главкомверха. В ноябре 1919 г. с остатками белогвардейских войск бежал из Омска к Иркутску. 15 января 1920 г. был передан белочехами «Политическому центру», а затем – большевистскому Иркутскому ВРК, по постановлению которого расстрелян;

Деникин Антон Иванович (1872–1947), генерал-лейтенант. Окончил Академию Генерального штаба, участник Первой мировой войны. В апреле – мае 1917 г. начальник штаба верховного главкома, затем командующий войсками Западного и Юго-Западного фронтов. Участник контрреволюционного мятежа генерала Л. Г. Корнилова, вместе с которым бежал на Дон. Был в числе организаторов Добровольческой армии. Летом – осенью 1917 г. возглавил поход белогвардейских войск на Москву. После поражения с остатками Добровольческой армии эвакуировался в Крым. 4 апреля 1920 г. объявил своим преемником на посту главнокомандующего Вооруженными силами юга России генерала П. Н. Врангеля и эмигрировал в Турцию;

Врангель Петр Николаевич (1878–1928), генерал-лейтенант. Окончил Горный институт и Академию Генерального штаба, участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1918 г. вступил в Добровольческую армию. Командовал конной дивизией и конным корпусом, с января 1919 г. – Кавказской Добровольческой армией, в мае – декабре – Кавказской армией, в

декабре 1919 г. – январе 1920 г. – Добровольческой армией. С апреля 1920 г. сменил Деникина на посту главкома ВСЮР, в мае – главком Русской армией. Осенью 1920 г. с остатками армии эвакуировался из Крыма.

4

Антисоветский мятеж в Тамбовской и частично Воронежской губерниях в 1920–1921 гг. Назван по имени руководителя А. С. Антонова, бывшего начальника уездной милиции в Кирсанове. Наряду с регулярными частями Красной армии в подавлении мятежа участвовали войска ВЧК, ВОХР и ЧОН.

Дейч Яков Абрамович (1898–1938). «Родился в семье служащего коммерческих фирм. Еврей. В КП с 11.17.

Образование: 8 классов гимназии, Петроград до 1917.

Конторщик в конторе представителя табачной фабрики Лопато, Петроград 02.15–09.17; пом. нач. милиции 3 участка Казанской части, Петроград 03.17–04.17; конторский служащий упр. домами Ямская-18, Петроград 10.17–11.17; болел тифом, Петроград 12.17–02.18.

В РККА: нач. пересыльной части военкомата астраханской губ. 02.18–08.18; нач. мобилизационного отд. Калмыцкого краевого военкомата, Астрахань 08.—01.19; нач. отд-я бюро снабжения 10-й армии 01.19–04.19; пом. ком. 10-й Отдельной рабочей дружины 04.19–11.19; военком 10-й Отдельной рабочей дружины 06.19–11.19; на излечении в госпитале, Саратов 11.19–01.20; полевой контролер Упр. снабжения СКВО 01.2—05.20.

В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД: следователь ОО Кавказского фронта 05.20–11.20; уполн. ПП ВЧК на Кавказе, Ростов 11.20–05.21; пом. нач. СОЧ Горской губ. ЧК 05.21—1921; нач. ОАЧ Горской губ. ЧК 1921; нач. СОЧ Горской губ. ЧК 1921—02.22; нач. СОЧ Горского губ. отд. ГПУ 02.22–10.22; нач. Грозненского губ. отд. ГПУ 10.22–03.23; пом. нач. восточного отд. ПП ОГПУ по Юго-Востоку 03.23–04.24; нач. Чечено-Грозненской обл. отд. ГПУ 24.04.24–06.25; нач. ПРО ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю 28.10.25–20.02.29; нач. ЭКО ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю 20.02.29–21.03.31; зам. полпреда ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, нач. СОУ 21.03.31–12.11.31; нач. СОУ ПП ОГПУ по Московской обл. 12.11.31–20 03.32; 2 зам. полпреда ОГПУ по Московской обл. 20.04.32–08.04.33; 1-й зам. полпреда ОГПУ по Московской обл. 08.04.33–10.07.34; 1-й зам. нач. УНКВД Московской обл. 31.07.34–09.02.35; нач. УНКВД Калининской обл. 09.02.35–28.11.36; опер. секретарь наркома внутр. дел СССР 28.11.36–28.11.36; нач. секретариата НКВД СССР 28.11.36–16.08.37; нач. УНКВД Азово-Черноморского края 16.08.37–29.09.37; нач. УНКВД Ростовской обл. 29.09.37–31.01.38.

Арестован 29.03.38; умер во время следствия.

Не реабилитирован.

Звание: комиссар ГБ 3-го ранга.

Награды: орден Красного Знамени 19.02.26; орден Красного Знамени 03.04.30; знак “Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)” № 230; знак “Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)” 20.12.32.» (См.: Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник.

M.,1999. С. 167).

6

Ежов Николай Иванович (1895–1940). «Родился в семье рабочего (металлиста-литейщика). Русский. В КП с 03.17. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (16-й съезд). Член ЦК ВКП (б) (17-й съезд). Член Оргбюро ЦК ВКП(б) 10.02.34–21.03.39. Зам. пред. КПК при ЦК ВКП(б) 10.02.34–28.02.35. Член Президиума Исполкома Коминтерна 08.35–03.39. Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) 12.10.37–21.03.39. пред. КПК при ЦК ВКП(б) 28.02.35–21.03.39. Секретарь ЦК ВКП(б) 01.02.35–21.03.39. Депутат Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР 4-го созыва.

Образование: 1 класс начального училища, Петербург, курсы марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) 01.26–07.27.

Ученик в слесарно-механической мастерской, Петербург до 1906; ученик у портного, Петербург 1906–1909; находился в Литве и Польше в поисках работы. Рабочий з-да Тильманса, г. Ковно 1909–1914; рабочий на кроватной ф-ке, Путиловском з-де, Петроград 1914–1915; участвовал в забастовках и демонстрациях, имел среди рабочих кличку «Колька-книжник»; подвергался аресту, высылался из Петрограда за забастовку.

В армии: рядовой 76-го пех. запасн. полка, 172-го пех. Лидского полка 1915; был ранен и получил 6-месячный отпуск; мастер, ст. мастер арт. мастерской № 5 Северного фронта, конец 1915–1916.

Рабочий на Путиловском з-де, 1916.

В армии: рядовой 3-го пех. полка, Ново-Петергоф 1916; рабочий-солдат команды нестроевых Двинского ВО; рабочий арт. мастерской № 5 Северного фронта, Витебск 01.17–04.17.

Принимал участие в организации Витебского комитета РСДРП(б); создавал партийные ячейки в Витебске; пред. и секретарь ячейки РСДРП(б) арт. мастерской № 5 07.17–10.17; пом. комиссара, комиссар ж.д. ст. Витебск 10.17–01.18; участвовал в разоружении Хоперской казачьей дивизии и польских легионеров; в 01.18 прибыл в Петроград, откуда уехал в Вышний Волочек; рабочий и член завкома на стекольном з-де Болотина, член Вышневолоцкого профсоюза, зав. клубом коммунистов, Вышний Волочек 05.18–04.19.

В РККА: специалист-рабочий батальона ОСНАЗ, г. Зубцов 04.19–05.19; секретарь ячейки РКП(б) воен. подрайона (городка), Саратов 05.19–08.19; политрук, секретарь партколлектива 4-й базы радиотелеграфных формирований, Казань 08.19—1920; военком радиотелеграфной школы РККА, Казань 1920—01.21;

военком радиобазы, Казань 01.21–04.21.

Член Президиума ЦИК Татарской АССР 1921–1922; зав. агит. – проп. отд. Кремлевского райкома РКП(б), Казань 04.21–07.21; зам. отв. секретаря Татарского обкома РКП(б) 1921—01.22; лечился в Кремлевской больнице, Москва 01.22–13.02.22; отв. секретарь Марийского обкома РКП(б) 02.22–04.23; отв. секретарь Семипалатинского губкома РКП(б) 04.23–05.24; зав. орг. отд. Киргизского обкома ВКП(б) 05.24–10.25; зам. отв. секретаря Казахстанского крайкома ВКП(б) 16.07.27–11.11.17; зам. зав. орг. распределительного отд. ЦК ВКП(б) 11.11.27–28.12.29; зам. наркома земледелия СССР 16.12.29–16.11.30; зав. распределительным отд. ЦК ВКП(б) 14.11.30–10.03.34; член Центр, комиссии ВКП(б) по чистке партии 28.04.33—1934; зам. пред. КПК при ЦК ВКП(б). 11.02.34–28.02.35; зав. пром. отд. ЦК ВКП(б) 10.03.34–10.03.35; зав. отд. руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) 10.03.35–04.02.36; нарком внутр. дел СССР 26.09.36–25.11.38; зам. пред. Комитета резервов при СТО СССР 22.11.36–28.04.37; член Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам 23.01.37–19.01.39; кандидат в члены Комитета обороны при СНК СССР 27.04.37–21.03.39; нарком водного транспорта СССР 08.04.38–09.04. 39; член Воен. совета при НКО СССР (упом. 01.38).

Арестован 10.04.39; приговорен ВКВС СССР 04.02.40 к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован.

Звание: генеральный комиссар ГБ 28.01.37.

Награды: орден Ленина 17.07.37; орден Красного Знамени МНР 25.10.37» (Петров Н. В., Скоркин К. В. Указ. соч. С. 184–185).

7

Берия Лаврентий Павлович (1899–1953). «Родился в семье крестьянина-бедняка. Грузин. В КП с 03.17. Член ЦК ВКП(б) – КПСС (17, 18 и 19 съезды). Член Президиума Веховного Совета СССР 17.01.38–31.05.39. Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) 22.03.39–18.03.46. Член Политбюро ЦК ВКП(б) 18.03.46–16.10.52. Член Президиума ЦК КПСС 16.10.52 Член Бюро Президиума ЦК КПСС 16.10.52–05.03.53 Депутат Верховного СССР 1—3-го созывов. Герой Соц. Труда 1943. Лауреат Сталинской премии 1-й степени 29.10.49.

Образование: Сухумское высшее начальное училище 1906–1915, окончил с отличием; среднее механико-строит. тех. училище, Баку 1919; Бакинский политехн. ин-т 1920–1922.

Казначей нелегального марксистского кружка механико-строит. училища, Баку 1915–1917; практикант Гл. конторы Нобеля в Балаханах 1916; организовал ячейку РСПРП(б), Баку 03.17; техник-практикант гидротехн. отряда, Румынский фронт 06.17–12.17; сотр. секретариата Бакинского Совета 01.18–09.18; остался в Баку при турецкой оккупации; конторщик на з-де “Каспийское товарищество Белый Город”, Баку 10.18–01.19; пред. подпольной ячейки РКП(б) техников, Баку 02.19–04.20; по поручению партии “Гуммет” поступил на службу в мусаватистскую контрразведку, осень 1919–1920; сотр. Бакинской таможни 03.20–04.20; уполн. Кавказского крайкома РКП(б) и регистрационного отд. 11-й армии в Грузии 04.20; арестован грузинскими меньшевиками в Тифлисе 04.20; освобожден, с предписанием в 3-дневный срок покинуть Грузию; под фамилией Лакербая работал в полпредстве РСФСР в Грузии 04.19–05.20; арестован меньшевиками 05.20, сидел в Кутаисской тюрьме 05.20–07.20; выслан в советский Азербайджан 08.20; управ. делами ЦК КП(б) Азербайджана 08.20–10.20; отв. секретарь Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих, Баку 10.20.—02.21.

В органах ВЧК-ОГПУ зам. нач. секретно-опер. отд-я Азербайджанской ЧК 04.21–05.21; зам. пред. Азербайджанской ЧК, нач. СОЧ 05.21–11.22; зам. пред. Грузинской ЧК, нач. СОЧ 11.22–03.26; зам. пред. ГПУ ГрузССР, нач. СОЧ 03.26–02.12.26; зам. полпреда ОГПУ в ЗСФСР, зам. пред. Закавказской ГПУ 02.12.26–17.04.31; нач. СОЧ ПП ОГПУ в ЗСФСР и Закавказской ГПУ 12.26–17.04.31; пред. ГПУ ГрузССР 02.12.26–03.12.31; нарком внутр. дел ГрузССР 04.04.27–12.30; нач. ОО ОГПУ Кавказской краснознаменной армии и полпред ОГПУ СССР в ЗСФСР – пред.

Закавказской ГПУ 17.04.31–03.12.31; член коллегии ОГПУ СССР 18.08.31–03.12.31.

2-й секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) 31.10.31–17.10.32; 1-й секретарь ЦК КП(б) Грузии 14.11.31–31.08.38; 1-й секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) 17.10.32–05.12.36; 1-й секретарь Тбилисского горкома КП(б) Грузии 05.37–31.08.38.

В органах НКВД: 1-й зам. наркома внутр. дел СССР 22.08.38–25.11.38; нач. 1-го упр. НКВД СССР 08.09.38–29.09.38; нач. ГУГБ НКВД СССР 29.09.38–17.12.38; нарком внутр. дел СССР 25.11.38–29.12.45.

Зам. пред. СНК СССР 03.02.41–15.03.46; член ГКО СССР 30.06.41–04.09.45; зам. пред. ГКО СССР 16.05.44–04.09.45; пред. Гос. Комитета № 1 при СНК-СМ СССР 20.08.45–26.06.53; зам. пред. СМ СССР 19.03.46–15.03.53; 1-й зам. пред. СМ СССР 05.03.53–26.06.53; министр внутр. дел СССР 05.03.53–26.06.53.

Арестован 26.06.53 на заседании Президиума ЦК КПСС; на Пленуме ЦК КПСС 02.07.53–07.07.53 выведен из состава ЦК КПСС и исключен из партии как “враг Коммунистической партии и советского народа”; приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 23.12.53 к ВМН.

Расстрелян.

Не реабилитирован.

Звания: комиссар ГБ 1-го ранга 11.09.38; генеральный комиссар ГБ 30.01.41; Маршал Советского Союза 09.07.45.

Награды: орден Боевого Красного Знамени ГрузССР 03.07.23; орден Красного Знамени № 7034 03.04.24; орден Трудового Красного Знамени ГрузССР 10.04.31; орден Трудового Красного Знамени АзербССР 14.03.32; знак “Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)” № 100; знак “Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)” № 205 20.12.32; орден Ленина № 1236 17.03.35; орден Красного Знамени (МНР) № 441 15.07.42; орден Республики (Тува) 18.08.43; медаль “Серп и Молот” № 80 30.09.43; орден Ленина № 14839 30.09.43; орден Красного Знамени № 11517 03.11.44; орден Ленина № 27006 12.02.45; медаль “XXV лет МНР” № 3125 19.09.46; орден Ленина № 118679 29.10.49; орден Трудового Красного Знамени АрмССР; 7 медалей.

Сочинения: Берия Л. П. Под великим знаменем Ленина – Сталина: Статьи и речи. Тбилиси, 1939; Берия Л. П. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. 8-е изд. М., 1949» (Петров Н. В., Скоркин К. В. Указ. соч. С. 106–107).

8

Антикайнен Тойво (1898–1941), деятель финского рабочего движения, интернационалист. Член социал-демократической партии Финляндии с 1915 г., член РКП(б) с 1918 г. Участник революции в Финляндии в 1918 г., после ее поражения – в Советской России. В 1918–1919 гг. в Красной армии. Участвовал в подавлении Кронштадского мятежа в 1921 г. и разгроме Карельской авантюры в 1921–1922 гг. С 1923 г. член ЦК, с 1925 г. член Политбюро ЦК КПФ. Депутат Верховного Совета СССР. Погиб в авиационной катастрофе.

9

Михеев Анатолий Николаевич (1911–1941). «Родился в семье сторожа ж.-д. рем. артели. Русский. В КП с 03.32 (член ВЛКСМ 1927–1933).

Образование: школа 2-й ступени, Архангельск 1927: воен. – инж. школа Л ВО 09.28–05.31; 4 курса Воен. – инж. академии РККА им. Куйбышева 12.35–02.39.

Чернорабочий на лесопильном з-де № 1 топливного отд. Упр. Северных ж. д., станц. Перминова 09.27–09.28.

В РККА с 09.28: ком. взвода Отдельного саперного батальона 7-го стр. корпуса, Украинский ВО 05.31–05. 32; ком. саперной роты Отдельного саперного батальона 7-го стр. корпуса 05.32–11.33.

В войсках ОГПУ-НКВД: курсовой ком. саперно-маскировочного дивизиона 4-й погран. школы ОГПУ-НКВД.

В органах НКВД: нач. ОО НКВД Орловского ВО 04.02.39–07.09.39; нач. ОО НКВД Киевского ВО 07.09.39–23.08.40; нач. ОО ГУГБ НКВД СССР 23.08.40–12.02.41; нач. 3-го упр. НКО СССР 08.02.41–19.07.41; нач. ОО НКВД Юго-Западного фронта 19.07.41–23.09.41.

Погиб на фронте.

Звания: ст. лейтенант 1936; капитан 1938; майор (РККА) 1939; капитан ГБ 04.02.39; майор ГБ 07.09.39; дивизионный комиссар 1941; комиссар ГБ 3-го ранга 19.07.41.

Награда: орден Красной Звезды 26.04.40 (Петров Н. В., Скоркин К. В. Указ. соч. С. 306).

10

Петров Андрей Иванович (1902—?), с января 1939 г. – начальник 10-го управления 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, с апреля 1940 г. – заместитель начальника 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР. В 1941–1942 гг. – начальник 3-го Управления НКВМФ (дивизионный комиссар). 15 мая 1942 г. арестован НКВД СССР по обвинению в том, что «будучи начальником 3 управления НКВМФ, преступно-халатно относился к выполнению своих обязанностей, не контролировал и не руководил оперативной работой, допустил преступную практику применения извращенных методов в следствии (избиение арестованных, вымогательство вымышленных показаний) и искусственное заведение дел об антисоветских организациях». Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 13 января 1943 г. осужден на 3 года лишения свободы.

11

Шинке Ганс, арестован органами госбезопасности в марте 1941 г. в Латвийской ССР. 16 сентября 1941 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен по ст. 58-6, 4.1. 58-9 и 58–11 УК РСФСР к высшей мере наказания.

12

Перед войной на территории Латвии, кроме «Тевияс сарге» («Страж отечества»), существовали и другие подпольные организации: КОЛА («Военная организация освобождения Латвии»), «Латышский национальный легион», «Латвийское народное объединение». Костяк этих организаций в основном составляли члены полувоенного фашистского формирования «Айзсарги» («Охранники»), созданного в 1919 г. и распущенного после присоединения Латвии к СССР.

В Литве существовал ряд подпольных политических партий и организаций, из которых наиболее значительными являлись: «Союз националистов», «Железный волк», «Молодая Литва», «Союз стрелков», «Союз добровольцев Литвы», «Союз учителей-националистов имени Басанавичюса», «Союз молодых крестьян», «Партия народников селян», «Социал-демократическая партия Литвы».

В начале 1941 г. литовскими националистами по заданию германской военной разведки был создан так называемый «Фронт литовских активистов». Центр «фронта» находился в Берлине (до июля 1941 г.) и возглавлялся агентом германской разведки, бывшим литовским послом в Германии полковником Шкрипой и его помощником Прапуолянисом, проживавшим в Каунасе. «Фронт» ставил перед собой задачу восстановления при помощи Германии «независимого» фашистского литовского государства и в этих целях организовывал на территории Литвы вооруженные банды, именовавшие себя повстанцами или партизанами.

В Эстонии также существовали различные подпольные политические партии и националистические организации: «Крестьянское собрание», «Отечественный союз», «Союз защиты», «Национальная партия центра», которые вели активную антисоветскую деятельность.

13

Ульманис (Улманис) Карлис (1877–1942), политический деятель Латвии, лидер партии «Латышский крестьянский союз». В 1918–1934 гг. неоднократно возглавлял правительство. В 1934 г. произвел фашистский переворот и установил личную диктатуру. В 1936–1940 гг. – премьер и президент Латвии. 4 июня 1941 г. арестован органами НКВД по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-4 УК РСФСР. 20 сентября 1942 г. умер, находясь в заключении.

14

Меркулов Всеволод Николаевич (1895–1953). «Родился в семье капитана царской армии. Русский. В КП с 09.25. Член ЦК ВКП(б) (18-й съезд). 08.46 переведен в кандидаты. Кандидат в чл. ЦК КПСС 23.08.46–18.11.53. Депутат Верховного Совета СССР 1—2-го созывов.

Образование: 3-я мужская гимназия, Тифлис 1913; физико-математический ф-т Петроградского ун-та 09.13–10.16; Оренбургская школа прапорщиков 11.16–03.17.

Давал частные уроки 09.13–10.16.

В армии: рядовой студенческого батальона, Петроград 10.16–11.16; прапорщик запасн. пех. полка, Новочеркасск 04.17–08.17; прапорщик маршевой роты, г. Ровно 09.17–10.17; прапорщик 331-го Орского полка 10.17–01.18; по болезни эвакуировался в Тифлис 01.18.

Безработный, Тифлис 03.18–08.18; делопроизводитель, учитель в школе для слепых, Тифлис 09.18–09.21. В органах ВЧК-ОГПУ: пом. уполн. Грузинской ЧК 09.21—1921; уполн. ЭКО Грузинской ЧК 1921—?; ст. уполн. ЭКО Грузинской ЧК? – 23.01.25; нач. 1-го отд-я ЭКО ПП ОГПУ по ЗСФСР – Закавказской ЧК? – 23.01.25; нач. ИНФАГО и ПК ЭГПУ по ЗСФСР – Закавказской ЧК 23.01.15—1925; нач. ЭКО Грузинской ЧК 1925—20.07.26; нач. ЭКО ГПУ ГрузССР 20.07.26—1927; нач. ИНФАГО и ПК ГПУ ГрузССР 1927—02.29; зам. пред. ГПУ Аджарской АССР, нач. СОЧ 02.29–05.31; врид пред. ГПУ Аджарской АССР 04.05.30–07.30; нач. СПО ПП ОГПУ по ЗСФСР и ГПУ ЗСФСР 05.31–29.01.32.

Пом. секретаря Закавказского крайкома и 1-го секретаря ЦК КП(б) Грузии 12.11.31–02.34; зав. отд. сов. торговли Закавказского крайкома ВКП(б) 03.34–11.364 зав. особым сектором Закавказского крайкома ВКП (б) 7—11.36; зав. особым сектором ЦК КП(б) Грузии 11.11.36–09.09.37; зав. пром. – трансп. Отд. ЦК КП(б) Грузии 22.07.37–10.38.

В органах НКВД-НКГБ-МГБ: зам. нач. ГУГБ НКВД СССР 29.09.38–17.12.38; нач. 3-го отд. ГУГБ НКВД СССР 26.10.38–17.12.38; 1 зам. наркома внутр. дел СССР 17.12.38–03.02.41; нач. ГУГБ НКВД СССР 17.12. 38–03.02.41; нарком ГБ СССР 03.02.41–20.07.41; 1-й зам. наркома внутр. дел СССР 31.07.41–14.04.43; нач. 1-го отд. НКВД СССР 17.11.42–14.04.43; нарком – министр ГБ СССР14.04.43–04.05.46.

Зам. нач. ГУСИМЗ при М-ве внешней торговли СССР 02.47–25.04.47; нач. ГУСИМЗ при СМ СССР 25.04.47–27.10.50; министр госконтроля СССР 27.10.50–17.09.53.

Арестован 18.09.53; приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 23.12.53 к ВМН. Расстрелян.

Не реабилитирован.

Звания: комиссар ГБ 3-го ранга 11.09.38; комиссар ГБ 1-го ранга 04.02.43; генерал армии 09.07.45.

Награды: знак “Почетный работник ВЧК – ГПУ (V)” № 649 1931; орден Ленина № 5837 26.04.40; орден республики Тува № 134 18.08.43; орден Кутузова 1-й степени № 160 08.03.44; орден Красного Знамени № 142627 03.11.44; 9 медалей» (Петров Н. В., Скоркин К. В. Указ. соч. С. 296–297).

Сочинения: Цанава Л. Ф. Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков. Минск: Белгосиздат. Ч. 1. 1949; Ч. 2. 1951» (Петров Н. В., Скоркин К. В. Указ. соч.).

15

Серов Иван Александрович (1905–1990). «Родился в семье крестьянина-середняка. Русский. В КП с 06.26 (член ВЛКСМ 1923–1932). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (18-я партконференция, 19-й съезд). Член ЦК КПСС (20-й съезд). Исключен из партии за “нарушения соц. Законности и использования служебного положения в личных целях” 04.65. Депутат Верховного Совета СССР 1-го, 2-го и 5-го созывов. Депутат Верховного Совета РСФСР 4-го созыва. Герой Советского Союза 1945.

Образование: сельская школа г. Кадников 1916; школа 2-й ступени, Кадников 1923; Ленинградская пех. школа 08.25–08.28; арт. курсы усовершенствования комсостава РККА, Ленинград 01.31–09.314; Воен. – инж. академия РККА 01.35–05.36; Воен. академия РККА им. М. В. Фрунзе 05.36–01.39.

Зав. избой-читальней Кадниковского уезд. политпросвета, с. Покровское 05.23–09.23; пред. Замошского сельсовета, Кадниковский уезд 09.23–08.25.

В РККА с 1925; ком. огневого взвода 66-го стр. полка, арт. полка 22-й стр. дивизии 08.28–01.31; ком. топографической батареи 6-го арт. полка СКВО 09.31–03.34; пом. нач. штаба, и. о. нач. штаба арт. полка 24-й стр. дивизии 03.34–01.35.

В органах НКВД-НКГБ-МВД-КГБ с 01.39: зам. нач. ГУРКМ НКВД СССР 09.02.39–18.02.39; нач. ГУРКМ НКВД СССР 18. 02.39–29.07.39; нач. 2-го отд. ГУГБ НКВД СССР 29.07.39–02.09.39; зам. нач. ГУГБ НКВД СССР 29.07.39–02.09.39; нарком внутр. дел УССР 02.09.39–25.02.41; 1-й зам. наркома ГБ СССР 25.02.41–31.07.41; зам. наркома-министра внутр. дел СССР 31.07.41–24.02.47; нач. охраны НКВД Московской зоны 13.10.41–01.42; уполн. НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту 11.01.45–04.07.45; советник НКВД СССР при М-ве общественной безопасности Польши 06.03.45–27.04.45; зам. командующего 1-м белорусским фронтом по делам гражданской администрации 02.05.45–06.06.45; зам. Главноначальствующего СВАГ по делам гражданской администрации 06.06.45–24.02.47; уполн. НКВД-МВД СССР по ГСОВГ 04.07.45–24.02.47; 1-й зам. министра внутр. дел СССР 24.02.47–13.03.54; пред. КГБ при СМ СССР 13.03.54–08.12.58; нач. ГРУ Генштаба Вооруженных сил СССР по разведке 10.12.58–02.02.63; пом. командующего Туркестанским ВО по вузам 01.63–08.63; пом. командующего Приволжским ВО по вузам 08.63–01.09.65.

На пенсии с 01.09.65.

Звания: майор 1936; майор ГБ 15.02.39; ст. майор ГБ 30.04.39;

комиссар ГБ 3-го ранга 04.09.39; комиссар ГБ 2-го ранга 04.02.43; генерал-полковник 09.07.45; генерал армии 08.08.55; генерал-майор 12.03.63.

Награды: орден Ленина 26.04.40; знак “Заслуженный работник НКВД” 28.05.41; орден Ленина 13.12.42; орден Красного Знамени 20.09.43; орден Суворова 1-й степени 08.03.44; орден Красного Знамени 07.07.44; орден Красного Знамени 03.11.44; орден Кутузова 1-й степени 24.04.45; медаль “Золотая Звезда” Героя Советского Союза 29.05.45; орден Ленина 29.05.45; орден “Виртути милитари” 4 степени (ПНР) 1946; орден Ленина 19.09.52; орден Ленина 25.08.55; орден Красного Знамени 31.12.55; орден Кутузова 1-й степени 18.12.56; орден Ленина; 9 медалей» (Петров Н. В., Скоркин К. В. Указ. соч. С. 381–382).

16

Снечкус Антанас Юозович (1902/03—1974), советский партийный, государственный деятель, Герой Социалистического труда. В Коммунистической партии Литвы с 1920 г. В 1927–1930 гг. секретарь ЦК литовской компартии. Работал в ИККИ. В 1936–1939 гг. и с 1940 г. – 1-й секретарь ЦК КПЛ. В 1942–1944 гг. начальник штаба партизанского движения Литвы. Член ЦК КПСС с 1952 г. Депутат Верховного Совета СССР с 1941 г.

17

Мильнштейн Соломон Рафаилович (1899–1955). «Родился в семье кровельщика. Еврей. В КП с 05.29.

Образование: 5 классов начального училища при Еврейском учительском ин-те, Вильно 1908–1915; 5 классов реального училища, Псков 1918; гимназия, Вильно 1920.

В РККА: делопроизводитель-статистик Особой продкомиссии 4-й армии 08.20–10.20; делопроизводитель-статистик отд. продовольственного снабжения 18-й стр. дивизии 10.20–05.21; делопроизводитель-статистик отд. продовольственного снабжения 20-й стр. дивизии 05.21–05.22.

В органах ОГПУ-НКВД-МВД: ст. делопроизводитель ОО Закавказской ЧК 05.22—?; делопроизводитель ОО 11-й армии 1923; уполн. ОО Закавказской ЧК и Кавказской Краснознаменной армии 1924–1925; нач. 2-го отд-я ОО Кавказской краснознаменной армии 1925—20.12.26; секретарь коллегии ГПУ ГрузССР 01.27–04.31; секретарь СОУ ПП ОГПУ по ЗСФСР 04.31–11.31; пом. отв. секретаря ЦК КП(б) Грузии (Берии) 11.31–20.02.32; зав. секретным отд. ЦК КП(б) Грузии 20.02.32–02.34; зав. особым сектором ЦК КП(б) Грузии 27.02.34–11.11.36; пред. Совета физкультуры и спорта Тифлисского горисполкома 03.34—1936; пред. Совета физкультуры и спорта ГрузССР 03.34–07.36; пред. Комитета по делам физкультуры и спорта при СНК ГрузССР 07.36–11.37; 1-й секретарь райкома им. 26 бакинских комиссаров Тбилисского горисполкома КП(б) Грузии 11.37–09.38; 3 секретарь Тбилисского горкома КП(б) Грузии 09.38–12.38; зам. нач. следств. части НКВД СССР 29.12.38–31.03.39; нач. ГТУ НКВД СССР 31.03.39–26.02.41; нач. 3-го упр. НКГБ СССР 26.02.41–11.03.41; 1-й зам. наркома лесной пром-сти СССР 11.03.41–10.08.41; 1-й зам. нач. Упр. ОО НКВД СССР 19.07.41–24.09.42; нач. трансп. упр. НКВД СССР 24.09.42–12.05.43; нач. 3-го упр. (трансп. упр.) НКГБ-МГБ СССР 12.05.43–05.46; уполн. НКВД СССР 26.02.44—1944; нач. трансп. упр. МГБ СССР 05.46–06.47; и. о. нач. Гл. упр. охраны МГБ СССР на ж.-д. и водном транспорте 06.47–27.11.47; нач. Казанской ж.-д. 01.48–10.50; в распоряжении МПС СССР 10.50–01.51; нач. треста по переработке и мобилизации внутр. ресурсов МПС СССР 01.51–20.03.51; 1-й зам. нач. по лагерю Упр. ИТЛ строительства железных рудников МВД 30.03.51–21.02.52; 1-й зам. нач. по общим вопросам Упр. ИТЛ строительства железных рудников МВД 21.02.52–19.03.53; зам. министра внутр. дел УССР 19.03.53–30.06.53.

Арестован 30.06.53; приговорен ВКВС СССР 30.10.54 по ст.

58-1 «б» УК РСФСР к ВМН. Расстрелян.

Не реабилитирован.

Звания: ст. майор ГБ 29.12.38; комиссар ГБ 3-го ранга 14.03.40; генерал-лейтенант 09.07.45.

Награды: орден “Знак Почета” № 7197 22.07.37; знак “Почетный работник ВЧК-ГПУ(XV)” 30.04.39; орден Красного Знамени № 4449 26.04.40; орден Ленина № 12087 24.11.42; орден Кутузова 2-й степени № 583 08.03.44; орден Отеч. Войны 1-й степени № 60367 05.07.44; орден Красного Знамени № 11154 03.11.44; орден Отеч. Войны 1-й степени № 126286 02.12.44; орден Кутузова 1-й степени № 373 23.02.45; орден Суворова 2-й степени № 2398 29.07.45; орден Ленина № 51025 04.12.45; орден Трудового Красного Знамени № 128165; 5 медалей» (Петров Н. В., Скоркин К. В. Указ. соч. С 297–298).

18

Северный фронт, образован 24 июня 1941 г. на базе Ленинградского военного округа в составе 14-й, 7-й и 23-й армии и ВВС округа.

19

Куприн Павел Тихонович (1908–1942). «Родился в семье крестьянина-бедняка. Русский. В КП с 05.29 (член ВЛКСМ 1924–1930).

Образование: 3 класса сельской школы, дер. Зиновьево Кромского уезда 1917; Орловская губ. совпартшкола 2 ступени 09.27–05.29.

Батрак в кулацком хозяйстве, Зиновьево 01.20–11.22; работал в своем хозяйстве, Зиновьево 11.22–06.25; пред. Гостоминского вол. союза с.-х. рабочих 06.25–09.27; отв. секретарь Верховского райкома ВЛКСМ, Орловский окр. 05.29–06.30; секретарь парткома Хомутовской группы совхозов 06.30–05.31; зав. орг. отд. Верховского райкома ВКП(б) 05.31–01.34; зам. отв. секретаря Ливенского райкома ВКП(б) 01.34–01.35; зам. отв. секретаря Михайловского райкома ВКП(б) 01.35–05.35; отв. инструктор отд. руководящих парторганов Курского обкома ВКП(б) 05.35–12.36.

В органах НКВД с 12.36: сотр. ГУГБ НКВД СССР 01.37–04.37; пом. нач. 1-го отд-я 4-го отд. ГУГБ НКВД СССР 23.04.37—1938; зам. нач. 2-го отд-я 4-го отд. 1-го упр. НКВД СССР 1938—08.06.38; нач. 7-го отд-я 4-го отд. 1-го упр. НКВД СССР 08.06.38–29.09.38; нач. 7-го отд-я 2-го отд. ГУГБ НКВД СССР 29.09.38–02.12.38; нач. УНКВД Читинской обл. 02.12.38–02.11.39; нач. ОО НКВД Забайкальского ВО 28.12.38–31.01.39; нач. УНКВД Хабаровского края 02.11.39–26.02.41; нач. УНКГБ Ленинградской обл. 29.02.41–18.07.41; нач. ОО НКВД Северного фронта 19.07.41–23.08.41; нач. ОО НКВД Ленинградского фронта 23.08.41–02.05.42; нач. ОО НКВД МВО 02.05.42–11.08.42; нач. 3-го упр. НКВД СССР 11.08.42–11.11.42.

Погиб при перелете из Москвы в Ленинград (самолет был сбит немецкими истребителями над Ладожским озером в р-не мест. Морье).

Звания: лейтенант ГБ 23.04.37; ст. лейтенант ГБ 05.11.37; капитан ГБ 02.12.38; ст. майор ГБ 02.11.39; комиссар ГБ 3 ранга 19.07.41.

Награды: орден Красного Знамени 26.04.40; знак “Заслуженный работник НКВД” 02.02.42» (Петров Н. В., Скоркин К. В. Указ. соч. С. 258–259).

20

Северо-Западный фронт, создан 22 июня 1941 года на основании приказа НКО от 22 июня 1941 года на базе Прибалтийского Особого военного округа. В состав фронта вошли 8-я, 11-я, 27-я общевойсковые армии, авиация округа.

21

Бочков Виктор Михайлович (1900–1981). «Родился в семье крестьянина. Русский. В КП с 03.19.

Образование: 43-и Полоцкие командирские курсы РККА 12.21–09.22; Воен. академия РККА им. М. В. Фрунзе 05.35–11.38.

Коммунар Пустынской коммуны, с. Пустынка Мстиславского уезда 12.17–08.19.

В РККА по 09.22: рядовой конного запаса, Западный фронт 08.19–05.20; рядовой эскадрона конной разведки Особой кав. бригады 15-й армии 05.20–10.21; рядовой отдельного кав. эскадрона 6-й стр. дивизии 15 армии 10.21–12.21.

В органах ОГПУ-НКВД-МВД: ком. отд-я 3-го кав. дивизиона ОГПУ, Гомель 10.22. —01.23; ком. взвода 9-го погран. батальона БССР 02.23–03.23; инструктор кав. дела 88-го Севастопольского дивизиона ОГПУ 05.23–02.24; нач. заставы 25-го погран. отряда ОГПУ 02.24–10.24; курсант Высшей погран. школы ОГПУ 10.24–09.25; нач. заставы 23-го погран. отряда ОГПУ УССР 10.25–03.30; нач. кав. маневренной группы 24-го погран. отряда ОГПУ 03.30–05.32; нач. Киевской зенитно-пулеметной школы ОГПУ 06.32–01.33; ком. зенитно-пулеметного дивизиона, г. Новый Петергоф 01.33—?; пом. нач. штаба дивизиона ОГПУ, Новый Петергоф, ком. дивизиона ОГПУ, Новый Петергоф; нач. пех. отд-я 1-й погран. школы НКВД им. Ворошилова? – 05.35; нач. Гл. тюремного упр. НКВД СССР 23.11.38–28.12.38; нач. 4-го отд. ГУГБ НКВД СССР 28.12.38–23.08.40; Прокурор СССР 07.08.40–13.11.43; нач. ОО НКВД Северо-Западного фронта 19.07.41–20.12.41; нач. Упр. конвойных войск НКВД-МВД СССР 03.01.44–08.06.51; нач. упр. охраны ГУЛАГ МВД СССР 08.06.51–03.05.55; зам. нач. ГУЛАГ МВД СССР, нач. отд. конвойной охраны 03.05.55—1957; зам. нач. ГУИТК МВД СССР, нач. отд. охраны 1957—05.59.

Пенсионер, Москва 05.59–10.61; нач. сектора Всесоюзного проектно-технологического ин-та “Стройдормаш” Московского СНХ 11.61–09.63; зам. нач. отд. Проектно-конструкторского технологического ин-та машиностроения Московского СНХ 09.63–08.69; пенсионер с 08.69, Москва.

Звания: полковник; ст. майор ГБ 28.01.39; комиссар ГБ 3-го ранга 14.03.40; генерал-майор 1940; генерал-лейтенант 17.11.44.

Награды: орден Красного знамени 29.08.39; орден Ленина 26.04.40; знак “Заслуженный работник НКВД” 02.02.42; орден Красной Звезды 08.03.44; орден Отеч. войны 1-й степени 07.07.44; орден Красного знамени 03.11.44; орден Ленина 21.02.45; орден Суворова 2-й степени 21.09.45; орден Отеч. войны 1-й степени

29.10.48; орден Отеч. войны 1-й степени 24.08.49; орден Трудового Красного Знамени 19.09.52; орден Красного Знамени; 13 медалей» (Петров Н. В., Скоркин К. В. Указ. соч. С. 116).

22

Западный фронт, образован 22 июня 1941 г. на базе Западного Особого военного округа в составе 3-й, 4-й, 10-й и 13-й армий.

23

Цанава (Джанджгава) Лаврентий Фомич (08.1900—12.10.1955). «Родился в семье крестьянина-бедняка. Грузин. В КП с 08.202. Член ЦРК ВКП(б) (18-й съезд). Депутат Верховного Совета СССР 1—3-го созывов.

Образование: гимназия, Тифлис, бросил учебу 1919; вечерние общеобразовательные курсы.

Организовал повстанческие отряды в родном селе 02.21.

В органах ВЧК-ОГПУ: нач. политбюро ЧК Сенакского уезда 03.21–02.22; нач. политбюро ЧК Тианетского уезда 02.22–05.22; нач. политбюро ЧК Телавского уезда 05.22–03.23; нач. политбюро ЧК Борчалинского уезда 03.23–12.23; зам. нач. УГРО АО Тифлисского горисполкома 01.24–04.25; нач. политбюро ЧК Потийского уезда 04.25–03.26; пом. прокурора НКЮ ГрузССР по Восточной Грузии 03.26–12.28; сотр. ОО 1-й Грузинской дивизии 02.29–05.29; нач. политбюро ЧК Шорапанского уезда 05.29–06.29; нач. Чиатурского райотд. ГПУ 06.29–12.30; сотр. ГПУ ГрузССР 12.30—1932; нач. 1-го отд-я СПО ГПУ ГрузССР 1932—02.33.

Зам. уполн. Наркомата совхозов ЗСФСР в Грузии 02.33–03.33; зам. пред. правления Цекавшири (Потребсоюз Грузии) 03.33—1933; зам. директора Лимантреста 1933—02.34; зам. нач. Субтропического упр. Наркомата земледелия ЗСФСР 1934—01.35; зам. управ. Самтрестом, нач. виноградного упр. 01.35–03.35; 1 секретарь Потийского горкома КП(б) Грузии 03.35–03.37; 1-й секретарь Цхакаевского райкома КП(б) Грузии 03.37–07.37; 1-й зам. наркома земледелия ГрузССР 20.07.37–10.37; нач. Колхидстроя 10.37–12.38.

В органах НКВД-МГБ: нарком внутр. дел БССР 17.12.38–26.02.41; нарком ГБ БССР 26.02.41–31.07.41; нач. ОО НКВД Западного фронта 19.07.41–21.10.413; зам. нач. упр. ОО НКВД СССР 21.10.41–19.04.43; нач. ОО НКВД Западного фронта 10.01.42–06.03.43; нач. ОО НКВД Центр. фронта 06.03.43–07.05.43; нарком-министр ГБ БССР 07.05.43–29.10.51; зам. нач. Центр. штаба партизанского движения 1943–1945; уполн. НКВД СССР по 2-му Белорусскому фронту 11.01.45–04.07.45; зам. министра ГБ СССР 29.10.51–14.02.52; нач. 2 гл. упр. МГБ СССР 06.11.51–15.02.52.

Снят с должности за допущенные “серьезные ошибки”. Решением секретариата ЦК ВКП(б) (Ст. 631/148 г) 06.52 был утвержден в должности нач. Гл. инспекции МВД СССР, но Политбюро ЦК его не утвердило.

Арестован 04.04.53 по решению Президиума ЦК КПСС

(обвинен в соучастии в убийстве С. М. Михоэлса). Умер во время следствия.

Звания: ст. майор ГБ 28.12.38; комиссар ГБ 3-го ранга 14.03.40; генерал-лейтенант 09.07.45.

Награды: орден Трудового Красного Знамени ГрузССР № 105 1930; орден Ленина № 5842 26.04.40; знак “Заслуженный работник НКВД” 28.05.41; орден Республики (Тува) № 95 04.42; орден Красного Знамени (МНР) № 402 1942; орден Красного Знамени № 26342 12.04.42; орден Красного Знамени № 4221 20.09.43; орден Суворова 1-й степени № 214 15.08.44; орден Красного Знамени № 1366 03.11.44; орден Кутузова 1-й степени № 567 21.04.45; орден Кутузова 1-й степени № 568 29.05.45; орден Ленина № 51105 30.04.46; орден Красного Знамени № 969 28.10.484; орден Ленина № 82167 30.12.48; орден Ленина № 124924 12.08.50; орден Красного Знамени № 207 01.06.51; орден Грунвальда 3-го класса (Польша); 2 советские медали; 3 польские медали.

24

Белянов Александр Михайлович (1903–1994). Генерал-майор (1943). В 1939 г. – начальник Особого отдела НКВД Академии РККА им. М. В. Фрунзе. В 1939–1941 гг. – заместитель начальника 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, начальник 3-го отдела НКВД СССР, начальник Особого отдела НКВД Западного фронта. В 1941–1942 гг. – начальник 6-го отдела Управления особых отделов НКВД СССР, начальник Особого отдела НКВД Крымского фронта. В 1942–1943 гг. – заместитель начальника Особого отдела НКВД Воронежского фронта, заместитель начальника Управления контрразведки СМЕРШ 1-го Украинского фронта. С июля 1944 г. – заместитель начальника 7-го отдела 2-го управления НКГБ СССР. В июле 1945 г. зачислен в резерв отдела кадров НКГБ СССР на должность заместителя начальника отдела. С апреля 1948 г. – начальник наградного отдела Министерства вооруженных сил СССР.

25

Юго-Западный фронт, образован 22 июня 1941 г. в результате преобразования Киевского Особого военного округа в составе 5-й, 6-й, 12-й и 26-й армий.

26

Южный фронт, образован 25 июня 1941 г. в составе 9-й и 18-й армий и 9-го отдельного стрелкового корпуса. Управление фронта было сформировано на базе управления Московского военного округа.

27

Сазыкин Николай Степанович (1910–1985). «Родился в семье крестьянина-середняка. Русский. В КП с 06.39 (член ВЛКСМ 1924–1939). В 1957 исключен из партии. Депутат Верховного Совета СССР 1 созыва (доизбран). Доктор техн. наук.

…Нач. цикла спец. Дисциплин Московской школы усовершенствования руководящего состава КГБ 03.54–20.11.54.

Уволен из КГБ с 20.11.54 по фактам, «дискредитирующим высокое звание начальствующего состава». (…) Лишен звания генерал-лейтенанта 23.11.54 пост. СМ СССР № 2349-1118сс «как дискредитировавший себя за время работы в органах… и недостойный в связи с этим высокого звания генерала».

Награды: знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)» 31.1038; орден Красной Звезды 26.04.40; орден Красного Знамени 20.09.43; орден Отеч. Войны 1 степени 21.04.45; ордена Ленина; орден Красной звезды; медаль» (Петров Н.В., Скоркин К.В. Указ. соч. С. 372–373).

28

Карельский фронт, образован директивой Ставки ВГК от 23 августа 1941 г., из части войск бывшего Северного фронта с задачей обеспечить стратегический фланг Красной армии, сухопутные и морские коммуникации на севере страны. В состав фронта вошли: 14-я и 7-я армии, а также командованию фронта оперативно подчинялся Северный флот.

Ленинградский фронт, образован директивой Ставки ВГК от 23 августа 1941 г. из части войск бывшего Северного фронта с задачей прикрытия непосредственных подступов к Ленинграду. В состав фронта вошли: 8-я, 23-я и 48-я армии, Копорская, Южная и Слуцко-Колпинская оперативные группы, а 30 августа в оперативное подчинение командования фронта был передан Балтийский флот.

Волховский фронт, образован 17 декабря 1941 г. за счет войск левого крыла Ленинградского фронта и резервов Ставки ВГК в составе 4-й, 52-й и 2-й Ударной армий и авиасоединений.

Северо-Западный фронт, см. примечание № 20.

Калининский фронт, образован директивой Ставки ВГК от 17 октября 1941 г. из войск правого крыла Западного фронта, прикрывавших Москву с северо-западного направления. В состав фронта вошли 22-я, 29-я, 30-я и 31-я армии.

25 сентября 1941 г. *7-я армия*, входившая в состав Северного (Карельского) фронтов, была переименована в 7-ю Отдельную армию с непосредственным подчинением Ставке ВГК (до февраля 1944 г.).

29

Брянский фронт, образован 16 августа 1941 г. в составе 13-й и 50-й армий. С 25 августа фронт был усилен за счет 3-й и 21-й армий Центрального фронта.

30

Северо-Кавказский фронт, образован 20 мая 1942 г. после упразднения Северо-Кавказского направления и расформирования Крымского фронта. В состав Северо-Кавказского фронта вошли: 44-я, 47-я и 51-я армии, в оперативное подчинение – Севастопольский оборонительный район, Черноморский флот, Азовская военная флотилия и Керченская военно-морская база.

31

Прохоренко Константин Павлович (1899–1944). «Родился в семье рабочего. Русский. В КП с 02.22.

Образование: церковно-приходская школа 1907; 4 класса 6-классного гор. училища, Смоленск 1910; гимназия, Смоленск 1918.

В РККА: письмоводитель, делопроизводитель Красненского уезд. военкомата 10.18—1918; рядовой полка 13-й армии 1918–1919; делопроизводитель пом. нач. отд. воен. цензуры Западного фронта 1919—03.21.

В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД: нач. цензурного отд-я Смоленской губ. ЧК 03.21—1922; нач. СО Смоленского губ. отд. ГПУ 1922; уполн. СО ПП ОГПУ по Западному краю 1923–1924; врид нач. СО ПП ОГПУ по Западному краю 1924; нач. СО ПП ОГПУ по Западному краю 1924—09.24; зам. нач. Витебского губ. отд. ГПУ, нач. СОЧ 01.10.24–02.26; врид нач. Витебского окр. отд. ГПУ 18.02.26–29.03.26; зам. нач. Витебского окр. отд. ГПУ, нач. СОЧ 29.03.26–17.08.26; нач. Калининского окр. отд. ГПУ 17.08.26–08.27; нач. 1-го отд-я КРО ПП ОГПУ по БВО 09.08.27–06.01.30; пом. нач. КРО ПП ОГПУ по БВО 1928—06.01.30; нач. ПРО ПП ОГПУ по БВО 06.01.30–12.02.31; нач. Гомельского опер, сектора ГПУ 12.02.31–21.09.31; нач. ОО 37 и 6 стр. дивизий БВО 12.02.31–21.09.31; нач. СПО ПП ОГПУ по Уралу 21.09.31–19.01.33; нач. Пермского опер, сектора ГПУ 19.01.33–08.10.33; пред. ГПУ КиргССР 23.12.33–10.07.34; зам. наркома внутр. дел ТуркмССР 22.03.35–23.08.35; нач. ОО УГБ УНКВД Курской обл. 23.08.35–23.04.36; пом. нач. УНКВД Курской обл. 23.08.35–27.07.37; нач. ДТО НКВД ж. д. им. Куйбышева 27.07.37–05.39; зам. нач. гл. лесной конторы Волгостроя НКВД 13.08.39—1941; нач. 5-го отд. Упр. ОО НКВД СССР 29.09.41–04.43; пом. нач. ГУКР СМЕРШ НКО СССР 29.04.43–04.10.44.

Звания: капитан ГБ 08.01.36; майор ГБ 29.01.37; полковник ГБ 14.02.43; генерал-майор 26.05.43.

Награды: знак “Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)” 20.12.32; медаль “XX лет РККА” 22.02.38; орден Отеч. войны 1-й степени 31.07.44 (Петров Н. В., Скоркин К. В. Указ. соч. С. 350).

32

Гладков Петр Андреевич (1902—?). Родился в семье рабочего-стекольщика. Русский. В КП с 11.25 (член ВЛКСМ 1922–1927).

Образование: сельская школа, мест. Свислочь 1915; Пролетарский ун-т, Гомель 12.19–02.20; Самарский геологоразвед. ин-т 12.31–03.33.

Чернорабочий, подручный мастера на стекольном з-де, пос. Елизово Бобруйского уезда 07.14—1915; лесоруб на лесоразработках, рабочий лесопильного з-да, Бобруйский уезд 1915—09.18; рабочий стеклозавода “Возрождение”, Рогачевский уезд 10.18–12.19; рядовой Пролетарского батальона (РККА), Гомель 02.20–12.20; рабочий стеклозавода “Возрождение” 12.20–05.23; зав. учетным отд. Рогачевского уезд. комитета ЛКСМ Белоруссии 05.23–02.24; зав. учетным отд. Гомельского губкома ЛКСМ Белоруссии 02.24–06.26; инструктор физкультуры, пред. бюро физкультуры Гомельского губ. СПС 06.26.—01.27; зам. пред. совета физкультуры Речицкого окр. исполкома 01.27–03.27; секретарь Ульяновского губ. совета физкультуры 03.27–07.28; секретарь Ульяновского окр. совета физкультуры 07.28–08.30; секретарь Ульяновского гор. совета физкультуры 08.30–04.31; редактор физкультурной газеты, Самара 04.31–12.31.

В органах ОГПУ-НКВД-МГБ: курсант Центральной школы ОГПУ СССР 03.33–04.34; уполн. секретариата ЭКУ ОГПУ СССР 04.34–10.07.34; уполн. секретариата ЭКО ГУГБ НКВД СССР 10.07.34–25.05.35; пом. уполн. 11 отд-я ЭКО ГУГБ НКВД СССР 25.05.35—?; уполн. отд-я ЭКО ГУГБ НКВД СССР? – 11.36; пом. опер, уполн. 4-го отд-я 3-го отд. ГУГБ НКВД СССР 11.36–14.03.37; опер. уполн. 3-го отд. УГБ НКВД БССР 03.37–09.12.37; пом. нач. 2-го отд-я 3-го отд. УГБ НКВД БССР 09.12.37—1938; нач. отд-я 3-го отд. УГБ НКВД БССР 1938; врид нач. 3-го отд. УГБ НКВД БССР 1938—16.04.39; нач. 3-го отд. УГБ НКВД БССР 16.04.39–08.06.39; зам. наркома внутр. дел БССР 08.06.39–02.11.39; нач. УНКВД Белостокской обл. 02.11.39–11.09.40; зам. наркома внутр. дел БССР 13.05.40–11.09.40; 1-й зам. наркома внутр. дел ЛитовССР 11.09.40–26.02.41; нарком ГБ ЛитовССР 26.02.41–31.07.41; нач. ОО НКВД Карельского фронта 09.09.41–11.01.42; нач. 9-го отд. Упр. ОО НКВД СССР 11.01.42–19.04.43; нач. УКР СМЕРШ Наркомата ВМФ СССР 19.04.43–25.02.46; в распоряжении кадров МГБ СССР 05.46–10.46; нач. отд. УКР МГБ МВО? – 1950; зам. нач. по лагерю Упр. Дубравного ИТЛ МВД 27.07.50–08.05.52; нач. отдела контрагентских работ Упр. Степного лагеря МВД? – 26.11.54.

Уволен из МВД по фактам, “дискредитирующим звание начсостава МВД”, 26.11.54.

Звания: сержант ГБ 11.12.35; ст. лейтенант ГБ 16.03.39 (произведен из сержанта ГБ); капитан ГБ 25.07.39; майор ГБ 14.04.40; комиссар ГБ 14.02.43; генерал-майор береговой службы 24.07.43; генерал-лейтенант береговой службы 21.07.44.

Лишен звания генерал-лейтенанта 03.01.55 пост. СМ СССР № 9-4сс “как дискредитировавший себя за время работы в органах… и недостойный в связи с этим высокого звания генерала”.

Награды: орден Красного Знамени 26.04.40; знак “Заслуженный работник НКВД” 02.02.42; орден Красного Знамени 22.02.43; орден Ленина 29.01.44; орден Красного Знамени 24.05.45; орден Нахимова 1-й степени 28.06.45» (Петров Н. В., Скоркин К. В. Указ. соч. С. 145–146).

33

Горгонов Иван Иванович (1903–1994). В 1945 г. – начальник отдела УКР СМЕРШ НКО СССР. В 1946–1947 гг. – начальник УМГБ по Московской области. В 1947–1951 гг. – начальник УМГБ по Москве и Московской области. Награжден орденами Ленина и Красного Знамени. В 1954 г. постановлением СМ СССР лишен звания генерал-майора.

63-я армия, создана 10 июля 1942 г. (на базе 5-й резервной армии). Первоначально в нее входили: 14-я гвардейская, 1-я, 127-я, 153-я, 197-я и 203-я стрелковые дивизии и ряд отдельных частей. С 12 июля вошла в состав Сталинградского фронта.

Сталинградский фронт, образован 12 июля 1942 г. для организации обороны на Сталинградском направлении в составе 62-й, 63-й и 64-й армий из резерва Ставки ВГК, 21-й армии и 8-й воздушной армии из упраздненного 12 июля Юго-Западного фронта. Управление фронта было сформировано на базе управления Юго-Западного фронта.

52-я армия, создана в августе 1941 г. на Северо-Западном фронте на базе 25-го стрелкового корпуса как Отдельная армия с непосредственным подчинением Ставки ВГК. Первоначально в нее входили: 267-я. 285-я, 288-я, 292-я, 312-я, 314-я и 316-я стрелковые дивизии и ряд отдельных частей. В октябре 1943 г. 52-я армия была передана в состав 2-го Украинского фронта.

2-й Украинский фронт, образован 20 октября 1943 г. (в результате переименования Степного фронта) в составе 4-й, 5-й и 7-й гвардейских, 37-й, 52-й, 53-й и 57-й общевойсковых армий, 5-й гвардейской танковой армии и 5-й воздушной армии.

36

Шелленберг Вальтер (1900–1952), бригаденфюрер СС, начальник VI управления Главного управления имперской безопасности (РСХА). В Национал-социалистической рабочей партии Германии с 1923 г. С сентября 1939 г. по июнь 1941 г. возглавлял отдел Е в VI управлении гестапо, занимавшийся контрразведкой. 22 июня 1941 г. Шелленберг был назначен на пост руководителя VI управления РСХА («Аусланд» СС). После поражения гитлеровской Германии на Нюрнбергском процессе Шелленберг был приговорен к 6 годам заключения. Освободился в 1950 г. Умер в Италии в 1952 г.

37

Стрелец Самуил Львович (1902–1942), *Беспалов-Тюков Иван Трофимович* (1897–1942), *Артамонов Георгий Адамович* (1900–1942) постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 2 мая 1942 г. были приговорены по ст. 58-1 «б» УК РСФСР к высшей мере наказания.

38

Форст Альфред Алоизович (1918–1942), гражданин СССР (прибыл в Советский Союз в 1925 г., работал агентом по заготовкам Химкинского горпо) был арестован 10 декабря 1941 г.

В феврале 1942 г. военным трибуналом Западного фронта осужден по ст. 58-1 «а» и 58–10 ч. 2 УК РСФСР к высшей мере наказания. Реабилитирован посмертно.

39

Осипов Владимир Михайлович, слесарь завода «Стандартизатор» г. Химки Московской области. Арестован 14 декабря 1941 г. ОО НКВД 16-й армии по обвинению в том, что, «будучи осведомлен о контрреволюционной деятельности Форста, не сообщил об этом в соответствующие органы». В феврале 1942 г. военным трибуналом Западного фронта был приговорен к 6 годам лишения свободы. Реабилитирован в 1990 г.

40

Можденский Александр Иванович (1905–1942), в январе 1941 г. военным трибуналом Западного фронта приговорен к высшей мере наказания.

41

Правильно *Дрыга Василий Андреевич* (1910–1942), арестован 6 ноября 1941 г. ОО НКВД Ивановского гарнизона по обвинению в измене Родине. В январе 1942 г. военным трибунатом Западного фронта был приговорен к 10 годам заключения. Умер в местах в местах лишения свободы.

42

Дмитриенко Павел или *Петр Александрович*, он же Дексбах Пауль – обер-лейтенант немецкой армии, вербовщик абверкоманды 1Б (летом 1943 г. – абверкоманды 103), приданной немецкой группе войск «Митте». После войны разыскивался советским органами госбезопасности как военный преступник.

43

Правильно *Горнашевич Иван Григорьевич*, подполковник, с сентября 1941 г. – заместитель командира 18-й танковой бригады. С октября 1941 г. по апрель 1945 г. находился в плену у немцев. После освобождения прошел проверку в 1-й запасной стрелковой дивизии. Уволен в запас в декабре 1946 г.

44

Фурман Юлиус, он же Фишер – капитан немецкой армии. До войны – преподаватель разведшколы в Штеттине, с началом боевых действий – сотрудник абвергруппы 107, приданной 2-й немецкой танковой армии. С июля 1943 г. – возглавлял агентурную работу в абверкоманде 103, с сентября 1944 г. служил в «Ваффен СС Ягдфербанд», в январе 1945 г вербовал агентуру в Бромбергском лагере военнопленных.

45

Имеется в виду боевая реактивная установка БМ-13 («Катюша»).

46

Байгузин Абдурахим Абубикерович (1916–1941), арестован ОО НКВД 49-й армии. 29 декабря 1941 г. армейским военным трибуналом приговорен к высшей мере наказания.

47

Крутиков Алексей Николаевич (1895–1949), генерал-лейтенант (1943 г.). В армии с 1918 г., в компартии с 1919 г. Участник гражданской войны. Окончил курсы «Выстрел», военную академию им. М. В. Фрунзе, Военную академию Генерального штаба. С ноября 1940 г. начальник штаба 7-й армии. В ходе войны начальник штаба, командующий этой армией (с января 1943 г.), начальник штаба Карельского фронта (с сентября 1944 г.), 1-го Дальневосточного фронта (с августа 1945 г.). После войны начальник штаба Приморского военного округа (1945–1946 гг.), затем – в центральном аппарате Министерства Вооруженных Сил СССР.

48

Один из укрепленных районов (УР), прикрывавший ближние подступы к Ленинграду с южного направления.

55-я армия сформирована в конце августа 1941 г. на Ленинградском фронте. Первоначально в её состав входили: 70-я, 90-я, 168-я, 237-я стрелковые дивизии, 1-я и 4-я дивизии народного ополчения, 2-й стрелковый полк, Слуцко-Колпинский УР и ряд других частей.

49

«Искра», кодовое наименование плана операции советских войск по прорыву блокады Ленинграда. План предусматривал одновременными встречными ударами войск Ленинградского фронта с запада и Волховского фронта с востока, в направлении на Синявино и Рабочий поселок № 5 во взаимодействии с Балтийским флотом разгромить группировку противника южнее Ладожского озера, ликвидировать шлиссельбургско-синявинский выступ и тем самым обеспечить сухопутное сообщение с Ленинградом. План «Искра» был успешно осуществлен в январе 1943 г.

50

Селивановский Николай Николаевич (1901–1997). Родился в местечке Хойники Речицкого уезда Полесской области в семье железнодорожного рабочего. В 1920–1922 гг. служил в Красной армии. С 1922 по 1937 гг. работал в Особом отделе ГПУ-ОГПУ-НКВД в Средней Азии. В апреле 1937 г. переведен в аппарат Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. В феврале 1941 г. начальник отделения 3-го управления НКО СССР. С октября 1942 г. – начальник Особых отделов НКВД Юго-Западного, Сталинградского, Южного, Донского фронтов, затем – заместитель начальника Управления особых отделов НКВД СССР. С марта 1943 г. по май 1946 г. занимал должность заместителя начальника Главного управления контрразведки СМЕРШ НКО СССР. Одновременно в январе – апреле 1945 г. был уполномоченным НКВД на 4-м Украинском фронте и в Польше, где занимал должность советника НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши. С мая 1946 г. – заместитель министра госбезопасности СССР, а также начальник 3-го Главного управления МГБ СССР (до ноября 1947 г.). В августе 1951 г. был снят с должности зам. министра и в ноябре арестован по делу Абакумова. За отсутствием состава преступления освобожден в марте 1953 г. В июне уволен в запас МВД по состоянию здоровья, но в ноябре 1953 г. формулировка увольнения была изменена на следующую: «по данным, дискредитирующим звание лица начальствующего состава МВД».

В компартии с 1921 г. Был депутатом Верховного Совета РСФСР.

Награжден 2 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Знак Почета, медалями.

51

Бабич Исай Яковлевич (1902–1948). Родился в г. Берислав Херсонской губернии в семье сапожника-кустаря. Окончил церковно-приходскую школу. Работал учеником наборщика и наборщиком в типографиях. В партии и органах госбезопасности с 1920 г. – работал в Николаевской ЧК, ГПУ Молдавской АССР, региональных отделениях ОГПУ – НКВД в Харькове, Виннице, Одессе, Киеве. С марта 1938 г. в военной контрразведке – начальник 2-го и 3-го отделов 2-го управления НКВД СССР, с января 1939 г. – начальник 4-го отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, с сентября 1940 г. – начальник Особого отдела НКВД Прибалтийского военного округа, в 1941 г. – начальник 3-го отдела ПрибВО, с июля 1941 г. – заместитель начальника, а с мая 1942 г. – начальник Особого отдела НКВД Северо-Западного фронта. С мая 1943 г. – заместитель начальника ГУКР СМЕРШ НКО СССР. В мае-сентябре 1945 г. генерал-лейтенант Бабич координировал работу органов СМЕРШ Забайкальского и Дальневосточного фронтов. С мая 1946 г. – заместитель начальника 3-го Главного управления МГБ СССР и по совместительству (с августа 1947 г.) – начальник Высшей школы министерства государственной безопасности. Награжден орденом Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 1-й степени, Красной звезды, Отечественной войны 1-й степени, знаком «Почетный работник ВЧК ГПУ(XV)».

52

Мешик Павел Яковлевич (1910–1953). В органах госбезопасности с 1932 г. В 1933–1939 гг. – врио начальника 3-го отделения 2-го отдела Главного экономического управления (ГЭУ) НКВД СССР, помощник начальника Следственной части НКВД СССР, начальник Следственной части ГЭУ. С марта 1940 г. – начальник 1-го отдела ГЭУ НКВД СССР. С февраля 1941 г. – нарком госбезопасности Украинской ССР. С июля 1941 г. по май 1942 г. начальник Экономического управления НКВД СССР. С мая 1943 г. – заместитель начальника ГУКР СМЕРШ НКО СССР. В декабре 1945 г. освобожден от занимаемой должности. В 1946–1953 гг. – заместитель начальника Первого Главного управления при СНК СССР. В марте – июне 1953 г. – министр внутренних дел УССР. 23 декабря 1953 г. расстрелян по приговору специального судебного присутствия Верховного суда СССР вместе с Л. П. Берией.

53

Мисюрев Александр Петрович (1902–1966). «Родился в семье крестьянина. Русский. В КП с 1925 (член РКСМ с 1920).

Образование: начальное.

Чернорабочий в типографии газеты «Русское слово», Москва 1915–1916; сотр. типографии И. Д. Сытина, за грубость начальству уволен; чернорабочий на постройке Мурманской ж. д. 1917; ученик слесаря в депо Московско-Курской ж.д. 1917–1918; уполномоченный продотряда по изъятию хлебных излишков Володарский р-н Рязанской губ. 1919; секретарь Полянского волисполкома Скопинский уезд 1919–1921; уполн. рудничного комитета по работе среди молодежи, Побединские рудники 1921–1922; отв. секретарь Побединского райкома РКСМ 1922–1924.

В органах ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ: рядовой 9-го погран. отряда ОГПУ 1924; пом. нач. заставы 9-го погран. отряда ОГПУ по полит. части 1924–1926; организатор по работе ВЛКСМ при 9-м погран. отряде ОГПУ 1926–1927; курсант Высшей погран. школы ОГПУ СССР 1927–1929; пом. уполн. 2-го отд-я ГУПО и войск ОГПУ СССР 1929–1931; уполн. 5-го отд-я ГУПО и войск ОГПУ СССР 1931–1933; опер, уполн. 5-го отд-я ГУПО и войск ОГПУ СССР 1933—10.07.34; опер, уполн. 5-го отд-я ГУПВО НКВД СССР 10.07.34—1935; инспектор Особой группы 1-го отд. ГУПВО НКВД СССР 1935—?; ст. инспектор Особой группы 1-го отд. ГУПВО НКВД СССР? – 1937; ст. пом. нач. 1-го отд-я 1-го отд. ГУПВО НКВД СССР 1937—?; ст. пом. нач. 3-го отд-я 1-го отд. ГУПВО НКВД СССР? – ?; ст. пом. нач. 5-го отд-я 1-го отд. ГУПВО НКВД СССР? – 11.02.39; ст. опер, уполн. 2-го отд-я 5-го отд. ГУГБ НКВД СССР 11.02.39–25.04.39; нач. развед. отд. Упр. погран. войск НКВД Белорусского окр. 04.39–15.05.39; зам. нач. Упр. погран. войск НКВД Белорусского окр. 04.39–15.05.39; пом. нач. 1-го отд-я развед. отд. ГУПВ НКВД СССР 15.05.39—1939; нач. 5-го отд. Упр. погран. войск НКВД БССР 1939—02.11.39; зам. нач. Упр. погран. войск НКВД БССР 1939—02.11.39; нач. УНКВД Барановической обл. 01.11.39–19.12.40; нач. УНКВД Белостокской обл. 19.12.40–15.03.41; зам. наркома внутр. дел БССР 15.03.41–19.12.41; нач. ОО НКВД Архангельского ВО 19.12.41–29.04.43; пом. нач. ГУКР СМЕРШ НКО СССР 29.04.43–05.46; нач. УКР МГБ Приволжского ВО 07.46–04.07.49; нач. УКР МГБ Киевского ВО 04.07.49–17.05.50; нач. 1-го упр. 3-го гл. упр. МГБ СССР 17.05.50–02.01.52; пом. нач. 3-го упр. МВД СССР 25.03.53–23.06.53; нач. ОО МВД СССР ГСОВГ 23.06.53—2.0.53; нач. ОО МВД СССР СКВО 2.0.53–15.06.54; нач. ОО КГБ СССР СКВО 15.06.54–08.59.

Звания: капитан 05.01.36; майор 20.04.38; полковник 22.05.39; майор ГБ 16.10.42; полковник ГБ 14.02.43; генерал-майор 26.05.43.

Награды: орден Красного Знамени 19.10.38; орден Красной Звезды 26.04.40; знак “Заслуженный работник НКВД” 19.12.42; орден Отеч. войны 1-й степени 28.10 43; орден Отеч. войны 2-й степени 31.07.44; орден Красного Знамени 03.11.44; орден Красной Звезды 25.03.45; орден Кутузова 2-й степени 13.09.45; орден Красного Знамени 24.08.49; знак “Почетный сотрудник госбезопасности” 23.12.57; орден Ленина» (Петров Н. В., Скоркин К. В. Указ. соч. С. 302–303).

Центральный фронт, образован 24 июля 1941 г. в результате разделения Западного фронта. Управление Центрального фронта создано на базе управления 4-й армии. В состав фронта вошли: 13-я, 21-я и 3-я армии.

Воронежский фронт, образован в июле 1942 г. из части войск Брянского фронта, оборонявшихся в районе Воронежа. Первоначально в состав фронта вошли: 40-я, 60-я (3-я резервная), 6-я (6-я резервная) армии, 2-я воздушная армия, 4-й, 17-й, 18-й и 24-й танковые корпуса.

Степной фронт, образован 9 июля 1943 г. в результате переименования Степного военного округа. В его состав вошли: 4-я гвардейская, 27-я, 47-я, 52-я, 53-я армии и 5-я воздушная армия.

55

Утехин Георгий Валентинович (1906—?). Родился в Санкт-Петербурге в семье военного врача. С 1919 г. – в Симбирске, ученик в театральной мастерской Госнардома. С 1921 г. – делопроизводитель, технический секретарь комитета комсомола завода им. В. Володарского. С 1922 г. – в отряде ЧОН ГПУ в Туркестане. В 1924–1925 гг. окончил школу 2-й ступени в Симбирске, работал на Симбирском патронном заводе и на маслозаводе «Красный Узбекистан» в Андижане. В 1926 г. поступил в Ленинградский фотокинотехникум, после окончания, которого в 1930 г. работал помощником кинооператора на «Ленфильме».

В 1933 г. был принят на службу в органы госбезопасности. С мая 1934 г. – уполномоченный Экономического отдела полномочного представительства ОГПУ Ленинградского военного округа. В 1935–1941 гг. в УНКВД по Ленинградской области: оперуполномоченный, помощник и зам. начальника отделения, начальник 5-го отделения 8-го отдела, 8-го отдела 1-го Управления госбезопасности, зам. начальника Экономического отдела УНКВД по г. Ленинграду, начальник Экономического отдела УНКВД по Ленинградской области, начальник КРО УНКГБ по Ленинградской области.

После начала Великой Отечественной войны – начальник Особого отдела НКВД 23-й армии Северного (Ленинградского) фронта, с 1943 г. – 2-й гвардейской армии Южного фронта. С 15 апреля 1943 г. – начальник 3-го отдела.

С июня 1946 г. – зам. начальника ВГУ МГБ СССР, с 1949 г. – начальник 1-го управления (внешней контрразведки) МГБ СССР, с сентября 1951 г. – начальник отдела «2-Б» ВГУ МГБ СССР.

В октябре 1951 г. был отстранен от работы и арестован по делу Абакумова. Освобожден из заключения и полностью реабилитирован в марте 1953 г. Назначен начальником 4-го управления (СПУ) МВД СССР. После прихода к власти Н. С. Хрущева от занимаемой должности был отстранен. До декабря 1955 г. – начальник 1-го отдела УМВД, начальник 2-го отдела УКГБ по Челябинской области.

В 1955 г. вышел в отставку по состоянию здоровья.

С 1957 г. работал заместителем директора по режиму и начальником специального отдела НИИ в Москве.

Награжден 2 орденами Красного Знамени.

«Русская освободительная армия» (РОА), название антисоветского воинского формирования, созданного в составе вооруженных сил Германии из предателей и насильно мобилизованных военнопленных. Командовал РОА бывший военнопленный генерал-лейтенант Власов А. А., откуда и название – «власовцы».

57

Ивашутин Петр Иванович (1909–2002). Родился в Брест-Литовске в семье рабочего-железнодорожника. После окончания профтехшколы в 1926 г. работал слесарем, путейцем, помощником мастера цеха на заводе в Иваново-Вознесенске. Одновременно учился на рабфаке.

В 1930 г. вступил в ряды ВКП(б). В 1931 г. по партнабору был призван в Красную Армию и направлен в школу военлетов. С 1933 г. служил летчиком-инструктором, с 1936 г. – пилотом авиабригады МВО. В 1937 г. – командир тяжелого бомбардировщика ТБ-3. В 1937–1938 гг. учился в Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского. После 2-го курса командного факультета был направлен на работу в органы НКВД.

В 1939 г. – начальник Особого отдела НКВД 23-го стрелкового корпуса ЛВО. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 гг. С 1941 г. – зам. начальника Особых отделов НКВД ЗакВО, Крымского, Северо-Кавказского фронтов, Черноморской группы войск Закавказского фронта. С 1942 г. – начальник Особого отдела НКВД Юго-Западного фронта, с 1943 г. – УКР СМЕРШ 3-го Украинского фронта. В 1945 г. – начальник УКР СМЕРШ Южной группы войск, затем с ноября 1947 г. – начальник УКР МГБ Группы советских оккупационных войск в Германии, с ноября 1949 г. – начальник УКР ЛВО.

В 1951 г. был назначен зам. начальника 3-го Главного управления МГБ СССР, с сентября 1952 г. – министр государственной безопасности УССР, с марта 1953 г. – зам. министра внутренних дел УССР.

С июня 1954 г. зам. председателя КГБ при СМ СССР, одновременно до сентября 1954 г. – начальник 5-го управления (контрразведывательное обеспечение особо важных гособъектов). В январе 1956 г. назначен 1-м зам. председателя КГБ. В 1958–1959 гг. курировал работу 3-го, 5-го и следственного управлений, 2-го спецотдела и моботдела, Комиссию по аттестации офицерского состава, ОТУ, ГУПВ.

С 5 по 13 ноября 1961 г. исполнял обязанности председателя КГБ СССР, заменив отстраненного от должности А. Н. Шелепина. В 1962 г. руководил следственной группой, направленной Президиумом ЦК КПСС в Новочеркасск. В марте 1963 г. был назначен начальником ГРУ. В военной разведке прослужил почти 25 лет.

Герой Советского Союза (1985 г.). Награжден 3 орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, 5 орденами Красного

Знамени, 2 орденами Кутузова 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, 2 орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, 3 орденами Красной Звезды, медалями, государственными наградами Польши, ГДР, Венгрии, Болгарии, ЧССР, МНР, Республики Куба.

С февраля 1987 г. состоял в группе генеральных инспекторов МО СССР. В мае 1992 г. в возрасте 82 лет уволен в отставку по болезни.

58

Михоэлс (настоящая фамилия Вовси) *Соломон Михайлович* (1890–1948), советский актер, режиссер, педагог, народный актер СССР. На сцене с 1919 г. Работал в Московском государственном еврейском театре (с 1929 г. художественный руководитель). В 1942–1948 гг. председатель Еврейского антифашистского комитета.

59

Огольцов Сергей Иванович (1900–1977). «Родился в семье крестьянина-бедняка. Русский. В КП с 1919. Депутат Верховного Совета 2-го созыва.

Образование: 2-классное министерское училище, Канино 1916.

Письмоносец Сапожковского вол. правления 1916—10.17; секретарь Сапожковского вол. Совета 10.17–05.18.

В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ: секретарь подотд. по борьбе со спекуляцией. Следователь Сапожковской уезд. ЧК 05.18–03.19; зам. зав. подотд. по борьбе с контрреволюцией Сапожковской уезд. ЧК 03.19–06.19; опер, комиссар обысков Рязанской губ. ЧК 06.19–08.19; зав. подотд. оружия Рязанской губ. ЧК 08.19–09.19; пом. уполн. Рязанской губ. ЧК по Раненбургскому уезду 09.19–04.20; комиссар обысков ВЧК 04.20–05.20; в распоряжении Харьковской губ. ЧК 05.20–06.20; зав. бюро обысков Полтавской губ. ЧК 07.20–08.20; зав. РСО Полтавской губ. ЧК 08.20–10.20; зам. секретаря Полтавской губ. ЧК 10.20–12.20; зам. зав. ОББ Полтавской губ. ЧК 12.20–01.21; нач. политбюро ЧК Лохвицкого уезда 01.21–06.23; зам. нач. Прилукского отд. ГПУ 06.23–08.23; уполн. ОО 14-го стр. корпуса 08.23–12.23; инспектор ОО 14-го стр. корпуса 12.23–03.24; уполн. по информации ОО 14-го стр. корпуса 03.24–10 25; пом. нач. ОО 80-й стр. дивизии 10.25; курсант Высшей погран. школы ОГПУ 10.25–01.27; пом. нач. ОО 15-й стр. дивизии 02. 27–06. 27; нач. ОО 1-й кав. дивизии 06.27–02.29; зам. нач. ОО 1-го кав. корпуса 06.27–02.29; нач. ОО 96-й стр. дивизии 02.29–06.29; зам. нач. ОО 17-го стр. корпуса 02.29–06.29; нач. ОО 95-й стр. дивизии 06.29–12.29; нач. ОО 44-й стр. дивизии 12.29–09.30; зам. нач. ОО 8-го стр. корпуса 12.29–09.30; пом. нач. ОО Житомирского сектора ГПУ 10.30–08.32; нач. ОО 99-й Черкасской стр. дивизии 08.32–02.34; пом. нач. ОО 7-го стр. корпуса, нач. ОО 30-й стр. дивизии 02.34–09.35; зам. нач. Волочисского погран. отряда НКВД по опер. части 09.35–12.35; нач. штаба Одесского погран. отряда НКВД 12.35–06.01.36; нач. 27-го крымского погран. отряда НКВД 06.01.36–17.02.38; нач. 4-го Архангельского погран. отряда НКВД 17.02.38–04.03.394 нач. УНКВД Ленинграда 04.03.39–26.0241; зам. нач. УНКГБ Ленинградской обл. 13.03.41–31.07.41; зам. нач. УНКВД Ленинградской обл. 08.41–28.12.42; нач. УНКВД Куйбышевской обл. 07.05.43; нач. УНКГБ Куйбышевской обл. 07.05.43–22.03.44; нарком ГБ КазССР 22.03.44–04.12.45; 1-й зам. наркома-министра ГБ СССР 04.12.45–17.05.46; зам. министра ГБ

СССР по общим вопросам 17.05.46–26.08.51; 1-й зам. министра ГБ СССР 26.08.51–13.02.52; министр ГБ УзбССР 15.02.52–20.11.52; 1-й зам. министра ГБ СССР 20.11.52–11.03.53; нач. ГРУ МГБ СССР 05.01.53–11.03.53

Арестован 03.04.53 по обвинению в убийстве С. М. Михоэлса; освобожден по пост. ЦК КПСС 06.08.53.

Уволен в запас МВД 01.54.

Звания: майор 03.04.39; майор ГБ 21.04.39 (произведен из майора); ст. майор ГБ 07.04.40; комиссар ГБ 3 ранга 14.02.43; генерал-лейтенант 09.07.45.

Лишен звания генерал-лейтенанта 08.06.59 пост. СМ СССР “как дискредитировавший себя за время работы в органах… и недостойный в связи с этим высокого звания генерала”.

Награды: знак “Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)” 29.08.36; медаль “XX лет РККА” 22.02.38; орден Красной Звезды 26.04.40; орден Красного Знамени 18.05.42; орден Красной Звезды 20.09.43; орден Кутузова 2-й степени 08.03.44; орден Красного Знамени 03.11.44; орден Ленина 21.02.45; орден Отеч. войны 1-й степени 16.11.45; орден Красного Знамени 29.10.48; орден Отеч. войны 1-й степени». (Петров Н. В., Скоркин К. В. Указ. соч. С. 323).